912

ЗАПИСКИ

БУРІЕННА.

Перевелъ съ Французскаго

С. ДЕ ШАПЛЕТЪ.

ЧАСТЬ IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1834.

БИБЛІОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКАГО
АЛЕКСАНДРОВСКАГО ЛИЦЕЯ

КОМНАТА	ШКАФЪ XLVIII
ПОЛКА 7	№ 10v334 ИНВЕНТАРЯ

лійскаго:

теръ-Скотта.

сторич. Романъ, 5 ча-
а . . . . . .
РИЖСКІЙ. Истори-
. . . . . .
Шотландскій Романъ,
. . . . . .

КАРТИНА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮ-
ЦІИ. 4 части, съ портретомъ Наполеона . .
ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТЕ. 14
частей . . . . . .

Съ Нѣмецкаго:

ХРИСТИНА и ДВОРЪ ЕЯ. Историческій
Романъ соч. Фанъ-деръ-Фельде, 2 части . .

Съ Французскаго:

Соч. Жуи.

АНТЕНСКІЙ ПУСТЫННИКЪ. 5 частей, съ
картинками . . . . . .
ГИЛІОМЪ ЧИСТОСЕРДЕЧНЫЙ. 2 части,
съ картинками . . . . . .
ГВІАНСКІЙ ПУСТЫННИКЪ. 3 части съ
картинками . . . . . .
ДОБРОДУШНЫЙ. Соч. Ружмона, 1
съ картинкою . . . . . .
ЛОНДОНСКІЙ ПУСТЫННИКЪ. 3 ч
съ картинками . . . . . .
ВУДСТОКЪ. Историческій Романъ соч.
теръ-Скотта, 4 части . . . . . .

ЗАПИСКИ

Г. БУРІЕННА.

10, 334 XLVIII

ЗАПИСКИ

Г. БУРІЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННАГО МИНИСТРА.

О

НАПОЛЕОНѢ,

ДИРЕКТОРІИ, КОНСУЛЬСТВѢ, ИМПЕРІИ И ВОЗСТАНОВЛЕНІИ БУРБОНОВЪ.

Перевелъ съ Французскаго

С. ДЕ ШАПЛЕТЪ.

Александровскаго лицея библиотека

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЧАСТЬ IV.

Пріобрѣтена 1838 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

1834.

Научная библиотека Уральского Государственного университета

9 (И)

Лицей

Печатать Позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. С. Петербургъ 10 Апрѣля, 1834 года.

Цензоръ *П. Гаевскій.*

Уральский Индустриальн. Ин-тут
имени С. М. КИРОВА
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Пр. 2010

ЗАПИСКИ

Г. БУРІЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННАГО МИНИСТРА.

ГЛАВА I.

Тюліери. — Предвидѣніе царскаго сана.—Народъ правъ.—Термометръ мнѣнія.—Прогулка по галереѣ.—Замѣчательное изреченіе. — Дипломатическій Корпусъ. — Торжественное представленіе.—Г-жа Бонапарте и Королева. — Счастливое похищеніе.—Г. Дефе.—Отложеніе суда и спасеніе отъ вѣрной смерти.—Г. Фротте.—Безполезный успѣхъ. — Изученіе Вандейцевъ.—Воспоминаніе о Шареттѣ.—Собственноручное письмо.—Обстоятельныя подробности.—Генералъ Траво и Шареттъ.—Одежда осужденнаго.—Одна минута волненія.—Мужественная смерть. — Боязнь междоусобія. — Жоржъ допущенъ къ частному свиданію.—Осторожность Раппа и довѣрчивость Бонапарте.—Жаркій разговоръ.—Мнѣніе Наполеона о Жоржѣ.

И такъ мы находились въ Тюліери! на утро послѣ этого, столь желаннаго дня когда мы ночевали въ Королевскихъ чертогахъ, я сказалъ

Наполеону, вошедъ къ нему въ комнату: «И така
Генералъ, теперь вы наконецъ безпрепятствен
но достигли народныхъ кликовъ. Помните
вы слова, сказанныя мнѣ вами въ Анненск
улицѣ, года два тому назадъ (*)? — Пр
да, очень помню. Вотъ что значитъ захоте
Этому всего только два года! А вѣдь мы да
тѣхъ поръ не дурно дѣйствовали? Вообще
очень доволенъ; вчерашній день шелъ все
хорошо. Не ужели ты полагаешь что всѣ
люди льстили мнѣ отъ души? но радость на
да была искренна; народъ правъ. Притомъ
справься съ великимъ термометромъ мнѣ
спроси о курсѣ; онъ съ каждымъ днемъ воз
шается; послѣ этого пусть болтаютъ Якоб
цы. Но только не слишкомъ громко! . . .»

Когда Бонапарте одѣлся, то мы пошли п
ходиться по Діаниной галереѣ; онъ разсмат
валъ статуи, поставленныя тамъ по его при
занію и окончательно вступилъ во владѣніе с
имъ новымъ жилищемъ. Я помню, что меж
прочимъ онъ сказалъ мнѣ: «Буріеннъ, этого
довольно чтобъ быть въ Тюліери; надобно зд
остаться. Кто не жилъ въ этомъ дворцѣ? Р
бойники, члены Конвента. Взгляни вотъ до
твоего брата. Не изъ него ли я видѣлъ ка
осаждали Тюліери и захватили добраго Лудо

(*) Я бы могъ сдѣлаться Королемъ, но еще не пришло вр

такa XVI? Но будь спокоенъ, пусть они сюда по-
тважалуютъ! . . . .»

Въ эпоху перемѣщенiя Правительства изъ
Люксембурга въ Тюлiери, вотъ какой былъ со-
ставъ дипломатическаго Корпуса въ Парижѣ.
Нужнымъ считаю наименовать здѣсь Министровъ,
дабы читатель могъ видѣть съ какими Держа-
вами Францiя находилась тогда въ мирѣ.

Г. Г. Маркизъ Мусквицъ, Посланникъ Испанскiй.
Юстинiани, Посланникъ Римскiй.
Сербеллони, Посланникъ Цизальпинской Республики.
Шиммельпеннинкъ, Посланникъ и Полномочный Министръ Батавской Республики.
Цельтнеръ Полномочный Министръ Гельветической Республики.
Баронъ Рейтценштейнъ Полномочный Министръ Баденскiй.
Бонарди, Полномочный Министръ Лигурiйской Республики.
Мантей, Повѣренный въ дѣлахъ Данiи.
Конпъ, Повѣренный въ дѣлахъ Гессенъ-Касселя.
Сигнель, Главный Комерческiй агентъ и повѣренный въ дѣлахъ Швецiи.
Классенъ, Главный Комерческiй агентъ Данiи.

Дипломатическiй Корпусъ, такимъ образомъ

составленный имѣлъ у Консула 2 Вантоза тор жественную аудіенцію. Во дворцѣ приготовил залу нарочно для этой церемоніи, сдѣлавшейс новою, какъ и все, тогда происходившее. Уж начинали рыться въ старинномъ церемоніял Французскаго двора; и въ ожиданіи Камергеров и Оберъ - Церемоніймейстера, Государственном Совѣтнику Г. Бенезешу, бывшему Министру Вну треннихъ Дѣлъ, поручили исправленіе ихъ обя занностей.

Когда всѣ Посланники собрались, то Г. Бе незешъ ввелъ ихъ въ кабинетъ, въ котором были три Консула, Министры и Государствен ный Совѣтъ. Посланники представили сво вѣрительныя грамоты Первому Консулу, кото рый отдалъ ихъ Министру Внѣшнихъ Сношеній За этимъ представленіемъ послѣдовали многі другія, какъ на примѣръ Апеляціоннаго Суд коего Предсѣдателемъ былъ тогда прежній адво катъ Тарже, отказавшійся защищать Лудовик XVI. Все это, какъ я сказалъ, происходило в присутствіи трехъ Консуловъ; но Первый Кон сулъ отличался отъ своихъ товарищей въ осо бенности тѣмъ, что по выходѣ изъ этихъ офи ціяльныхъ аудіенцій, отправлялись къ Г-ж Бонапарте, какъ нѣкогда къ Королевѣ, посл представленія Королю.

Такимъ образомъ старинные Царскіе обыча мало по малу вводились въ Королевскую обі

тель. Между правами, присвоенными коронѣ и не предоставленными Первому Консулу Конституцiею VIII года, то котораго онъ очень добивался, и которое присвоилъ себѣ чрезъ самое счастливое изъ всѣхъ похищенiй—было право даровать помилованiе. Я довольно доказалъ, что я не былъ льстецомъ Наполеона и его памяти, а потому кажется можно повѣрить тому что я говорю: Бонапарте ощущалъ влеченiе спасать людей, осужденныхъ закономъ и когда повелительныя нужды его политики,—коимъ надобно признаться, онъ всѣмъ жертвовалъ,—ему то позволяли, то это причиняло ему сильную радость: онъ охотно бы поблагодарилъ тѣхъ, которымъ онъ оказывалъ такiя услуги, только за то, что они доставили ему случай оказать ихъ. Таковъ былъ Консулъ: я не говорю объ Императорѣ. Бонапарте, Первый Консулъ, былъ доступенъ ходатайству дружбы въ пользу опальныхъ; слѣдующая черта, коею я былъ сильно тронутъ, представляетъ неоспоримое тому доказательство.

Мы были еще въ Люксембургѣ когда Г. Дефё, Французскiй эмигрантъ былъ захваченъ въ Тиролѣ съ оружiемъ въ рукахъ Республиканскими войсками; по отведенiи въ Гренобль, его посадили въ военную тюрьму этого города. Въ Генварѣ мѣсяцѣ, Генералъ Ферино, начальствовавшiй тогда въ Гренобле, получилъ повелѣнiе

предать суду молодаго эмигранта. Законы противъ эмигрантовъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, были ужасны, и судьи не смѣли показывать снисходительности. Поутру предавали суду, въ тотъ же день осуждали, а вечеромъ разстрѣливали:—таковъ былъ обыкновенный ходъ дѣлъ въ этихъ неумолимыхъ судилищахъ. Одна изъ моихъ родственницъ, дочь Г. Пуатренкура пріѣхала изъ Сана въ Парижъ съ тѣмъ, чтобы увѣдомить меня объ ужасномъ положеніи Г. Дефе; она сказала мнѣ что Г. Дефё находится въ родствѣ съ почетнѣйшими семействами города Сана и что всѣ принимаютъ въ немъ живѣйшее участіе.

Я отлучался на нѣсколько минутъ для свиданія, котораго просила у меня дѣвица Пуатренкуръ; возвратясь, я нашелъ Перваго Консула удивленнымъ тѣмъ, что онъ одинъ въ кабинетѣ, откуда я имѣлъ привычку не уходить безъ его вѣдома. «Гдѣ ты это былъ?» спросилъ онъ у меня.—«Я видѣлся съ одною изъ моихъ родственницъ, которая проситъ у васъ милости.—Какой это?» Я разсказалъ ему тогда о печальномъ положеніи Г. Дефё. Первый отвѣтъ его былъ ужасенъ. «Нѣтъ пощады!» вскричалъ онъ, «нѣтъ пощады эмигрантамъ! тотъ кто сражается противъ своего отечества есть сынъ, желающій убить мать свою.» По прошествіи этого перваго гнѣва, я опять началъ просить;

представилъ ему молодость Г. Дефё и благопрiятное впечатлѣнiе, которое это произведетъ. «Ну пиши,» сказалъ онъ мнѣ: *Первый Консулъ повелѣваетъ остановить судъ надъ Г. Дефё.* Онъ подписалъ этотъ лаконическiй приказъ, который я тотчасъ отправилъ къ Генералу Ферино; и увѣдомивъ о томъ мою родственницу, я остался спокоенъ на счетъ слѣдствiй этого дѣла.

На другой день утромъ, едва я вошелъ въ комнату Перваго Консула, какъ онъ сказалъ мнѣ: «Чтожъ, Бурiеннъ, ты ничего не говоришь мнѣ о твоемъ Г. Дефё; доволенъ ли ты?—Генералъ, я не нахожу словъ для выраженiя моей признательности.—Вотъ еще! . . . Но я не люблю дѣлать вещи въ половину. Напиши къ Ферино, что я хочу, чтобы Г. Дефё былъ тотчасъ освобожденъ. Можетъ статься онъ заплатитъ мнѣ неблагодарностью, ну чтожъ . . . тѣмъ хуже для него. Такихъ вещей, Бурiеннъ проси у меня всегда; если я откажу, то значитъ, что я ужъ не могъ сдѣлать иначе.»

Я отправилъ на свой счетъ нарочнаго курьера, который прiѣхалъ во время для того, чтобы спасти жизнь Г. Дефё. Мать его, у которой онъ былъ единственный сынъ и Г. Бланше, его дядя, нарочно прiѣхали изъ Сана въ Парижъ для засвидѣтельствованiя мнѣ своей благодарности. Я видѣлъ радостныя слезы матери,

которой по всей вѣроятности пришлось (
горько плакать и сказалъ ей, согласно съ мои
чувствами, что я очень вознагражденъ усп
хомъ, мною исходатайствованнымъ (*).

Ободренный этою счастливою удачею и бл
госклонными словами Перваго Консула, я п
пытался просить помилованія Графу Фрот
о которомъ меня убѣждали самыя почетн
особы. Графъ Лудовикъ Фротте сначала прот
вился всякимъ переговорамъ о замиреніи
Вандеею; наконецъ, въ слѣдствіе нѣсколькн
несчастныхъ сраженій, въ концѣ Генваря, о
былъ доведенъ до необходимости самъ дѣла
вызовы, которыхъ онъ не принялъ. Въ э
эпоху онъ написалъ къ Генералу Гидалю пис
мо, въ которомъ онъ дѣлалъ мирныя предл
женія. Ему послали охранный листъ для проѣ
да въ Алансонъ. Къ несчастію Г. Фротте,
то самое время, какъ ему отправляли требу
мый имъ охранный листъ, писалъ къ своим
сподвижникамъ убѣждая ихъ не покоряться
не допускать себя обезоруживать. Это письм
было перехвачено; оно придало его предлож
нію о переговорахъ, совершенный видъ обман
что подтверждалъ и манифестъ Г-на Фротт
правда, что изданный прежде предложеній
примиренія, но въ которомъ онъ возвѣщал

(*) Г. Дефё, избѣгнувшій вѣрной смерти, имѣетъ теперь трех дѣтей и живетъ счастливо и спокойно въ Санѣ.

всѣмъ своимъ сообщникамъ о скоромъ концѣ *преступнаго замысла Бонапарте.*

Мнѣ было труднѣе чѣмъ въ дѣлѣ Г. Дефё склонить Перваго Консула къ снисходительности. Однакожъ я столько его убѣждалъ, такъ усиливался выставить ему счастливое дѣйствіе, которое произведетъ его великодушіе, что наконецъ получилъ приказаніе остановить судъ. Какой урокъ получилъ я тогда о несчастіяхъ, въ которыя можетъ вовлечь потеря времени! Не полагая, чтобы дѣла зашли такъ далеко, какъ было, я не тотчасъ отправилъ курьера съ приказомъ о прекращеніи суда; между тѣмъ Министръ Полиціи обрекъ уже свою жертву; онъ не терялъ времени когда слѣдовало сдѣлать зло: а потому, рѣшась не знаю по какимъ причинамъ, погубить Г. Фротте, онъ послалъ повелѣніе ускорить надъ нимъ судъ. Графъ Лудовикъ Фротте былъ преданъ оному 28 Плювіоза, осужденъ того же числа и казненъ на другой день, наканунѣ переѣзда нашего въ Тюлієри. Ужасная поспѣшность Министра сдѣлала тщетнымъ успѣхъ моего ходатайства. Я имѣлъ причину думать, что послѣ того дня какъ Первый Консулъ далъ мнѣ по этому дѣлу отсрочку, до него тайно дошло какое либо новое противъ Г. Фротте обвиненіе; ибо узнавъ о его смерти, онъ показался очень равнодушнымъ къ замедленію въ отсылкѣ приказа о помилованіи;

онъ сказалъ мнѣ только съ несвойственною су «Д
суровостью: «Надобно тебѣ было лучше расп «с
рядиться. Тутъ ужъ не я виноватъ.» «о

Сказанное мною о великодушіи Перваго Ко «р
сула къ Эмигранту, взятому съ оружіемъ в «в
рукахъ и къ Вандейскому вождю, естественны «с
образомъ приводитъ мнѣ на память то что Б «р
напарте думалъ и говорилъ о героѣ-разбойни «с
Вандейскихъ армій, Маркизѣ де Шареттѣ. «с

Бонапарте всегда считалъ Шаретта одни «у
изъ самыхъ пламенныхъ враговъ Республики «и
однимъ изъ твердѣйшихъ подпоръ Монархі
Читатели помнятъ, что въ собственноручно «с
его описаніи дня 13 Вандеміера, онъ говори «з
что большая часть взятыхъ въ этотъ день плѣ «с
ныхъ были Шуаны Шаретта. Этотъ Шуанск «в
Генералъ былъ казненъ 29 Марта 1796 го с
Въ это время Бонапарте только что пріѣха «т
изъ Италіи и начиналъ поприще побѣдъ своих «с
онъ объ немъ не думалъ. Въ эпоху е «Д
Консульства, до которой мы теперь достигл «ж
онъ въ особенности занимался изученіемъ дух «т
оживлявшаго Вандейскихъ мятежниковъ, кот «д
рыхъ онъ старался усмирить. Между присла «с
ными къ нему разными бумагами, находило «и
нижепомѣщенное письмо о смерти Шарет
коего подлинникъ у меня сохранился. «с

Нантъ, 11 Жерминаля IV год «Б

«Тебѣ конечно не непріятно будетъ, любезны «у

«другъ, имѣть точныя подробности о смерти «слишкомъ знаменитаго Шаретта; любопытно «изучать такихъ мужей, которые подобно ге«роямъ, долженствуютъ занимать современни«ковъ и потомство. О цѣлой жизни ихъ «судятъ по ихъ послѣднимъ минутамъ; сби«раютъ подробности объ оныхъ, наблюдаютъ, «сближаютъ оныя и наконецъ успѣваютъ со«ставить себѣ о нихъ здравое понятіе, столь же «удаленное отъ ужаса какъ и отъ удивленія, «коимъ духъ партій облекаетъ ихъ поступки.

«Шареттъ, взятый 2 числа сего мѣсяца Ге«нералъ-Адъютантомъ Траво, былъ сначала отве«зенъ въ Анжеръ; Нантъ потребовалъ его къ «себѣ. Справедливость требовала, чтобы мѣсто «ненавистнаго его торжества сдѣлалось и мѣ«стомъ его справедливой казни. Онъ прибылъ «туда въ часъ по полуночи. Вышедъ изъ лодки, «онъ сказалъ съ сильнымъ волненіемъ груди: «*Такъ вотъ до чего довели меня эти бездѣль«ники Англичане!* Это была единственная мину«та въ которую въ немъ замѣтили какое-то «волненіе. Будучи отведенъ въ домъ Буффе, онъ «спросилъ стаканъ воды; послѣ того ему доз«волили нѣсколько отдохнуть и онъ заснулъ.

«На другой день утромъ около девяти часовъ, «его отвели къ Генералу Дютилю, для допроса. «Не знаю точно что тамъ происходило; но меня «увѣряли что онъ отказался отвѣчать на многіе

«вопросы Генерала и сказалъ что послѣ . . .
«онъ не зналъ другаго, бо́льшаго бездѣльник
«что онъ по правдѣ сказать дрался за проти
«Революцію, но что онъ не принадлежалъ
«его партіи и отрицался отъ него. Гренадеры
«Егеря и кавалерія народной Гвардіи, были по
«ружьемъ; нарядили двѣ Роты моего полка, и д
«Роты Нантскаго Легіона. Шареттъ, посреди эт
«стражи, предшествуемый человѣками шесты
«Генераловъ и окруженный нѣсколькими Жанда
«мами, чрезъ улицы Св. Іакова и Кребиліонову
«чрезъ площадь Равенства, былъ отведенъ обрат
«въ тюрьму поКассерійской улицѣ. Множество н
«рода собралось на пути его и на балконахъ. Кл
«ки: *Да здравствуетъ Республика!* часто разд
«вались; но отъ того ли что плѣнника сопровожд
«ла грозная стража или отъ того что мы воспрі
«ли лучшіе нравы и что время ярости минов
«лось,—а негодованіе было удержано и его изб
«вили отъ оскорбительныхъ личностей.

«Онъ былъ въ сѣрыхъ панталонахъ и въ тако
«же курткѣ безъ всякаго другаго отличія кром
«узкаго зубчатаго галуна на воротникѣ: на голов
«у него былъ бѣлый платокъ, слегка повязан
«ный по Креольски. Онъ былъ раненъ въ голов
«и правое плечо его было еще обагрено кровью
«Лѣвая рука была подвязана платкомъ. Сабель
«нымъ ударомъ ему отрубили три пальца это
«руки. Видъ его былъ самоувѣренъ, походк

«тверда и величайшее хладнокровіе царствовало «на лицѣ его: цвѣтъ лица его не былъ уже, какъ «при замиреніи, бѣлъ и ровенъ. Изнуренія его по- «темнили. Онъ смотрѣлъ на все безъ наглости «и безъ низости.

«На другой день, 9 числа, онъ былъ сужденъ «и выдержалъ равно свой характеръ, отвѣчая «на всѣ вопросы безъ гнѣва и съ хладнокровіемъ. «Между сдѣланными ему вопросами вотъ тѣ, кото- «рые показались мнѣ наиболѣе занимательными:

«У него спросили, не обѣщали ли ему на- «родные представители при замиреніи, Короля. «Онъ отвѣчалъ что нѣтъ; и что они никогда не «говорили ему объ этомъ, ни во всенародныхъ «рѣчахъ своихъ, ни въ частныхъ разговорахъ.

«Зачѣмъ онъ нарушилъ миръ? — Затѣмъ что «онъ узналъ, что представитель Годенъ сбирает- «ся послать войска для того чтобы захватить «его и похитить вопреки договору.

«Имѣлъ ли онъ переписку съ эмигрантами и «съ Иностранными Державами?—Онъ сказалъ, что «получилъ только пятнадцать тысячъ франковъ «отъ Англичанъ, съ которыми онъ имѣлъ сноше- «нія только во время нахожденія ихъ на Божіемъ- «Островѣ (Ile Dieu); что онъ получилъ отъ нихъ «лишь очень мало оружія и амуниціи; что не «имѣлъ переписки съ эмигрантами; а получилъ «только лоскутокъ бумаги отъ Графа д'Антрега и «отъ Графа д'Артуа; сверхъ того отъ Лудовика

«XVIII патентъ на чинъ Генералъ-Лейтенанта

«Ему замѣтили что онъ не точенъ въ этом
отвѣтѣ.

«Имѣлъ ли онъ переписку? — Нѣтъ; а ко
«ему встрѣчалась нужда въ оружіи и въ ам
«иціи, то онъ посылалъ за ними мужиковъ, вв
«рясь ихъ проворству.

«Когда ему напомнили объ убійствахъ въ М
«шекулѣ и въ другихъ мѣстахъ, имъ произведе
«ныхъ, то онъ довольствовался отвѣчать отри
«тельнымъ движеніемъ головы и горькою ул
«кою какъ бы для того чтобы дать почувств
«вать, что онъ исполнялъ ремесло свое. Впроче
«онъ сознался, что былъ Главнокомандующи
«и въ пользу Монархіи; но что за нѣсколь
«дней передъ тѣмъ какъ его захватили, одн
«Генералъ, котораго онъ не назвалъ, предлага
«ему покровительство, если онъ покинетъ влад
«нія Республики; что онъ оставилъ это писы
«у священника, ибо въ его положеніи, со всѣх
«сторонъ тѣснимый, онъ не могъ возить съ с
«бою бумагъ; что онъ отвѣтствовалъ только Г
«нералу, что ему нужно нѣсколько срока д
«постановленія условій. Опираясь на это, он
«просилъ отсрочки и отправленія его въ Париж
«какъ Комартена. Онъ не переставалъ хвали
«храбраго, великодушнаго Траво и стрѣлков
«его (*).

(*) Наполеонъ сказалъ на Островѣ Св. Элены, что это пред

«Когда судьи удалились для балтировки, то «онъ разговаривалъ съ окружавшими его; онъ «разсказывалъ имъ обстоятельства своего плѣне«нія и отвѣчалъ тѣмъ, которые удивлялись тому «что онъ не лишилъ себя жизни, что самоубій«ство было всегда противно его правиламъ и «что онъ считалъ его подлостью.

«Когда ему прочли приговоръ, то крикъ: *Да «здравствуетъ Республика*, раздался во всей залѣ. «Онъ выслушалъ его безъ волненія, черты его «ни на минуту не измѣнились. Онъ потребовалъ «дозволенія говорить: молчаніе воцарилось. Онъ «сказалъ что не старается отсрочить часъ своей «смерти, но что проситъ Комисію сдѣлать ему «удовольствіе, послать за письмомъ, имъ упо«мянутымъ. Въ пять часовъ, онъ былъ отведенъ «на площадь *Земледѣльцевъ*. Пять тысячъ че«ловѣкъ составляли каре; Священникъ Гиберъ «находился при послѣднихъ его минутахъ: Онъ «не хотѣлъ, ни стать на колѣни, ни дозволить «завязать себѣ глаза; но представя грудь свою «взводу, долженствовавшему въ него выстрѣлить, «выдернувъ лѣвую руку изъ платка, коимъ она «была завернута и ставъ бокомъ, подалъ знакъ «что готовъ; выстрѣлъ раздался и онъ палъ «мертвый. Ему было тридцать три года; ростъ «его былъ около пяти футъ четырехъ дюймовъ,

---

женіе сдѣлалъ Шаретту Генералъ Гошъ, 21 Фрвраля 1796. Это было чрезъ нѣсколько дней послѣ того какъ его взяли.

«волосы черные, брови черныя же и прям
«глаза впалые и маленькіе, но быстрые; н
«длинный съ горбомъ, ротъ большой и в
«шійся, подбородокъ продолговатый съ ря
«нами, грудь широкая, ляжки довольно полн
«и правильныя, ноги нѣсколько тонкія, гол
«слабый, женскій и нѣсколько рѣзкій; ст
«ловкій.

«Это мужество или лучше сказать эта
«подвижность, есть послѣдствіе трудныхъ
«стоятельствъ, въ которыхъ онъ находился.
«не была душа укрѣпленная философіею, но
«способная къ сильнымъ страстямъ. Одинъ
«рякъ, бывшій съ нимъ въ морѣ, разсказыва
«мнѣ что въ послѣднюю войну, Шаретть, бы
«шій тогда флотскимъ Лейтенантомъ, прохаж
«вался по палубѣ; неосторожный матросъ
«лилъ ему ногу кипящею смолою; оборотясь
«нему, онъ хладнокровно сказалъ: «Ты обвари
«меня, бездѣльникъ. . . !» Вильнёвъ, коего па
«ріотизмъ и таланты тебѣ извѣстны, былъ
«защитникомъ. Онъ увѣряетъ, что это былъ
«ловѣкъ очень обыкновенный, безъ способовъ
«безъ познаній. Подобно всѣмъ вождямъ парт
«онъ пріобрѣлъ большую славу; подобно всѣ
«вождямъ партій, онъ воспользовался именем
«довѣріемъ и талантами тѣхъ, которые до не
«начальствовали; подобно всѣмъ вождямъ парт
«онъ погибъ.»

Бонапарте заставилъ меня два раза прочитать письмо о Шареттѣ и нѣсколько другихъ бумагъ, къ оному приложенныхъ ибо, какъ уже сказано, онъ тогда изучалъ Вандею. Междоусобная война казалась ему ужасною вещью. Мы нашли еще въ другомъ донесеніи, что Шареттъ, выходя изъ лодки, въ которую его посадили для перевезенія изъ Анжера въ Нантъ, ощутилъ единственное движеніе горести или нетерпѣнія, которое могли въ немъ замѣтить и сказалъ съ тяжкимъ вздохомъ также какъ упомянуто въ вышеприведенномъ письмѣ: «Такъ вотъ до чего довели меня эти бездѣльники Англичане!»

Бонапарте, не вѣрившій добродѣтели людей, вѣрилъ ихъ чести. Я видѣлъ тому доказательство при одномъ случаѣ, который заслуживаетъ принадлежать исторіи. Когда, въ первое время пребыванія нашего въ Тюліери, онъ пригласилъ главныхъ вождей Ванден для водворенія мира въ этой злополучной землѣ, то онъ допустилъ въ частное свиданіе Жоржа Кадудаля. Расположеніе, въ которомъ я видѣлъ его наканунѣ дня, назначеннаго для этого свиданія, возбудило во мнѣ самыя благопріятныя надежды. Раппъ ввелъ Жоржа въ большую залу, имѣвшую окна въ садъ и оставилъ его съ Первымъ Консуломъ; но возвратясь самъ въ кабинетъ,

Уральскій Индустриальный институтъ Библиотека

гдѣ я находился, онъ не заперъ ни одной из дверей парадной спальни, которая отдѣляла кабинетъ отъ залы. Мы увидѣли Перваго Консула и Жоржа прохаживающимися отъ окна к внутренность залы и обратно; это продолжалось очень значительное время. Разговоръ казался весьма оживленнымъ и мы услышали многое, но безъ связи. Въ тѣлодвиженіяхъ и словахъ обнаруживалась иногда сильная досада. Свиданіе ни къ чему не привело; Первый Консулъ, замѣтивъ, что Жоржъ нѣсколько тревожится на счетъ своей личной безопасности, успокоилъ его самымъ благороднымъ образомъ. *Вы дурно видите вещи*, сказалъ онъ ему, *и напрасно не хотите слышать ни о каком соглашеніи; но если вы настоятельно захотите возвратиться въ свою землю, то пройдете также свободно, какъ вы прибыли въ Парижъ.* Возвратясь въ свой Кабинетъ, Генералъ Бонапарте спросилъ у Раппа: *Скажи мнѣ Раппъ, за чѣмъ ты оставилъ двери отворенными и самъ остался съ Буріеннолъ?*—Еслибъ вы заперли двери, я опять отворилъ бы ихъ. Чтобы я оставилъ васъ однихъ съ такимъ человѣкомъ? вы думаете что это такъ безопасно.—*Стыдись Раппъ, что ты забралъ себѣ въ голову.* Когда мы остались одни, то Первый Консулъ показался мнѣ довольнымъ этою преданностью, но очень огорченнымъ отказомъ Жоржа. *Онъ не*

такъ какъ должно видить вещи, сказалъ онъ мнѣ; *но пылкость его правилъ проистекаетъ отъ благородныхъ чувствъ, которыя должны доставлять ему много влiянiя между своими. Однако это надобно же какъ нибудь кончить.*

ГЛАВА II.

Достоинство Франціи.—Наперъ-Тенди и Блаквель.—Фран
скіе и Англійскіе подданные.—Выдача.—Жалоба Фран
скаго Правительства Гамбургскому Сенату.—Взятка
Египетски.—Четыре съ половиною милiона, неступив
въ Государственную казну.—Раздача этой суммы.—Не
ствительный вексель.—Безполезный подарокъ.—Небла
пріятный отвѣтъ Г. Фермона.—Пятнадцать тысячъ фра
ковъ въ ящичкѣ письменнаго стола.—Долги Іозефины.
Извѣщеніе, сдѣланное Талейраномъ.—Намѣреніе распла
ся. — Затрудненіе Іозефины.—Признаніе въ половинѣ.
Тридцать восемь шляпъ въ мѣсяцъ.—Уплаченные долги.
Прогулки на большой дорогѣ. — Любезность Іозефины.
Квартира, приготовленная для меня въ Мальмезонѣ.—М
Рюельскій домикъ.—Вѣчные просители.—Образъ жизни
Парижѣ.—Сѣрый сертукъ.—Вечернія и утреннія прог
ки.—Бонапарте бранитъ Перваго Консула.

Изъ всѣхъ дѣлъ Лудовика XIV, Бонапар
наиболѣе удивлялся тому, что онъ застави
Посланниковъ Генуезскаго Дожа пріѣхать

Парижъ для извиненія предъ нимъ. Малѣйшее посягательство въ чужихъ земляхъ на права и достоинство Франціи, выводило его изъ себя. Эта потребность заставлять уважать Французское Правительство, въ особенности обнаружилась при одномъ случаѣ, который надѣлалъ тогда много шуму, но благодаря золоту, кончился дружелюбно.

Два Ирландца Напперъ-Тенди и Блаквель, воспитанные во Франціи и состоящіе Офицерами въ спискахъ Французской арміи, пріѣхали въ Гамбургъ; и когда Британское Правительство потребовало ихъ, какъ измѣнниковъ своему отечеству, то они были выданы; по поелику Французское Правительство считало ихъ подданными Франціи, то отъ сего возникли сильныя жалобы на Гамбурскій Сенатъ.

Блаквель былъ однимъ изъ вождей Соединенныхъ-Ирландцевъ. Вступивъ во Французское подданство, онъ достигъ до званія эскадроннаго командира; и при поѣздкѣ его съ тайнымъ порученіемъ въ Норвегію, судно, на которомъ онъ находился, разбилось у береговъ сего Королевства. Онъ отправился въ Гамбургъ, гдѣ Сенатъ взялъ его подъ стражу по требованію Г. Крафёрта, Англійскаго Посланника. Просидѣвъ годъ въ темницѣ, онъ былъ отправленъ въ Англію для суда. Французское Правительство вступило въ посредство и хотя

не возвратило ему свободы, но спасло жизнь.

Напперъ-Тенди былъ также Ирландецъ. Д избавиться отъ преслѣдованій за чувства в висимости, побуждавшія его дѣйствовать пользу свободы своего отечества,—онъ уѣх изъ Англіи на Французскомъ бригѣ въ Гд бургъ съ тѣмъ, чтобы оттуда отправиться Швецію. Исключенный изъ всепрощенія дв Ирландскими Палатами, онъ былъ потребов у Гамбурскаго Сената, нарушившаго честь человѣколюбіе отъ страха опасности, ко рая въ ту минуту угрожала этой небольш Республикѣ болѣе со стороны Англіи, чѣмъ стороны Франціи. Сенатъ выдалъ Напперъ-Тенди. Отвезенный въ Ирландію и осужденный смерти, онъ былъ обязанъ за отмѣну св казни ходатайству Франціи. Два года просидѣ онъ въ тюрьмѣ; но Г. Отто, вступивъ съ Ле домъ Гаксебёри въ переговоры о мирѣ, вых поталъ освобожденіе Напперъ-Тенди, котор былъ отосланъ обратно во Францію.

Первый Консулъ сначала вознамѣрился бы жестоко отмстить; но когда Гамбургскій С нать представилъ ему въ оправданіе своего п веденія, письмо съ приложеніемъ четырехъ половиною миліоновъ (*), то это очень его укр

(*) Смотри въ концѣ книги оправданіе Гамбургскаго Сена Отвѣтъ же Перваго Консула до присылки ему вышеуп

ло! Это было нѣкоторымъ воспоминанiемъ о
нтѣ, гдѣ Генералъ бралъ такiя же взятки
Пашей, съ тою разницею, что на этотъ
ъ ни одного су не поступило въ Государ-
енную казну. Деньги были выданы Первому
нсулу чрезъ посредство Г. Шапо-Ружа.
Дней восемь лежали у меня въ ящикѣ эти
ыре съ половиною милiона банковыми Гол-
дскими билетами. Тогда Бонапарте рѣшился
дать ихъ. Заплативъ, какъ ниже увидятъ,
ги Iозефины и большiе расходы по Маль-
ону, онъ продиктовалъ мнѣ списокъ лицъ,
орымъ хотѣлъ сдѣлать подарки. Мое имя не
ило изъ устъ его и потому я не имѣлъ
да себя вписывать; но черезъ нѣсколько
мени онъ сказалъ мнѣ съ самою дружескою
госклонностью: «Бурiеннъ, я ничего не далъ
ѣ изъ денегъ, полученныхъ отъ Гамбурга,
я тебя за это вознагражу.» При этихъ сло-

мянутой суммы, здѣсь помѣщается; онъ отъ 9-го Нивоза VIII года.

«Мы получили письмо ваше, Милостивые Государи; оно васъ не оправдываетъ.

«Мужество и добродѣтели поддерживаютъ государства: трусость и пороки ихъ губятъ.

«Вы нарушили гостепрiимство. Этого не случалось у самыхъ варварскихъ степныхъ ордъ. Ваши сограждане вѣчно васъ будутъ въ этомъ упрекать.

«Два несчастливца, вами выданные, умрутъ со славою; но кровь ихъ гораздо болѣе причинитъ зла ихъ гонителямъ чѣмъ сколько бы сдѣлала цѣлая армiя.»

вахъ онъ вынулъ у себя изъ ящика боль
печатный листъ съ пробѣлами, замѣщенн
рукописью и прибавилъ: «Вотъ вексель
триста тысячъ Италіянскихъ ливровъ на
зальпинскую Республику за проданныя ей п
ки; онъ подписанъ Галлеромъ и Колло: я
даю его тебѣ.» Для объясненія этого дѣла,
долженъ сказать, что Цизальпинской Респу
кѣ были проданы въ долгъ пушки. Генер
Интендантъ Италіи взялъ за это съ Респу
ки векселями и передалъ векселя сіи въ у
ту Г-ну Колло, поставщику съѣстныхъ пр
совъ; Г. Колло выдалъ одинъ изъ этихъ ве
лей въ 300,000 франковъ Главнокомандующ
въ удовлетвореніе существовавшихъ между
обязательствъ; а Наполеонъ пропустилъ с
платежа не принявъ надлежащихъ мѣръ.
зальпинская Республика удержала и пушк
деньги, а у Перваго Консула остался век
Разсмотрѣвъ оный, я сказалъ ему: «Но
ралъ, срокъ этому векселю давно минулъ;
чему вы не представили его ко взысканію
перь передавшіе вамъ оный ни за что уж
отвѣтствуютъ. «Франція обязана удовлетво
этого рода долги,» отвѣчалъ онъ мнѣ: «по
эту бумагу къ де Фермону; онъ запла
тебѣ съ вычетомъ трехъ процентовъ.
не получишь наличными деньгами, но о
9000 франковъ ежегодно, ибо Италія

ливры дешевле франковъ.» Поблагодаривъ его, я отослалъ вексель къ Г. де Фермону. Этотъ послѣднiй отвѣчалъ мнѣ, что вексель просроченъ и не можетъ быть удовлетворенъ потому что не подходитъ ни подъ одинъ изъ уважительныхъ по законамъ случаевъ. Я показалъ отвѣтъ его Первому Консулу.—*Вотъ еще! онъ не знаетъ въ этомъ дѣлѣ толку и ошибается. Пиши.* Тогда онъ продиктовалъ мнѣ очень благопрiятное письмо, касательно удовлетворенiя по этому векселю, но въ отвѣтъ воспослѣдовалъ новый отказъ.—«Генералъ, . . . Г. де Фермонъ не болѣе слушается васъ какъ меня.»—Наполеонъ взялъ письмо, прочиталъ его и сказалъ мнѣ голосомъ человѣка, который заранѣе знаетъ его содержанiе.—«Ну чтожъ мнѣ дѣлать, если это противъ законовъ? Настаивай, проси обыкновеннымъ порядкомъ объ удовлетворенiи и что будетъ, то будетъ.» Сдѣлалось то, что вексель мой нашли недѣйствительнымъ, зачеркнули, надорвали и положили въ архивъ. Эти триста тысячъ ливровъ составляли часть суммъ, привезенныхъ имъ изъ Италiи. Этотъ лоскутокъ бумаги доказываетъ только, что онъ привезъ изъ Италiи болѣе двадцати тысячъ франковъ.

Я никогда не получалъ, ни отъ Главнокомандующаго Италiянскою армiею, ни отъ Главнокомандующаго Египетскою армiею, ни отъ Перваго Консула никакого опредѣленнаго содержанiя.

Я бралъ изъ казны его сколько нужно на м
и на его издержки. Никогда онъ не требова
у меня отчета. Послѣ случая съ подаренны
имъ мнѣ просроченнымъ векселемъ Цизальп
ской Республики, онъ сказалъ мнѣ въ нача
весны 1800 года: «Буріеннъ, погода становит
слишкомъ дурна; я рѣдко буду ѣздить въ Ма
мезонъ. Пока я буду въ Совѣтѣ съѣзди туда
моими бумагами и вещами; вотъ ключъ о
моей конторки; вынь изъ нея все что есть.»
сѣлъ въ карету въ два часа и воротился
шесть; онъ обѣдалъ. Я положилъ на столи
его кабинета разныя вещи, найденныя мно
въ конторкѣ и пятнадцать тысячъ франко
банковыми билетами, находившіеся въ углу
ного ящика. Вошедъ въ кабинетъ, онъ сказа
мнѣ: *Тутъ деньги, это что значитъ?* — Пра
не знаю; они были въ вашей, конторкѣ.—*А,*
я позабылъ: это было отложено на мои ме
кіе расходы. Возьми ихъ себѣ.

Я очень помнилъ, что однажды утромъ он
посылалъ меня съ ключемъ вынуть на мелк
расходы два билета въ тысячу франковъ,
вовсе не думалъ чтобы онъ съ тѣхъ поръ
дотрогивался до запасной казны своей.

Я уже сказалъ какое было сдѣлано употр
бленіе изъ четырехъ съ половиною миліонов
взятыхъ съ Гамбургскаго Сената за дѣло Нап
перъ-Тенди и Блаквеля. Не все однакожъ пош

на награды; довольно значительная часть этой суммы была употреблена на уплату долговъ Iозефины и это семейственное дѣло, кажется мнѣ, заслуживаетъ нѣсколькихъ замѣчанiй.

Мальмезонское помѣстье стоило сто шестьдесятъ тысячъ франковъ; Iозефина прiобрѣла оное отъ Г. Лекутё пока мы находились въ Египтѣ. Въ немъ было сдѣлано много украшенiй и нѣсколько новыхъ построекъ; наконецъ, прибавили великолѣпный паркъ. Всё это сдѣлалось не даромъ, а притомъ большая часть денегъ за первоначальную покупку не была еще уплачена и эта значительная недоимка составляла не единственный долгъ Iозефины. Заимодавцы роптали; это производило дурное впечатлѣнiе въ Парижѣ и я такъ былъ увѣренъ въ досадѣ, которую это возбудитъ въ Первомъ Консулѣ, что безпрестанно откладывалъ минуту извѣщенiя его объ этомъ; а потому съ большимъ удовольствiемъ узналъ, что Г. Талейранъ предупредилъ меня. Никто не умѣлъ лучше его, какъ говорится, золотить пилюлю для Бонапарте; обладая такою же независимостью характера, какъ умомъ,—онъ съ опасностью разсердить его, оказалъ ему услугу, доведя до его свѣдѣнiя, что великое число заимодавцевъ изъявляютъ свое неудовольствiе горькими жалобами на долги, сдѣланные его женою въ продолженiе похода его на Востокѣ. Бонапарте

почувствовалъ что положеніе его требуетъ т часъ прекратить источникъ подобныхъ толко Однажды въ двѣнадцатомъ часу вечера, Г. Т лейранъ завелъ рѣчь объ этомъ щекотливо предметѣ; тотчасъ по уходѣ его, я вошелъ кабинетъ, гдѣ Бонапарте остался одинъ и о встрѣтилъ меня слѣдующими словами: «Бурієн Талейранъ сей часъ увѣдомилъ меня о долгахъ ны моей. У меня есть Гамбургскія деньги; спро у ней точную роспись; пусть она все объявит я хочу это кончить и больше уже не нач нать; но не расплачивайся не показавъ м счетовъ этихъ бездѣльниковъ; это шайка воров

До сихъ поръ опасеніе произвесть непрія ную сцену, о которой одна мысль приводи въ трепетъ Іозефину,—препятсвовало мнѣ н чать объ этомъ предметѣ разговоръ съ Пе вымъ Консуломъ; но, очень обрадовавшись том что Г. Талейранъ предупредилъ меня, я рѣши ся сдѣлать все, отъ меня зависящее для то чтобы положить конецъ этому непріятному дѣл

На другой день я увидѣлся съ Іозефином Она сначала обрадовалась было расположени своего мужа; но эта радость была непродо жительна. Когда я потребовалъ у нея точно росписи о долгахъ ея, то она умоляла меня н настаивать и удовольствоваться тѣмъ, что он сама объявитъ. Я сказалъ ей: «Не скрываю от васъ досады Перваго Консула; онъ полагает

что вы должны значительную сумму, и расположенъ заплатить ее. Вамъ придется вынести жестокiе упреки и жаркую сцену, въ этомъ я не сомнѣваюсь; но эта сцена будетъ таже за долгъ, которой вы объявите, какъ и за сумму, гораздо болѣе значительную. Если вы скроете большую часть вашихъ долговъ, то черезъ нѣсколько времени ропотъ возобновится, слухъ объ ономъ дойдетъ до ушей Перваго Консула и онъ еще болѣе разсердится. Совѣтую вамъ объявить все: послѣдствiя будутъ тѣже; вы только однажды услышите непрiятности, которыя онъ сбирается вамъ сказать; черезъ утайку вы только подадите поводъ къ безпрестанному ихъ возобновленiю. — Я никакъ не въ состоянiи объявить ему всего: это для меня невозможно; обяжите меня умолчавъ о томъ, въ чемъ я вамъ признаюсь. Полагаю что я должна около миліона двухъ сотъ тысячъ франковъ; но хочу объявить только шестьсотъ; я не стану больше дѣлать долговъ и уплачу остальные по немногу изъ того что буду откладывать. — Я долженъ повторить вамъ мои прежнiя замѣчанiя. Не думая чтобы онъ полагалъ долги ваши простирающимися до такой огромной суммы какъ шесть сотъ тысячъ франковъ, я ручаюсь вамъ въ томъ что вы не больше будете имѣть непрiятностей за миліонъ двѣсти тысячъ какъ за шесть сотъ тысячъ франковъ; и показавъ все

вы по крайней мѣрѣ раздѣлаетесь со вс
долгами.— Не рѣшусь на это Буріеннъ; я
знаю и не въ состояніи буду перенести его
пальчивость.»—Поспоривъ съ четверть часа
этомъ предметѣ, я принужденъ былъ уступ
ся усильнымъ просьбамъ и дать ей обѣщ
объявить только шесть сотъ тысячъ франк
Наполеону.

Можно себѣ представить досаду и гнѣвъ П
ваго Консула; онъ подозрѣвалъ что жена
что нибудь скрываетъ, но сказалъ мнѣ: *Не
дѣлать! возьми шестьсотъ тысячъ франк
но уплати или всѣ долги и чтобъ я объ эт
больше не слыхалъ. Позволяю тебѣ пост
щать заимодавцевъ тѣмъ, что ты ничего
не дашь, если они не откажутся отъ уж
ныхъ барышей своихъ; надобно ихъ отучи
чтобы они не такъ охотно вѣрили въ до*
Госпожа Бонапарте вручила мнѣ всѣ с
счеты. Возвышеніе цѣнъ, происходившее
боязни получить уплату очень поздо и
убавкою, было непостижимо. Мнѣ показал
также что и количество поставленныхъ веш
было преувеличено: въ счетѣ продавца мод
нашелъ тридцать восемь дорогихъ шляпъ
одинъ мѣсяцъ; были перья по 1,800 франк
и пояски по 800. Я спросилъ Іозефину,
ужели она изнашивала по двѣ шляпы въ де
она отговорилась тѣмъ, что это поставлено

ошибкѣ. Преувеличенья сѣдельника въ цѣнахъ и въ вещахъ, имъ несдѣланныхъ, были даже странны. Не буду говорить о другихъ поставщикахъ: вездѣ обнаруживался тотъ же разбой. Я вполнѣ воспользовался полномочiемъ, даннымъ мнѣ Первымъ Консуломъ и не щадилъ ни упрековъ, ни угрозъ. Стыжусь сказать, что большая часть поставщиковъ удовольствовалась половиною того, что они требовали; одинъ изъ нихъ получилъ 35,000 франковъ вмѣсто 80,000 и имѣлъ еще безстыдство сказать мнѣ, что онъ и тутъ досталъ себѣ барышъ. Наконецъ, послѣ самыхъ жаркихъ споровъ; я имѣлъ счастiе кончить все шестью стами тысячъ франковъ. Но Госпожа Бонапарте скоро опять вошла въ такiе же долги. Къ счастiю денегъ стало побольше. Эта непостижимая страсть къ расточительности, была для нея почти единственною причиною всѣхъ ея огорченiй; необдуманная пышность производила у нея въ домѣ вѣчный безпорядокъ до эпохи втораго брака Наполеона, когда она, какъ мнѣ сказывали, сдѣлалось уже обстоятельнѣе. Не могу сказать объ ней того же въ бытность ея Императрицею.

Эта добрая Iозефина имѣла не менѣе честолюбiя въ малыхъ вещахъ, какъ мужъ ея въ большихъ; удовольствiе ея состояло въ томъ, чтобы прiобрѣтать, а не въ томъ, чтобы обладать. Кто бы тому повѣрилъ? она скучала кра-

сотою Мальмезонскаго парка и безпрестанно просила меня поѣхать съ нею погулять по большую дорогу, ведущую къ Нантерру и къ Марли посреди пыли, поднимаемой проходящимъ домъ каретъ. Шумъ большой дороги казался ей предпочтительнѣе безмолвной тишины тенистыхъ красныхъ алей парка и Гортензія имѣла въ этомъ отношеніи одинаковый вкусъ со своею матерью. Этотъ странный вкусъ удивлялъ Наполеона и возбуждалъ иногда его досаду.

Мои сношенія съ Іозефиною доставляли мнѣ чрезвычайное удовольствіе, ибо я еще никогда не видывалъ другой женщины, которая была бы въ обществѣ столь одинакова своимъ характеромъ и показывала бы столько благоположенія, составляющаго главное условіе любезности. Она съ обязательнымъ вниманіемъ приказала устроить въ Мальмезонѣ прекрасную квартиру для меня съ семействомъ и со свойственною ей пріятностью убѣждала меня принять оную; но находясь въ Парижѣ почти въ такомъ же заключеніи какъ Государственный плѣнникъ,—я хотѣлъ сохранить за городомъ единственныя минуты свободы, которою мнѣ дозволялось наслаждаться: и то еще, что за свобода! Я купилъ въ Рюелѣ небольшой домикъ, коимъ владѣлъ два съ половиною года. Назначая тамъ кому нибудь свиданіе, не могъ избирать для этого другаго время

кромѣ полуночи или пяти часовъ утра; что оставляло, какъ можно себѣ вообразить, одну изъ прiятностей моего званiя; а часто и ночью Первый Консулъ присылалъ будить меня въ случаѣ прибытiя курьеровъ. Вотъ свобода, для которой я не принялъ предложенiя милой Iозефины. Бонапарте только однажды посѣтилъ меня въ моемъ Рюельскомъ убѣжищѣ, но Iозефина и Гортензiя часто туда прiѣзжали: это было для нихъ цѣлью прогулки.

Во время жительства моего въ Рюелѣ, я чаго имѣлъ случаи видѣть точность и заботливость просителей; едва я просыпался, какъ былъ уже ими окружаемъ; никогда мнѣ было невозможно остаться одному, даже на то время, пока я одѣвался и когда въ шесть часовъ долженъ былъ отправляться въ Мальмезонъ, проходилъ чрезъ два ряда ихъ. Если, не обѣдая съ Первымъ Консуломъ, я могъ вороиться домой, то опять находилъ цѣлую ихъ учу; рѣдко я могъ отобѣдать такъ, чтобы меня не потревожили, а иногда я не успѣвалъ ще доѣсть супъ, какъ Бонапарте присылалъ мною. Увы! не все удовольствiе въ короткости съ великимъ человѣкомъ!

Въ Парижѣ, я еще меньше разставался съ Наполеономъ, чѣмъ въ Мальмезонѣ. Мы иногда ходили съ нимъ по вечерамъ гулять въ Тюлiерiйскiй садъ. Онъ всегда дожидался, пока за-

Индустриальн. И

прутъ рѣшетки. Въ этихъ вечернихъ прогул
на немъ всегда былъ сѣрый сертукъ и кру
шляпа. Мнѣ приказано было отвѣчать: *Пер*
Консулъ на окликъ часовыхъ. Но эти про
ки, очень полезныя Наполеону и мнѣ, и
тавлявшія намъ послѣ трудовъ отдыхъ, со
шенно походили на тѣ, которыя мы дѣлал
Мальмезонѣ. Что касается до прогулокъ
шихъ по городу, то онѣ часто были очень
бопытны.

Въ первое время пребыванія нашего въ
ліери, видя Бонапарте входящаго въ кабин
въ восемь часовъ вечера въ его сѣромъ се
кѣ, я напередъ уже зналъ, что онъ мнѣ
жетъ: «Буріеннъ, пойдемъ походить!» Н
вмѣсто того, чтобы выйти въ садовую ар
мы проходили чрезъ маленькую дверь, веду
со двора въ покои Герцога Ангулемскаго.
бралъ меня подъ руку и мы отправлялись
говать разныя дешевыя вещицы въ лав
улицы Сент-Оноре, не простирая однакоже
шихъ прогулокъ далѣе улицы *Сухаго Д*
(Arbre-Sec). Пока я смотрѣлъ вещи, кото
будто бы хотѣлъ купить, онъ начиналъ д
свои вопросы; ничего не могло быть заба
какъ видѣть его стараюцагося принимать
реный, шутливый тонъ молодыхъ модни
Какъ онъ неловко усиливался придать
пріятности когда поправляя себѣ галстукъ,

говорилъ: «Ну, сударыня, что новинькаго?—Гражданинъ, что говорятъ о Бонапарте?—Ваша лавка кажется имѣетъ много покупщиковъ?—Что разсказываютъ объ этомъ шутѣ Наполеонѣ?» Какъ онъ однажды былъ счастливъ! Намъ случилось быть принужденными поскорѣе убираться для того, чтобы избѣгнуть брани, навлеченной непочтительностью, съ которою Бонапарте говорилъ о Первомъ Консулѣ.

ГЛАВА III.

Война и памятники.—Вліяніе воспоминаній о Египтѣ.—Лю
къ великимъ вещамъ.—Г. Лекомтъ. — Гг. Персье и Ф
тенъ.—Первыя украшенія Парижа. — Орсейская набер
ная. — Неправильности Лувра и Тюлiери. — Проэктъ
стройки поперечной галереи. — Оставленъ.—Смѣты и о
ты.—Мальмезонъ становится слишкомъ малъ.—Сен-Кл
25,000 франковъ царедворца.—Мостъ Художествъ.—Со
Гг. Персье и Фонтена, согласный съ моимъ.—Упряч
Бонапарте.—Счастливое послѣдствіе адской машины.—
лонна.—Набережныя.—Улицы. — Пароеонъ и Биржа
Памятники.—Проэкты Консульства исполненные по уч
деніи Имперіи.—Дворецъ Короля Римскаго.—Чертоги
славниковъ.—Храмъ славы. — Постройка *некрополис*
Парижѣ.—Любовь къ Франціи и потребность оставит
себѣ память въ потомствѣ. — Присоединенныя облас
Туринскій мостъ.—Внезапно устроенная дорога.—Боль
мостъ, воздвигнутый въ слѣдствіе задержки.—Дорога в
воію.—Гора Сенисъ и Симплонъ.—Нѣтъ больше Альп

Истребленіе людей и постройка памятниковъ, очень хорошо совмѣщались въ умѣ Наполеона; и можно сказать что его страсть къ памятникамъ, почти равнялась страсти къ войнѣ; но какъ во всѣхъ вещахъ онъ ненавидѣлъ мелочное и ничтожное, то онъ предпочиталъ обширныя постройки, также какъ онъ любилъ большія сраженія; видъ колосальныхъ развалинъ Египта не мало содѣйствовалъ къ усиленію въ немъ вкуса къ огромнымъ зданіямъ; не самыя эти зданія любилъ онъ, но историческія воспоминанія, которыя они передаютъ потомству; великія имена, которыя они освящаютъ и великія событія, о которыхъ они свидѣтельствуютъ. Что въ самомъ дѣлѣ была бы колонна, которую мы увидѣли прибывъ въ Александрію, еслибъ это не была колонна Помпея? Художникамъ принадлежитъ хвалить или порицать ея размѣры и украшенія; ученымъ—изъяснять ея надписи; но имя Помпея принадлежитъ всѣмъ.

Представляя изображеніе Наполеона, я долженъ былъ упомянуть о склонности его къ памятникамъ, ибо безъ этой характеристической черты, въ цѣломъ портрета чего то бы не доставало. Но какъ эта склонность, или лучше сказать страсть занимала большое мѣсто въ ряду его мыслей и славныхъ предпріятій, то считаю обязанностью сказать о ней подробнѣе;

почему я посвящу ей эту главу, чрезъ что я избѣжно ставлю себя въ невозможность отнес оную къ какой либо опредѣлительной эпох Я долженъ также замѣтить, что Бонапарте, смотря на ощущаемую имъ потребность дѣла великія вещи, столь же благосклонно прин малъ проэкты объ улучшеніяхъ меньшей ва ности; геній его хотѣлъ великихъ построе дабы увѣковѣчить свою славу; но въ тоже вре его правительственная мудрость умѣла цѣни то что было истинно полезно. Его очень рѣд можно было упрекнуть въ томъ чтобы о отринулъ безъ разсмотрѣнія какой либо проэкт и это размотрѣніе не было продолжитель ибо по врожденной своей смѣтливости, онъ то часъ соображалъ вещи въ настоящемъ и видѣ.

Въ первое время Консульства, работы огр ничились немногимъ: начали сломкою находи шихся предъ Тюліери дряныхъ лавочекъ, ст снявшихъ дворъ чертоговъ; но когда 3 Нивоз Наполеонъ, будучи недоволенъ Г-мъ Леконтомъ(

(*) Хоть я и не могу привести никакихъ доказательствъ, твердо увѣренъ въ томъ, что Г. Леконтъ сдѣлался жерт несправедливыхъ подозрѣній, подобныхъ тѣмъ, котор тогда погубили столько невинныхъ жертвъ. Я долгомъ сч это здѣсь замѣтить, дабы его отрѣшеніе не истолковали к нибудь въ неблагопріятную сторону. Я не знаю Г. Леко та; мнѣ неизвѣстно живъ ли онъ еще; но я былъ бы отчаяніи сказавъ несправедливую вещь, способную пор дить чьей либо чести.

Тюлерійскимъ Архитекторомъ, замѣнилъ его Г-ми Фонтеномъ и Персье, то онъ постигъ все что соединенные таланты двухъ, столь искусныхъ Архитекторовъ могли придумать и исполнить для украшенія Парижа, который онъ тогда еще не называлъ *моя столица*. Давъ много занятій своимъ Архитекторамъ, Первый Консулъ привелъ также въ большое движеніе работы по части Путей Сообщенія; ибо его непостижимая дѣятельность имѣло нѣчто сообщительное, одушевлявшее всѣхъ его окружающихъ и сильно побуждавшее людей, употребляемыхъ Правительствомъ.

Если большая часть памятниковъ и украшеній Парижа устроена по обдуманнымъ планамъ людей съ талантами, то были изъ нихъ и такіе, которые обязаны своимъ существованіемъ одному только счастливому случаю. Я приведу тому примѣръ.

Не помню именно, въ какую эпоху, но однажды я стоялъ въ кабинетѣ Наполеона передъ окномъ, выходившимъ въ Тюлерійскій садъ. Онъ только что вышелъ, и я воспользовался его отсутствіемъ для того, чтобы нѣсколько отдохнуть отъ долговременнаго сидѣнья. Едва успѣлъ онъ выйти, какъ опять вошелъ для того, чтобы спросить у меня одну бумагу. «Что ты тутъ дѣлаешь, Буріеннъ,» сказалъ онъ; «бьюсь объ закладъ, что ты смотришь на про-

ходящихъ по террасѣ хорошенькихъ женщин
Это со мною иногда бываетъ; но увѣряю в
Генералъ, что въ эту минуту я совсѣмъ не дум
о томъ. Я смотрѣлъ на этотъ безобразный лѣ
берегъ Сены, который всегда кидается мнѣ
глаза неимѣніемъ набережной, царствующею
немъ нечистотою, выступленіемъ воды, кото
почти всякую зиму препятствуетъ сообще
съ Сен-Жерменскимъ предмѣстіемъ, и я
рался вамъ объ этомъ поговорить.»—Тогда,
дошедъ къ окну, онъ взглянулъ въ него: «Пр
да твоя, что это очень гадко, и отвратите
видѣть какъ полощутъ грязное бѣлье пер
нашими окнами. Сядь и напиши: *Набережн*
Школы Плаванія окончить въ будущемъ го
Пошли это къ Министру Внутреннихъ Дѣл
Онъ вышелъ вонъ и набережная была отдѣла
въ слѣдующемъ году.

Бонапарте далъ свое имя этой набережн
на концахъ которой написали: *Набережн*
Бонапарте; но ее продолжали называть
прежнему Орсейскою набережною, такъ-то тр
дно перемѣнять привычки. Мало по малу по
мостки исчезли, на углу Бельшасской улиц
воздвиглась казарма и наконецъ въ послѣдств
былъ построенъ домъ для Министерства Ино
транныхъ Дѣлъ, который въ 1820 году пок
зался мнѣ готовымъ развалиться, не буду
еще достроеннымъ.

Гг. Персье и Фонтенъ, коихъ имена неразлучны, представили Наполеону проэктъ касательно соединенiя Лувра съ Тюлiери. Бонапарте совершенно рѣшился привести оный въ исполненiе. Вопервыхъ слѣдовало построить до Сен-Никезской улицы галерею, паралельную галереѣ, идущей вдоль берега и примыкающей къ Марсанскому павилiону; а потомъ соединить обѣ галереи поперечною галереею, которая скрыла бы непаралельность между фасадами Лувра и Тюлiери. Такимъ образомъ относительная неправильность двухъ дворцевъ со стороны Тюлiери совершенно бы исчезла и взорамъ представлялся бы огромный правильный четыреугольникъ. Всѣ стоящiя на этомъ пространствѣ зданiя, долженствовали быть сломаны; и въ поперечной галерѣе предполагалось поместить архивы и библiотеку, которая называлась еще Нацiональною въ эпоху утвержденiя этого плана. Смѣта издержекъ простиралась до пестнадцати милiоновъ, что на архитекторскомъ языкѣ значило по крайней двадцать четыре милiона; это побудило сначала отложить исполненiе сего проэкта; а въ послѣдствiи Бонапарте совершенно отъ него отказался сказавъ: «Конечно правда, что эта неправильность бросается въ глаза; но сообразивъ все хорошенько, должно признаться, что никакое зданiе, коль бы оное ни было величественно, не за-

мѣнитъ собою обширной площади между
ромъ и Тюлiери.»

Много есть примѣровъ чрезмѣрной разн
существующей между архитекторскою см
и уплачиваемыми въ послѣдствiи счетами.
увидимъ что произошло относительно
Клудскаго замка; но я прежде долженъ ска
нѣсколько словъ о томъ, какъ Бонапарте сн
отказался отъ бывшаго увеселительнаго дв
Королевы, а потомъ его себѣ присвоилъ. М
мезонъ казался приличнымъ загороднымъ
момъ до тѣхъ поръ, пока Бонапарте дов
ствовался въ Парижѣ покоями малаго Люк
бурга; но эта Консульская дача сдѣлалась сл
комъ тѣсною въ сравненiи съ большими
натами Тюлiери. Жители Сен-Клу, будучи ва
ны, подали Законодательному Корпусу про
о назначенiи ихъ оставленнаго Замка для
няго жилища Перваго Консула; просьба б
представлена Правительству; тогда Бонапарт
бывшiй еще Консуломъ на всю жизнь, горде
объявилъ, что пока онъ будетъ главою Пр
тельства и черезъ годъ послѣ того, онъ не
мѣть никакой нацiональной награды; а че
нѣсколько времени послѣ того, мы пов
посмотрѣть дворецъ 18 Брюмера. Онъ о
понравился Наполеону, но все находилось
въ наивеличайшемъ разстройствѣ; видно б
что Революцiя его посѣтила. Первый Кон

не хотѣлъ еще въ эту эпоху отягощать казну издержками для его личныхъ удобствъ и ужасался огромныхъ суммъ, которыя были потребны для того, чтобы сдѣлать Сен-Клу обитаемымъ. Ласкательство не находилось еще на той степени совершенства, до котораго оно въ послѣдствiи достигло; однакожъ между его льстецами были имѣвшiе къ тому такое счастливое расположенiе, что одинъ изъ нихъ не посовѣстился сказать ему при мнѣ, что можно устроить для него Сен-Клу употребивъ на то *двадцать пять тысячъ франковъ*. Я не могъ смолчать, слыша такую нелѣпость и сказалъ Первому Консулу, что судя по совершенному разстройству этого зàмка, я ручаюсь, что издержка на исправленiе онаго будетъ свыше миліона двухъ сотъ тысячъ франковъ. Бонапарте рѣшился приказать сдѣлать настоящую смѣту и она превысила три миліона. Сумма показалась ему нѣсколько огромною; однакожъ рѣшась жить въ Сен-Клу, онъ приказалъ начать работы. Вскорѣ замѣтили, что полы совершенно сгнили; надобно было все ломать, и и какъ мы часто ѣздили смотрѣть работы, то однажды изъ нижняго этажа имѣли удовольствiе видѣть открытое небо. Издержки, не считая мебелей, простерлись до шести миліоновъ; и вотъ что значатъ три миліона архитектора и *двадцать пять тысячъ франковъ льстеца*.

Когда Первый Консулъ вознамѣрился строить Мостъ Художествъ, то мы имѣли нимъ на этотъ счетъ продолжительный разворъ; ибо мало было вещей, о которыхъ онъ говорилъ и слушалъ охотнѣе, какъ о выхъ постройкахъ. Я замѣтилъ ему, что раздо лучше было бы построить мостъ кам ный. «Этого рода памятники,» сказалъ я, «п ютъ главною цѣлью общественную пользу; о требуютъ прочности и величія; главное п достоинство есть долговѣчность; я не пос гаю, Генералъ, отъ чего въ землѣ, изобил щей прекраснымъ камнемъ всякаго рода,—пр почитаютъ употребленіе чугуна.—Напиши Фонтену и Персье, и спроси, какъ они о этомъ думаютъ.» Я написалъ и вотъ ихъ отвѣ

«Вы сдѣлали намъ честь, спросивъ наш мнѣнія на счетъ моста, предполагаемаго построенію чрезъ Сену между Лувромъ и тырью-Націями. Не безъ боязни осмѣливае мы отвѣтствовать на вопросъ, коего предм подалъ уже поводъ ко многимъ замѣчаніямъ

«Мосты имѣютъ цѣлью общественную по зу и украшеніе городовъ.

«Мостъ, предполагаемый между Лувромъ Четырью-Націями, неоспоримо выполнитъ п вое изъ этихъ условій; ибо ежедневное сто ніе людей, переѣзжающихъ чрезъ Сену на л кахъ въ этомъ мѣстѣ, довольно показывае

сколь это сообщенiе необходимо. Остается только разсуждать о мѣстѣ, для этого избранномъ.

«Мы не можемъ не увѣрить, не смотря на мнѣнiя, помѣщенныя въ нѣкоторыхъ журналахъ, что мѣсто, назначенное между мостами *Новымъ* и *Тюлiерiйскимъ*, кажется намъ самымъ приличнымъ; ибо по правиламъ изящнаго вкуса и здраваго смысла достовѣрно, что онъ долженъ быть построенъ на продолженiи линiи Лувра и Четырехъ-Нацiй. Онъ соединитъ удобнымъ образомъ два большiя зданiя и будетъ, чтобы ни говорили, легкимъ сообщенiемъ между двумя, прекраснѣйшими частями города.

«Но можетъ быть найдутъ, что второе изъ условiй не совершенно выполнится ибо, относительно къ украшенiю, городъ мало выиграетъ чрезъ постройку чугуннаго моста, который долженъ быть очень узокъ, который уменьшитъ пространство прекраснаго канала, гдѣ часто даются праздники и который не будетъ соотвѣтствовать своею легкостью и протяженiемъ великолѣпiю двухъ зданiй между коими онъ воздвигнется.

«Мы однакожъ думаемъ, что поелику выгоды предпрiятiй сего рода почти всегда прiобрѣтаются чрезъ пожертвованiе однѣми другимъ, то при разсужденiи о Луврскомъ мостѣ, достаточно будетъ опредѣлить, должно ли для очевидной пользы пожертвовать украшенiемъ.»

По полученіи этого отвѣта отъ Гг. Персье Фонтена, мы опять разговорились о мостѣ, и далъ замѣтить Первому Консулу, что мнѣн двухъ человѣкъ, къ которымъ онъ имѣлъ спр ведливую довѣренность, не различествовало о моего. Онъ упрямо стоялъ на своемъ и таким образомъ была рѣшена постройка этой *игру ки*, которая соединяетъ Лувръ со зданіемъ Ин ститута. Но едва Мостъ Художествъ былъ во двигнутъ, какъ Бонапарте нашелъ его ску нымъ и не соотвѣтствующимъ другимъ мостам устроеннымъ выше и ниже онаго чрезъ Сен Я знаю, что принявъ въ послѣдствіи мои мн ли, при посѣщеніи однажды Лувра, останов предъ окномъ, изъ коего былъ виденъ Мос Художествъ, онъ сказалъ: «Тутъ нѣтъ никако вида прочности; этотъ мостъ не заключае въ себѣ ничего величественнаго; я понима что въ Англіи, гдѣ камень рѣдокъ, употребл ютъ чугунъ на своды большаго размѣра; но Франціи, гдѣ всего въ волю!»

Я долженъ сказать, что я видѣлъ въ Г Фонтенѣ и Персье наилучшія способности к украшенію Парижа. Самая строгая честнос соединялась у нихъ съ талантами, всѣм признанными. Я больше имѣлъ сношеній съ Фонтеномъ, чѣмъ съ Г. Персье потому что почетномъ соединеніи этихъ двухъ художников Г. Персье болѣе занимался въ кабинетѣ соч

ненiемъ плановъ, а Г. Фонтенъ на работахъ, исполненiемъ оныхъ. Еслибъ онъ могъ содѣйствовать къ выполненiю того, о чемъ я ежедневно просилъ Перваго Консула для украшенiй Парижа, то Богъ знаетъ, чѣмъ бы могъ быть нынче этотъ городъ! Но любовь къ войнѣ господствовала надъ любовью къ искусствамъ и не оставляла довольно денегъ для памятниковъ; однакожъ Бонапарте, возвращаясь изъ армiи послѣ новыхъ побѣдъ и мира, всегда съ величайшимъ удовольствiемъ ѣздилъ осматривать работы, произведенныя во время его отсутствiя.

Адская машина 3 Нивоза, о которой я буду говорить ниже, подала какъ бы знакъ къ обширнымъ сломкамъ въ Тюлiерiйской части. Эта гнусная попытка доставила собою по крайней мѣрѣ хоть ту выгоду, что она содѣйствовала къ украшенiямъ Парижа; разсудили что гораздо приличнѣе будетъ Правительству скупить дома, поврежденные взрывомъ машины, и сломать ихъ чѣмъ позволить исправлять оные. Вскорѣ послѣ сего щеголеватый Брiонскiй отель, стоявшiй на Карусельной площади и всѣ прочiя зданiя, слишкомъ близкiя къ Тюлiери, исчезли; грязныя хоромы, построенныя Фельянами и Капуцинами, уступили мѣсто широкимъ улицамъ, прилегающимъ къ Тюлiерiйскому саду и служащимъ сообщенiемъ съ булеварами;

на Вандомской площади, лишенной статуи Л
довика Великаго, воздвиглась великолѣпная с
туя, украшенная мѣдью, завоеванною у Австр
цевъ въ трехъ-мѣсячный походъ; цѣлыя ми
набережныхъ, одѣвшихъ оба берега Сены,
ключили въ себѣ воды и представили опл
ихъ гибельному разлитію; сгорѣвшій хлѣбн
рынокъ былъ выстроенъ вновь изъ желѣза
безопасности отъ новаго пожара; мосты А
терлицскій, Іенскій, Сен-Клудскій и Севрск
умножили сообщенія между двумя берегами
ны или обновили съ великолѣпіемъ тѣ, ко
рыя уже прежде существовали. Старый Лу
былъ оконченъ и Шпицъ Инвалидовъ явн
въ воздухѣ, блистая золотомъ подобно какъ
царствованіе Великаго Короля. Надпись въ че
Лудовика XIV, была вновь помѣщена на три
фальной аркѣ Сен-Денисскаго булевара и
тоже время другія тріумфальныя ворота,
священныя Большой Арміи, возвысились
исполинскомъ размѣрѣ противъ жилища Го
даря. Наконецъ зданіе Биржи, достойное т
говли столицы, было предназначено для на
миновенія своими формами и пространство
Аѳинскаго Парѳенона. Обо всемъ здѣсь на
сать не возможно; я привожу только воспо
нанія, не имѣя притязанія писать исторію вс
памятниковъ, воздвигнутыхъ при различны
правленіяхъ Наполеона; могу только сказа

что Бонапарте до такой степени любилъ все великое, что будучи однажды въ Луврѣ и глядя въ сторону Сен-Жерменя Оксерскаго, онъ сдѣлалъ рукою выразительный знакъ и сказалъ: «Вотъ гдѣ я сдѣлаю Императорскую улицу. Она будетъ итти отсюда къ Тронной Заставѣ; я хочу, чтобъ она имѣла сто футъ широты, чтобъ она была усажена деревьями, а по сторонамъ находились бы галереи. Императорская улица должна быть лучшею улицею въ мiрѣ.»

Дворецъ Короля Римскаго, предполагаемый къ постройкѣ противъ Iенскаго моста и Марсоваго Поля, былъ бы нѣкоторымъ образомъ отдѣленъ отъ Парижа; а посему нѣсколькимъ чертогамъ слѣдовало служить оному соединенiемъ; они долженствовали воздвигнуться вдоль набережной и предназначались для того чтобы служить пышными жилищами Посланниковъ Государей, пока еще существовали бы въ Европѣ другiе Государи, кромѣ Наполеона. Храмъ Славы также не былъ оконченъ и если проэктъ сего памятника, долженствовавшаго занять мѣсто Церкви Св. Магдалины, доказываетъ ощущаемую Наполеономъ потребность безпрестанно доставлять новыя побужденiя своимъ солдатамъ; то и отрекшись отъ него, онъ равномѣрно доказалъ тѣмъ свою прозорливость. Возста-

новивъ вѣру во Франціи, и возвративъ прежн
назначеніе церкви Инвалиднаго Дома, преп
щенной на нѣкоторое время въ *Храмъ Мар*
—онъ понялъ что *Храмъ Славы* представл
мысль язычества, несовмѣстную съ понятія
о вѣрѣ и правами вѣка, что нѣтъ храма б
Божества и нѣтъ Божества безъ Священнос
жителей.

Воспоминаніе о прекрасномъ Каирскомъ Е
кропольсть часто приходило на умъ Наполеон
онъ удивлялся этой обители смерти, коей
селенію онъ не мало содѣйствовалъ и намѣ
ніе его состояло въ томъ, чтобы устроить
четырехъ главныхъ концахъ Парижа четы
огромныя кладбища и сдѣлать изъ нихъ сто
коже *Некрополисовъ* по образцу Каирск
обратившаго на себя его вниманіе.

Бонапарте хотѣлъ, чтобы въ Парижѣ всѣ нов
улицы имѣли сорокъ футъ широты съ тротуа
ми; однимъ словомъ ничто не казалось ему сл
комъ прекраснымъ, слишкомъ величественны
для украшенія столицы той земли, которую
хотѣлъ сдѣлать первою землею въ свѣтѣ. Э
послѣ войны, было первою потребностью его
столюбія; двѣ мысли сіи такъ сливались въ
его, что побѣда не была для него оконченны
дѣломъ, если не существовало памятника, долж
ствовавшаго передать воспоминаніе объ он
потомству. Слава и всегда слава: вотъ чего о

желалъ для Франціи и для себя. Сколько разъ говаривалъ онъ мнѣ, послѣ разсужденій о его великихъ замыслахъ: «Буріеннъ, для Франціи дѣлаю я все это! Все чего я хочу, все чего я желаю, цѣль всѣхъ моихъ трудовъ есть та чтобы имя мое неразрывно было связано съ именемъ Франціи!»

Парижъ не есть единственный городъ, даже самая Франція не есть единственное Государство, носящее слѣды страсти Наполеона къ великимъ или полезнымъ памятникамъ; въ Бельгіи, въ Голландіи, въ Піемонтѣ, въ Королевствѣ Италіи, вездѣ гдѣ были Императорскіе Дворцы, онъ повелѣвалъ производить великія вещи. Въ Туринѣ великолѣпный мостъ былъ устроенъ чрезъ рѣку По, вмѣсто стараго моста, пришедшаго въ ветхость.

Сколько вещей предпринятыхъ и исполненныхъ въ столь дѣятельное и въ столь краткое царствованіе! Сообщеніе было затруднительно между Метцомъ и Майенцомъ: тотчасъ великолѣпная дорога устроилась какъ бы чудомъ, въ прямой линіи, посреди непроходимыхъ болотъ, чрезъ огромные лѣса; горы тому препятствовали? ихъ прорывали; глубокіе овраги представляли препону: ихъ засыпали; и вскорѣ одна изъ прекраснѣйшихъ дорогъ въ Европѣ была открыта для сообщенія. Онъ не хотѣлъ чтобы Природа противилась ему болѣе чѣмъ люди.

Однажды, ѣдучи въ Бельгію чрезъ Живе, он нашелъ поромъ сломаннымъ, что заставило е прождать нѣсколько минутъ на правомъ бере Мааса въ Маломъ-Живе. Онъ находился толь на ружейный выстрѣлъ отъ крѣпости Шар мона, расположенной на лѣвомъ берегу; силь раздосадованный этою задержкою, онъ прод товалъ указъ.

«Построить мостъ на Маасѣ для соедине «Малаго-Живе съ Большимъ-Живе и конч «его въ слѣдующемъ году.»

Мостъ былъ воздвигнутъ въ опредѣлен срокъ и Франція обладаетъ теперь однимъ и прекраснѣйшихъ мостовъ, когда либо ви видѣнныхъ, потому что Наполеонъ прожд нѣсколько часовъ на берегу Мааса.

При огромныхъ работахъ Путей Сообще Бонапарте особенно имѣлъ въ виду уничто ніе препонъ и оплотовъ, поставленныхъ П родою на границахъ древней Франціи, д лучше соединить съ нею области, постепе присовокупленныя имъ къ Имперіи. Так образомъ дорога, гладкая какъ садовая алея, няла въ Савоіи мѣсто опасныхъ крутизнъ, которыя слѣдовало взбираться въ Брамантск лѣсахъ; такимъ образомъ переѣздъ чрезъ Сенисъ, на вершинѣ коей онъ построилъ зарму и хотѣлъ воздвигнуть городъ,—сдѣл прогулкою почти во всѣ времена года; так

образомъ Симплонъ принужденнымъ нашелся преклонить чело предъ лопатою и киркою Французскихъ Инженеровъ и Бонапарте могъ сказать: *Нѣтъ больше Альпъ* гораздо основательнѣе, чѣмъ Лудовикъ XIV говорилъ: *Нѣтъ больше Пиренеевъ!*

ГЛАВА IV.

Моя работа.—Распечатываемыя мною бумаги.—Топографическое отдѣленіе.—Списокъ назначеніямъ.—Секретная переписка.—Отвѣтственность.—Рѣдкость выѣздовъ моихъ со двора.—Содержаніе. — Возстановленіе народнаго просвѣщенія.—Французскій Притакей. — Бонапарте посѣщаетъ его.—Просы и награды. — Три дипломатическіе воспитанника.—Міакцинскій.—Трагическое происшествіе.—Волонтеры *жики* и гнѣвъ за шутку.—Совѣтъ ученыхъ наградъ.—Прокусныя ограниченія.—Тронше и Тарже. — Щедрость по расчету.—Лоншанъ и духовные концерты.—Два календаря.—Консулъ и танцовщикъ.

Другъ юности Наполеона, Секретарь Главнокомандующаго армій Италіянской и Восточной, служащій при необыкновенномъ человѣкѣ, который въ немногіе годы возвысился изъ званія простаго Офицера на степень главы Правите-

ства,—я перемѣнилъ мое положенiе вмѣстѣ съ Бонапарте. Я вмѣстѣ съ Генераломъ подвергался случайностямъ походной, странственной жизни и съ искренностью говорилъ то, что я видѣлъ и то, что я слышалъ. Таже искренность будетъ служить мнѣ руководителемъ на поприщѣ болѣе обширномъ, на которое насъ поставили обстоятельства. Я безъ хвастовства сказалъ, какую довѣренность имѣлъ ко мнѣ Бонапарте; я бы могъ къ тому прибавить и дружбу, имъ мнѣ оказываемую. Еслибъ на этотъ счетъ и существовали какiя либо сомнѣнiя, плодъ постыднаго недоброжелательства, то они бы разсѣялись при чтенiи наставленiй, которыя Бонапарте продиктовалъ для меня Дюроку. Вотъ эта бумага, которой я тщательно сберегъ подлинникъ.

РАБОТА БУРIЕННА.

«1. Гражданину Бурiенну поручается распе-«чатывать *всѣ* бумаги на имя Перваго Консу-«ла, представляя ему оныя три раза въ день, а «въ необходимыхъ случаяхъ немедленно.

«Ящикъ для входящихъ бумагъ долженъ на-«ходиться въ кабинетѣ, гдѣ оныя и будутъ рас-«печатываемы.

«Онъ будетъ разсматривать всѣ бумаги вто-«ростепенной важности и писать данныя Пер-«вымъ Консуломъ на каждое письмо резолюцiи.

«Время для представленiя бумагъ назначает-

«ся: тогда какъ Первый Консулъ встаетъ; «*одиннадцать часовъ* вечера и за четверть «до обѣда.

«2. Ему поручается надзоръ за топографи«скимъ и переводнымъ отдѣленіями, изъ ко«въ послѣднемъ будетъ чиновникъ Нѣмецъ «чиновникъ Англичанинъ. Ежедневно, въ от«дѣленный для сего часъ, онъ будетъ предсто«лять Первому Консулу журналы этихъ дви«земель со сдѣланнымъ имъ переводомъ кро«Италіянскихъ журналовъ, въ коихъ буд«только отмѣчено то, что подлежитъ къ р«нію Перваго Консула.

«3. Онъ будетъ вести списки назначеній «гражданскому управленію, одинъ по части «ной, другой по внѣшнимъ мѣстамъ, а тремя «по сборамъ и финансамъ, — въ которые на «станетъ вписывать имена всѣхъ лицъ, соде«щенныхъ я ему Первымъ Консуломъ. Эти «списки должны быть писаны *его рукою*, дабы «никто не имѣлъ о нихъ свѣдѣнія.

«4. *Секретная* переписка и разныя донесе«нія *по надзору* будутъ непосредственно ему «адресованы и вручены лично Первому Кон«сулу; равно какъ и получаемы имъ образы «такъ чтобы никто не могъ имѣть о томъ свѣ«дѣнія.

«5. Сверхъ сего онъ долженъ имѣть вѣдо«мость о секретныхъ, чрезвычайныхъ издер

кахъ и обо всемъ, къ тому относящемся. Онъ будетъ все это писать *своею рукою*, дабы никто не могъ получить о томъ свѣдѣнія.

«6. Ему поручается отправленіе всего, что къ нему будетъ доставлено изъ работы гражданина Дюрока или изъ собственнаго кабинета Перваго Консула, располагая свои занятія и дѣла такимъ образомъ, чтобы все продолжало оставаться въ тайнѣ.»

Парижъ. 13 Жерминаля VIII года.

«Первый Консулъ *БОНАПАРТЕ*.»

Изъ этихъ наставленій видно, что мнѣ поручалось; видно также какъ Бонапарте входилъ во всѣ подробности своего правленія и сколько онъ налагалъ на себя работы. Что касается до меня, то я иногда ужасался отвѣтственности, на мнѣ лежащей и офиціяльная работа, порученная мнѣ вышеизложенными наставленіями, не составляла еще всѣхъ моихъ занятій. Я принужденъ былъ писать съ диктовки Перваго Консула большую часть дня или разбирать написанное имъ самимъ, что всегда составляло самую тягостную часть моей обязанности. Я былъ такъ обремененъ дѣломъ, что почти никогда днемъ не выѣзжалъ; если мнѣ случалось обѣдать въ гостяхъ, то я пріѣзжалъ въ ту самую минуту какъ садились за столъ и принужденъ былъ уходить тотчасъ послѣ кофе. Никогда я не имѣлъ возможности провесть гдѣ

нибудь вечеръ. Однажды въ мѣсяцъ, не я ѣздилъ безъ Бонапарте во Французскій Т но и тутъ не могъ оставаться тамъ дол вяти часовъ, ибо въ это время мы опять нимались за работу. Корвизаръ, съ кото я былъ очень друженъ, безпрестанно тве мнѣ что онъ страшится на счетъ моего ровья; но усердіе мое превозмогало его стереженія и не могу выразить сколько, первое время пребыванія нашего въ Тю я считалъ себя счастливымъ пользуясь по довѣренностью человѣка, на котораго был ращены взоры всей Европы. Эта довѣрен была такова, что никогда, ни при Ген ни при Консулѣ, ни при Императорѣ, имѣлъ опредѣленнаго содержанія; въ отношеніи мы были *товарищами* как школѣ; я бралъ изъ общей казны сколько было нужно на мои расходы и ни раз случалось, чтобы Бонапарте потребовалъ у отчета.

Бонапарте часто говорилъ мнѣ о же своемъ возстановить народное просвѣщен торому по его мнѣнію, не было дано хо го направленія Центральныя школы ем нравились; но онъ не могъ не удивляться технической школѣ, прекраснѣйшему уче заведенію, когда либо основанному и кот онъ въ послѣдствіи повредилъ, давъ ему

ное устройство. Одна только школа въ Парижѣ, охранила преданія о старинномъ обученіи; это была Коллегія Лудовика Великаго, которую наименовали *Пританеемъ*. Первый Консулъ потребовалъ у Министра Внутреннихъ Дѣлъ доклада объ этомъ заведеніи (*); онъ сдѣлалъ болѣе: онъ самъ посѣтилъ Пританей, заѣхавъ туда внезапно въ сопровожденіи Г. Лебрёна и Дюрока. Онъ пробылъ тамъ болѣе часа и вечеромъ заговорилъ объ немъ со мною съ сильнымъ участіемъ. «Знаешь ли, Буріеннъ», сказалъ онъ мнѣ, «что я представлялъ тамъ Профессора?— Развы Генералъ? — Да я, и притомъ не дурно сдѣлался. Я спрашивалъ учениковъ математическаго класса; я еще довольно помню моего безу для того чтобы задать нѣсколько задачъ на доскѣ. Я былъ въ классахъ, въ спальныхъ и въ столовой. Я отвѣдывалъ супъ ихъ и онъ гораздо лучше того, который мы ѣли въ Бріеннѣ. Мнѣ должно не шутя заняться народнымъ просвѣщеніемъ и устройствомъ школъ. Надобно дать мундиръ воспитанникамъ; я видѣлъ нѣкоторыхъ изъ нихъ хорошо, а другихъ дурно одѣтыхъ; это не годится: въ школѣ особенно должно быть равенство. Эти молодые люди доставили мнѣ удовольствіе; я хочу имѣть списокъ имянъ тѣхъ, которыхъ я спрашивалъ; я велѣлъ Дюроку составить мнѣ объ этомъ до-

(*) Смотри приложенія въ концѣ книги.

несеніе; я дамъ имъ награды; это принес
пользу и возбудитъ между юношами соре
ваніе: надобно сажать для будущаго. Нѣско
кихъ изъ нихъ я помѣщу въ службу.»

Первый Консулъ не удовольствовался одн
только намѣреніемъ; притомъ же Дюрокъ, оч
расположенный къ молодежи, сколько м
старался содѣйствовать его намѣреніямъ. По
вѣтовавшись съ начальникомъ Пританея, о
прислалъ отъ имени Перваго Консула патен
на пансіоны изъ казны его по двѣсти франко
семи или осми отличнѣйшимъ ученикамъ
помѣстилъ трехъ въ Министерство Внѣшн
Сношеній съ названіемъ воспитанниковъ дип
матіи.

Учредителемъ этихъ воспитанниковъ дип
матіи былъ Талейранъ (*); искусный сей
нистръ, обожаемый всѣми служившими у в
подъ начальствомъ, представилъ Первому К
сулу планъ учрежденія, способный къ пр
ному образованію дипломатическихъ чинов
ковъ. Этотъ планъ былъ одобренъ и принятъ
его оставили безъ вниманія, когда Г. Талейр
вышелъ изъ Министерства. Я помню что
учредилъ счастливое различіе между чином
мѣстомъ; такъ что дипломатическіе агенты,
нимавшіе важныя мѣста, не оставались

(*) Смотри въ концѣ книги докладъ Г. Талейрана касате
образованія дипломатіи.

вдругъ безъ чина и безъ содержанія. Жалованье по чину, кромѣ того которое давалось при исполненіи должности, — было назначено: по 10,000 франковъ для Посланниковъ; 6,000 для Полномочныхъ Министровъ; 2,400 для старшаго Секретаря Посольства; 1,000 для втораго Секретаря и наконецъ, 600 франковъ для воспитанниковъ.

Сказанное мною о посѣщеніи Первымъ Консуломъ Пританея, напоминаетъ мнѣ случай, который былъ онаго послѣдствіемъ и въ которомъ обнаруживается вся гордость Польскаго характера. Между воспитанниками Пританея, былъ сынъ Генерала Міакцинскаго, убитаго въ бою подъ знаменами Республики. Этотъ молодой человѣкъ имѣлъ тогда лѣтъ семнадцать; вскорѣ вышедъ изъ школы, онъ вступилъ въ военную службу и присутствовалъ на смотру, который Бонапарте дѣлалъ на Саблонскомъ полѣ: его представили Первому Консулу, который сказалъ ему: «Я зналъ твоего отца, онъ былъ храбрый человѣкъ; веди себя какъ онъ; черезъ полгода ты будешь Офицеромъ.»—Полгода проходитъ; Міакцинскій пишетъ къ Первому Консулу дабы напомнить ему о его словѣ. Онъ ждетъ мѣсяцъ: нѣтъ отвѣта. Тогда Міакцинскій пишетъ Первому Консулу: «Вы приказали мнѣ быть достойнымъ отца моего: я исполню это. Вы обѣщали что я черезъ полгода буду

Офицеромъ; съ тѣхъ поръ прошло уже се мѣсяцевъ. Когда вы получите письмо мое, я ужъ не буду существовать; не хочу служи такому Правительству, котораго Глава не до житъ своего слова.» Молодой Міакцинскій слу комъ вѣрно сдержалъ свое; отправивъ къ Пе вому Консулу письмо, онъ вошелъ въ сво горницу и застрѣлился изъ пистолета. Чере нѣсколько дней послѣ этого плачевнаго про шествія, производство Міакцинскаго пришло Полкъ, ибо Наполеонъ не забылъ его. И та медленность дѣло-производства по Военному партаменту причинила смерть этого мужес веннаго юноши. Бонапарте былъ очень огорче и сказалъ мнѣ при этомъ случаѣ: «Эти Поля . . . дышатъ честью! . . . Мой бѣдный Сулк скій! я увѣренъ что онъ тоже бы сдѣлалъ!»

Въ это первое время Консульства удивите но было видѣть усердіе, съ которымъ кажд старался споспѣшествовать дѣятельности Пе ваго Консула въ намѣреніяхъ его къ обще венному преобразованію Франціи; все казал одушевленнымъ новою жизнью и всѣ съ ревнованіемъ старались дѣлать добро. Мож было сказать, что Франція, особенно въ пра ственномъ отношеніи, вовсе не походила Францію при Директоріи; и однакожъ не пр шло еще пяти мѣсяцевъ съ 18 Брюмера. Б напарте приказалъ составить записку для пр

ставленія взорамъ Франціи и всей Европы столько улучшеній, свершенныхъ уже въ такое короткое время (*). Дѣйствительно все казалось содѣйствовало успѣху добрыхъ намѣреній Перваго Консула. Коровья оспа, которая можетъ быть спасла столько же людей, сколько война ихъ погубила—была введена во Францiи Г-мъ Ліанкуромъ; и Бонапарте, тотчасъ оцѣнивъ надлежащимъ образомъ такое открытіе, всенародно одобрилъ оное. Въ тоже время учреждался совѣтъ объ ученыхъ наградахъ и бывшихъ членовъ Конституціоннаго Собранія приглашали возвратиться во Францію. Для нихъ и для Роялистовъ Первый Консулъ призывалъ ихъ обратно; для Якобинцевъ же, имъ щадимыхъ, возвращеніе ихъ было подвержено ограниченіямъ. Дѣйствительно приглашеніе возвратиться во Францію сначала распространилось только на тѣхъ, которые подали голосъ за уничтоженіе дворянства. Онъ прекратилъ внесеніе въ списокъ эмигрантовъ и учредилъ Комиссіи для разсмотрѣнія просьбъ ихъ о возвращеніи.

Съ начала Жерминаля мѣсяца занялись съ новою дѣятельностью преобразованіемъ Италіянской арміи. Присутствіе въ Парижѣ двухъ прекрасныхъ отрядовъ Консульской Гвардіи и столь свойственное молодежи желаніе щеголять въ блестящихъ мундирахъ, подстрекнули воин-

(*) Смотри эту записку въ концѣ книги.

ственный жаръ нѣкоторыхъ достаточныхъ ко-
шей столицы. Первый Консулъ, воспользо-
шись этимъ расположеніемъ, основалъ во-
терный полкъ для резервной арміи, дол-
ствовавшій стоять въ Дижонѣ. Онъ видѣлъ
годы того, чтобы привязать къ своему д-
большое число семействъ и ввести въ о-
духъ арміи. Этому полку данъ былъ жел-
мундиръ, почему въ нѣкоторыхъ Парижск-
гостиныхъ, гдѣ еще старались обращать
въ насмѣшку,—этихъ новобранцевъ прозв-
чижиками. Бонапарте, который не всегда л-
билъ шутки, очень за эту прогнѣвался и н-
колько разъ изъявлялъ мнѣ свое неудоволь-
Притомъ же, въ составѣ этого полка, онъ
удовольствіемъ видѣлъ первый опытъ прив-
гированныхъ солдатъ, — мысль, которую
всегда питалъ, какъ при учрежденіи жанда-
скихъ ординарцевъ въ Іенскій походъ, такъ
при образованіи Почетной Гвардіи, послѣ М-
ковскаго бѣдствія.

Никакое дѣйствіе Бонапарте не было б-
причины; я помню что однажды онъ сказ-
мнѣ: «Буріеннъ, я еще ничего не смѣю с-
лать противъ цареубійцъ; но покажу имъ,
кихъ я объ нихъ мыслей. Завтра я займусь
Абріаломъ учрежденіемъ апеляціоннаго с-
Тарже, Президентъ онаго, не хотѣлъ защищ-
Лудовика XVI; ну, знаешь ли кого я назнач-

на его мѣсто? . . . Тронше, который его защищалъ. Пусть они говорятъ что хотятъ, я на нихъ плюю . . . .» И Тронше былъ назначенъ. Въ другой разъ, почти около того же времени, Первый Консулъ, узнавъ о побѣгѣ Мака, сказалъ мнѣ: «Пусть Макъ отправляется куда ему угодно, я нисколько этого не боюсь. Но я думаю объ одномъ: съ нимъ содержались другiе Австрiйскiе Офицеры; между ими есть Графъ Дитрихштейнъ, принадлежащiй къ знатной фамилiи въ Вѣнѣ. Я хочу всѣмъ имъ возвратить свободу. При началѣ похода, это принесетъ пользу: увидятъ, что я ихъ не боюсь; и кто знаетъ; я можетъ быть чрезъ это прiобрѣту себѣ тамъ приверженцевъ. Приказъ объ освобожденiи Австрiйскихъ плѣнниковъ тотчасъ былъ посланъ. Такимъ-то образомъ, дѣла великодушiя, равно какъ выборъ людей и дѣйствiя строгости были у Наполеона слѣдствiемъ расчета, который всегда господствовалъ.

Эта способность и безпрестанное прилѣжанiе къ Государственнымъ дѣламъ, обнаруживались во всемъ. Выше упомянуто, сколько онъ радовался тому, что почти въ одно время уничтожилъ ужасное поминовенiе о Генварѣ мѣсяцѣ, и дозволилъ открыть вновь Оперные балы. Онъ сдѣлалъ подобное этому, поощривъ праздники въ Лоншанѣ, гулянья, забытыя со временъ Революцiи; онъ въ тоже время позволилъ да-

вать въ Оперѣ духовные концерты. Такимъ разомъ, сохранивъ еще въ порядкѣ дѣлопроизводства наблюденіе Республиканскаго календаря, онъ мало по малу призывалъ при нее счисленіе времени эпохами забавъ. Вторникъ на масленицѣ былъ ознаменованъ пышнымъ баломъ, а на страстной недѣлѣ учреждались гулянья и концерты.

Упомянувъ объ Оперѣ, я вспомнилъ одинъ случай, очень позабавившій Перваго Консула. 15 Жерминаля было назначено для дебютъ Вестрисова сына и дѣдъ долженствовалъ явиться на сценѣ для того, чтобы дополнить три поколѣнія танцовщиковъ. Объ этомъ заговорили у Г-жи Бонапарте, которая вознамѣрилась съѣздить въ это представленіе; съ другой стороны, Бонапарте обѣщалъ присутствовать въ тотъ же день въ засѣданіи Института. Я не имѣю нужды говорить, что Первый Консулъ вовсе не обратилъ вниманія на это стеченіе обстоятельствъ; но однажды утромъ, читая ему журналы, я увидѣлъ, не помню въ какомъ-то листкѣ объявленіе, что дебютъ Вестрисова сына былъ сдѣланъ днемъ раньше для того, чтобы не произвесть состязанія съ Первымъ Консуломъ, коего присутствіе въ Институтѣ долженствовало привлечь много народа. Онъ отъ чистаго сердца смѣялся этому разборчивому вниманію.

ГЛАВА V.

Дѣйствіе времени на событія.—Дневникъ Острова Св. Елены и истина. — Неполныя воспоминанія Наполеона. — Первое письмо Лудовика XVIII къ Бонапарте. — Женщины и Сен-Жерменское предмѣстіе. — Предсказаніе Г-жи Вильпёвъ Г-жѣ Бонапарте.—Предчувствія. — Второе письмо Лудовика XVIII.—Отвѣтъ черезъ семь мѣсяцевъ. — Перемѣненное выраженіе.—Разговоръ въ Мальмезонѣ.—Сужденіе Наполеона о его положеніи.—Мои замѣчанія.—Предположеніе о призывѣ Лудовика XVIII.—Настоянія Г-жи Бонапарте.—Роль Монка.—Сужденіе Наполеона о Бурбонахъ.—Женскіе толки.

Цѣна вещей часто измѣняется со временемъ. Есть событія, едва замѣчаемыя въ ту минуту какъ они свершатся, но которыя дѣлаются важными отъ другихъ происшествій, за ними послѣдовавшихъ. Это размышленіе естественнымъ образомъ представляется уму моему въ ту минуту, какъ я намѣреваюсь заняться сношеніями,

Которыя Лудовикъ XVIII пытался завести с Первымъ Консуломъ. Это конечно не одна из менѣе занимательныхъ страницъ жизни Наполеона. До тѣхъ поръ пока Имперія имѣла глубокіе, прочные корни, это былъ только любопытный анекдотъ; со времени счастливаго возстановленія Монархіи Бурбоновъ, вопросъ возведенія ихъ Наполеономъ на престолъ, сталъ болѣе важнымъ: этотъ вопросъ принадлежитъ исторіи, а потому слѣдуетъ изложить обстоятельства съ наивеличайшею точностью.

Да позволено мнѣ будетъ сдѣлать новое замѣчаніе на Дневникъ Острова Св. Элены. Читатель легко себѣ представитъ, что я больше всякаго другаго принимаю въ этой книгѣ участія; она конечно возбудила во мнѣ многія воспоминанія; но я не всегда встрѣчалъ въ ней сущую истину.

И такъ я нашелъ въ этомъ Дневникѣ сказанное Наполеономъ о переговорахъ съ нимъ Лудовика XVIII и вынужденнымъ нахожусь привести изъ онаго нѣсколько строчекъ, относящихся къ этому обстоятельству, дабы потомъ замѣтить разницу, которую онѣ представляютъ съ сохраненными мною собственноручными бумагами.

Наполеонъ говоритъ на Островѣ Св Элены, что онъ не думалъ о Принцахъ Бурбонскаго дома; это съ одной стороны справедливо: онъ

не думалъ о возведенiи ихъ на престолъ; но читатели изъ многихъ мѣстъ моихъ Записокъ видѣли, что онъ часто объ нихъ думалъ и что одно имя ихъ не разъ его пугало. Дневникъ прибавляетъ: «Письмо было вручено Первому Консулу Лебрёнемъ, получившимъ оное отъ Аббата Монтескiё, тайнаго агента Бурбоновъ въ Парижѣ. Это письмо, весьма тщательно написанное, сказано тамъ еще,—заключало въ себѣ слѣдующее:

«Вы слишкомъ медлите возвратить мнѣ пре-«столъ мой. Должно опасаться, чтобы не про-«пустить благопрiятнаго времени. Вы не мо-«жете составить счастiя Францiи безъ меня, а «я не могу ничего сдѣлать для Францiи безъ «васъ. Почему поспѣшите и назначьте сами «мѣста, которыя вы сочтете приличными для «друзей вашихъ.»

Наполеонъ говоритъ, будто бы онъ отвѣчалъ:

«Я получилъ письмо Вашего Королевскаго «Высочества. Я всегда принималъ живѣйшее «участiе въ несчастiяхъ вашихъ и вашей фами-«лiи. Вамъ не должно помышлять о возвраще-«нiи во Францiю; вы не достигнете туда иначе «какъ чрезъ сто тысячъ труповъ. Впрочемъ я «всегда буду стараться дѣлать все, могущее об-«легчить вашу судьбину и заставить васъ за-«быть ваши несчастiя.»

Смыслъ этихъ двухъ писемъ точенъ; въ нихъ

находишь почти тѣже мысли, какъ въ подлинникахъ; притомъ же не удивительно, что послѣ столь долгаго времени, Наполеонъ не могъ слово въ слово ихъ припомнить; но я считаю, что въ дѣлѣ такого рода между двумя мужами, поставленными столь высоко, однимъ по рожденію и уму, а другимъ по его генію,— излишнее будетъ привести подлинный текстъ этой переписки, и любопытныя обстоятельства, къ оной относящіяся.

Вотъ какъ изъяснился Лудовикъ XVIII.

20 Февраля 1800.

«Каково бы ни было по видимому мое «поведеніе, а люди, подобные вамъ, Милостивый «Государь, никогда не внушаютъ безпокойства. «Вы приняли важное мѣсто и я очень то «радъ. Вамъ лучше всякаго другаго извѣстно «сколько потребно силы и могущества для того, чтобы составить счастіе великаго Государства. Избавивъ Францію отъ ея собственныхъ «буйствъ, вы исполнили первое желаніе моего «сердца; возвратите ей Короля ея, и будущіе «поколѣнія благословятъ вашу память. Вы всегда «будете слишкомъ необходимы Государству для «того, чтобы я могъ важными мѣстами заплатить долгъ моего предка и мой собственный.

ЛУДОВИКЪ.»

Первый Консулъ очень встревожился получивъ это письмо, хоть онъ и всякой день о

наруживалъ свое намѣренiе не имѣть дѣла съ Принцами; онъ размышлялъ отвѣчать ему или нѣтъ на это посланiе. Многочисленныя дѣла, тогда его занимавшiя, согласовались съ его нерѣшимостью; и онъ не торопился отвѣчать. Я долженъ сказать, что Iозефина и Гортензiя заклинали его дать Королю надежду, представляя ему что это его ни къ чему не обязываетъ и оставляетъ ему время увидѣть, не можетъ ли онъ въ послѣдствiи превзойти величiемъ своего поступка самого Монка. Убѣжденiя были такъ сильны, что онъ говорилъ мнѣ: «*Эти женщины вздурились. Сен-Жерменское предпрiятiе кружитъ имъ головы. Онѣ сдѣлали его ангеломъ хранителемъ роялистовъ; но это ничего, я на нихъ не сержусь.* Госпожа Бонапарте говорила мнѣ, что она уговаривала его къ этому поступку для того чтобы онъ самъ не вздумалъ сдѣлаться Королемъ, что всегда возбуждало въ ней предчувствiе бѣды, которое она не въ состоянiи была изгнать изъ ума своего.

Ея воображенiе было поражено въ продолженiе отсутствiя нашего въ Египетъ. Она всякому разсказывала о пророчествѣ, сдѣланномъ ею знаменитою въ свое время ворожеею, Г-жею Вильнёвъ, которая жила въ Панкрiйской улицѣ. Многiя Парижанки ѣздили къ ней ворожить: Iозефина также посѣтила ее

во время нахожденія нашего въ Египтѣ: Р
нёвъ сказала ей: *Вы жена великаго Генер*
который еще болѣе возвысится. Онъ пре
ветъ моря, его удаляющія, и вы нѣкогда
мете первое мѣсто во Франціи. Но это
детъ ненадолго.

Въ частыхъ разговорахъ Перваго Консул
мною, онъ съ удивительною прозорливост
разсуждалъ о предложеніи Лудовика XVIII
послѣдствіяхъ онаго; но говорилъ однак
«Приверженцы Бурбоновъ очень ошибак
если они воображаютъ, что я такой челов
который возьметъ на себя роль Монка.» Эт
на тотъ разъ дѣло кончилось и письмо К
ля осталось на столѣ. Въ этотъ промежу
Лудовикъ XVIII написалъ къ нему другое п
мо безъ означенія года и числа, слѣдую
содержанія:

«Давно уже, Генералъ, вамъ должно быть
«вѣстно, что вы пріобрѣли мое уваженіе. Е
«вы сомнѣваетесь въ моей признательности
«назначьте себѣ мѣсто, опредѣлите жребій
«зей вашихъ. Что касается до моихъ правил
«я Французъ. Милосердый по характеру, я
«ду таковымъ еще и по разсудку.

«Нѣтъ, побѣдитель при Лоди, при Кастиль
«при Арколѣ, завоеватель Италіи и Египта,
«можетъ предпочитать славѣ, тщетную зн
«нитость. Вы однакожъ теряете драгоцѣн

«время. Мы можемъ утвердить славу Францiи. «Я говорю *мы*, потому что для сего я имѣю «нужду въ Бонапарте, а онъ не можетъ того «сдѣлать безъ меня.

«Генералъ, Европа на васъ смотритъ, слава «васъ ожидаетъ и я нетерпѣливо желаю воз«вратить миръ моему народу.

Подписано: *ЛУДОВИКЪ.*»

Первый Консулъ еще нѣсколько времени оставилъ безъ отвѣта это письмо, столь исполненное благородства и величiя. Наконецъ онъ рѣшился продиктовать мнѣ отвѣтъ; я принялъ смѣлость замѣтить ему, что письма Короля были собственноручныя и что по моему мнѣнiю приличнѣе будетъ, если онъ самъ къ нему напишетъ.

Тогда онъ написалъ своею рукою слѣдующее письмо:

«Я получилъ, Милостивый Государь, письмо «ваше. Благодарю васъ за вѣжливости, въ ономъ «мнѣ сказанныя.

«Вы не должны желать возвращенiя вашего «во Францiю, ибо вамъ пришлось бы перейти «чрезъ сто тысячъ труповъ.

«Пожертвуйте вашими выгодами спокойствiю «и счастiю Францiи. Исторiя это оцѣнитъ.

«Я не нечувствителенъ къ несчастiямъ ваше«го семейства. Я съ удовольствiемъ буду со-

«дѣйствовать къ пріятности и спокойствію «шего убѣжища.

БОНАПАРТЕ.»

Показавъ мнѣ письмо свое, онъ спрос меня: «Какъ ты его находишь? хорошо ли о Онъ никогда не сердился, если я показы ему граматическую ошибку и въ этотъ р по сдѣланному мною замѣчанію, онъ выч нулъ нѣсколько словъ, написавъ какъ вы показано.

Это письмо, такимъ образомъ зачеркнуто поправленное, не могло ужъ быть въ так видѣ послано; онъ оставилъ его на столѣ своею подписью.

Черезъ нѣсколько времени послѣ сего, написалъ другое письмо, совершенно подо первому, измѣнивъ только окончаніе и пост *Я не нечувствителенъ къ несчастіямъ ва семейства и съ удовольствіемъ узнаю, что окружены всѣмъ, могущимъ содѣйствов спокойствію вашего убѣжища.* Этими выра ніями онъ ни къ чему не обязывался, даж на словахъ. Тутъ уже рѣчь шла не о то чтобы ему содѣйствовать къ пріятности у жища. Каждый день, увеличивавшій его мо щество и утверждавшій его положеніе, уме шалъ по его мнѣнію, надежды Бурбоновъ читатели замѣтятъ, что прошло семь мѣсяц между первымъ письмомъ Короля и окон

тельнымъ отвѣтомъ Перваго Консула. Это письмо писано отъ 2 Вандемiера IX года (24 Сентября 1800) въ то самое время какъ открывался Люневильскiй конгресъ.

Черезъ нѣсколько дней по полученiи письма Лудовика XVIII, мы гуляли въ Мальмезонѣ, по любимой его алеѣ, отдѣленной отъ его кабинета однимъ мостикомъ; онъ былъ въ веселомъ расположенiи духа, дѣла шли хорошо. «Говорила ли тебѣ опять о Бурбонахъ жена моя?» спросилъ онъ.—«Нѣтъ Генералъ.—*Но когда ты съ нею объ этомъ толкуешь, то нѣсколько склоняешься на ея мнѣнiе. Скажи мнѣ, для чего ты ихъ желаешь? Тебѣ нѣтъ никакой выгоды въ ихъ возвращенiи; тебѣ нечего ожидать отъ нихъ. Ты не столь знатнаго рода для того, чтобы получить важное мѣсто; ты при нихъ никогда ничѣмъ не будешь. Ты чрезъ покровительство Г-на Шалбона былъ назначенъ Секретаремъ посольства въ Штутгардъ; но еслибъ не произошло никакой перемѣны, ты бы всю жизнь свою остался въ этомъ званiи или на другомъ невиднымъ мѣстѣ. Часто ли ты видалъ, чтобы люди возвышались по одному только своему достоинству? Все въ этой землѣ предоставлено происхожденiю, знатному родству, богатству и проискамъ. Разсмотри хорошенько вещи; взгляни на будущее съ бо́льшимъ размышленiемъ.*—Генералъ,» отвѣчалъ я

ему, «въ одномъ я съ вами соглашаюсь. Я получилъ при Бурбонахъ ни наградъ, ни мѣс ни милостей; и не имѣю тщеславія дум что я когда либо достигъ бы важной долж сти. Но не забудьте, что мое назначеніе бы сдѣлано лишь за нѣсколько дней до ниспров женія трона; и я по совѣсти не могу зак чить изъ того, что не произошло отъ причи къ несчастію слишкомъ положительныхъ- томъ, что въ противномъ случаѣ могло бы с читься. Впрочемъ увѣряю васъ, что совс не личное чувство меня одушевляетъ и зас ляетъ говорить съ вами съ тою искренност которой вы отъ меня требовали. Не себя, цѣлую Францію я принимаю въ соображе Соглашаюсь предположить, что вы удерж власть до тѣхъ поръ, пока проживете; но васъ нѣтъ дѣтей и почти достовѣрно, что не будете имѣть ихъ отъ Іозефины. Что станемъ дѣлать послѣ васъ? что съ нами дѣтъ? Вы говорите мнѣ о будущности! Вл ните на будущность этой прекрасной Фран призвавшей васъ для утвержденія своего с койствія. Вы часто говорили мнѣ, что бра ваши не . . .» Онъ съ живостью прерваль ня —«О, что касается до этого, ты правъ; е я не проживу тридцати лѣтъ для доверш моего труда, то у васъ будутъ послѣ меня п должительныя междоусобія; ибо братья мои

годились бы для Франціи; ты знаешь каковы они. У васъ бы тогда возникла жестокая борьба между главными Генералами, изъ которыхъ каждый сочтетъ себя въ правѣ занять мое мѣсто.—Такъ для чего же Генералъ вы не исцѣлите всѣхъ этихъ бѣдъ, вами предвидимыхъ? — Не ужели ты думаешь, что это меня не занимаетъ? Но взвѣсь хорошенько всѣ затрудненія того, что мнѣ предлагаютъ; какъ обеспечить столько пріобрѣтенныхъ правъ; столько существенныхъ послѣдствій противъ усилій фамиліи, воспріявшей власть и возвратившейся съ осмьюдесятью тысячами эмигрантовъ и съ вліяніемъ фанатизма? Что будетъ съ тѣми, которые подавали голоса на смерть Короля; съ людьми, которые обнаружили себя восторженниками Революціи? Національныя помѣстья, тма сдѣлокъ, произведенныхъ въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ. Возможно ли предвидѣть, до чего дойдетъ противодѣйствіе?— Генералъ, я не стану напоминать вамъ, что Лудовикъ XVIII письмомъ своимъ ручается вамъ въ противномъ всего того, чего вы опасаетесь; ибо знаю, что вы могли бы отвѣчать мнѣ. Но развѣ вы не можете предложить такія условія, которыя вы сочтете приличными? Не отдавайте иначе какъ за эту цѣну того, что у васъ просятъ; нѣтъ нужды спѣшить. Промедлите три или четыре года; вы можете въ продолженіе этого време-

ни обеспечить счастіе Франціи учрежденіями сообразными съ ея нуждами. Я увѣренъ, что время и привычка дадутъ имъ силу, которую не легко будетъ уничтожить; и даже предположивъ, что на это бы покусились, не успѣ-ютъ того сдѣлать. Вы сказали мнѣ однажды будто бы васъ хотятъ заставить сыграть роль Монка: но это неправильно; ибо вамъ лучше меня извѣстна разница между Генераломъ, который сражается съ похитителемъ престола и тѣмъ, котораго побѣда и миръ возвели на развалины ниспроверженнаго трона, который онъ добровольно отдаетъ фамиліи, столь долгое время его занимавшей. Вы вполнѣ уверены, что такъ называемая вами *идеологія* у-не явится; но послѣ васъ? — Я знаю все это лучше тебя; но все, что ты мнѣ говоришь, пустое. Повѣрь мнѣ мой милый, что Бурбоны вообразятъ себѣ, что они завоевали обратно свое наслѣдіе; и станутъ располагать имъ по своему произволу. Обязательства самыя свя-щенныя, обѣщанія самыя положительныя, ис-чезнутъ предъ силою. Глупо съ твоей сторо-ны на нихъ полагаться. Я рѣшился; полно о-этомъ говорить; но мнѣ извѣстно, сколько эти женщины тебя мучатъ. Старайся вывести ихъ изъ ослѣпленія и разсѣять ихъ странныя при-чувствія. Пусть онѣ дадутъ мнѣ волю и вя-жутъ чулки.» Женщины стали вязать; я по-

салъ со словъ его; онъ сдѣлался Императоромъ; Имперія ниспроверглась; онъ умеръ на островѣ Св. Элены, а Бурбоны возвратились.

ГЛАВА VI.

Миръ и война.—Плодовитость генія Бонапарте.—Предвар ныя мѣры къ походу.—Булавочная война. — Удивите предвидѣніе.—Генуа и Меласъ. — Карно. — Военный нистръ.—Насмѣшливое письмо къ Бертье.—Веселость ваго Консула.—Приглашеніе въ Тюлієри Г-на Кол Колебанія и убѣжденія.—День наканунѣ отъѣзда.—Н ленія Луціану и Камбасересу. — Іосифъ Государств Совѣтникъ.—Разговоръ въ дорогѣ. — Сужденіе Напо объ Александрѣ и Цесарѣ.—Удивленіе безъ ласкате

Стараясь объ учрежденіи мирныхъ сноше съ Державами Европы—Первый Консулъ, концѣ Февраля 1800 года, рѣшился самъ нести великій ударъ въ Италіи. Пока Ге продержится и Массена будетъ находиться ней, Бонапарте не отчаевался сойтиться съ стрійцами на этихъ поляхъ, видѣвшихъ

менѣе четырехъ лѣтъ тому назадъ, чудеса его первыхъ успѣховъ. Онъ рѣшился собрать резервную армiю въ Дижонѣ (*). Тамъ гдѣ ничего не было, онъ создалъ все. Въ эти-то дни его юности, плодовитости его воображенiя и силы его генiя, самый злой врагъ его не могъ бы отказать ему въ удивленiи. Меня изумляли подробности, въ которыя онъ входилъ. Тогда какъ самыя важныя занятiя наполняли всѣ его минуты, онъ отправилъ 24,000 франковъ въ монастырь Горы Сен-Бернарда для приготовленiя съѣстныхъ припасовъ. Увидѣвъ что резервная его армiя составляется и что все идетъ по его желанiю, онъ сказалъ мнѣ: «Я надѣюсь ударить Меласу въ тылъ прежде, чѣмъ онъ провѣдаетъ, что я въ Италiи. Лишь бы Генуа еще подержалась; но Массена ее защищаетъ.»

17 Марта, находясь въ довольномъ и веселомъ расположенiи духа, онъ приказалъ мнѣ развернуть у него въ кабинетѣ большую карту Италiи Шошара; онъ легъ на нея, помѣстивъ меня подлѣ себя. Послѣ сего онъ съ величайшимъ вниманiемъ началъ втыкать булавки, коихъ головки были облѣплены краснымъ и чернымъ воскомъ. Я смотрѣлъ на его работу съ глубочайшимъ безмолвiемъ ожидая, чѣмъ эта безобидная война кончится. Когда онъ разста-

(*) Смотри въ концѣ книги ноту, вышедшую изъ кабинета Перваго Консула.

повилъ непріятельскіе корпуса и воткнулъ лавки съ красными головками въ тѣ мѣ куда надѣялся провести свои войска, то задъ мнѣ: «Гдѣ ты думаешь, я разобью М са?—Чортъ меня побери, если я это зна Ты простакъ; взгляни сюда: Меласъ те въ Александріи, гдѣ его главная квартира. пробудетъ тамъ, пока Генуа не сдастся. Александріи у него магазины, госпитали, тиллерія и резервы. Перешедъ чрезъ Ал здѣсь (указывая на большой Сен-Бернаръ ударю на Меласа, пресѣку его сообщенія Австріею и сойдусь съ нимъ здѣсь въ д пахъ Скривіи.» (воткнувъ красную булавку Сан-Жуліано). Замѣтивъ, что я считаю всю булавочную войну однимъ только препровод ніемъ времени; онъ началъ называть меня сво обыкновенными именами, которыя онъ да въ шутку тѣмъ, къ кому былъ расположен потомъ опять началъ свои очень ясныя де страціи на картѣ. Черезъ четверть часа встали, я сложилъ карту и больше объ эт не думалъ. Но когда, черезъ четыре мѣс послѣ того, я очутился въ Сан-Жумано съ портфелемъ и депешами, спасенными мною пораженіи, которому мы бо́льшую часть подвергались и когда въ тотъ же вечеръ я салъ со словъ его, въ Торре-ди-Галифоло, в дящемся оттуда за милю,—бюлетень о ср

нiи, то я искренно сознался ему въ удивленiи моемъ къ его военнымъ соображенiямъ. Онъ самъ улыбался вѣрности своихъ предвидѣнiй.

Первый Консулъ не былъ доволенъ управленiемъ Генерала Бертье Военнымъ Министерствомъ; онъ назначилъ вмѣсто его Карно, явившемъ сильнѣйшiя доказательства твердости характера и праводушiя; но котораго однако же Бонапарте не любилъ, потому что онъ былъ слишкомъ искренний Республиканецъ. При Бертье слабо исполнялись мѣры, ему предписанныя; онъ былъ слишкомъ сговорчивъ на уплату недоимокъ и на заключенiе торговъ. 2 Апрѣля 1800 года, Первый Консулъ назначилъ на его мѣсто Карно; а дабы утѣшить Бертье, который былъ способнѣе въ полѣ, чѣмъ въ канцелярiяхъ, то онъ продиктовалъ мнѣ къ нему слѣдующее письмо:

Парижъ, 2 Апрѣля 1800.

«Военные таланты, коимъ вы столько представили доказательствъ, Гражданинъ Генералъ, «и довѣренность Правительства призываютъ «васъ къ предводительству армiею. Вы въ продолженiе зимы *преобразовали* Военное Министерство; вы удовлетворили, сколько было возможно по обстоятельствамъ, нуждамъ нашихъ «армiй. Вамъ остается, весною и лѣтомъ вести «нашихъ солдатъ къ побѣдѣ, дѣйствительному

«средству достигнуть мира и утвердить Р
«публику.»

Бонапарте не могъ удержаться отъ смѣ
диктуя мнѣ это посланіе къ Бертье и соверш
но расхохотался произнеся слово *преобра*
вали.

Бертье, отправясь въ Дижонъ, началъ у
тренвать эту знаменитую резервную армію, к
торая въ началѣ казалась ничѣмъ, а чере
нѣсколько недѣль долженствовала однимъ ср
женіемъ возвратить всю Италію подъ Фр
цузское владычество. Я помню, что Берт
прислалъ нарочнаго за формою для пуль. К
бы могъ въ Дижонѣ угадать то, что прои
шло при Маренго?

Консульская Конституція не давала Перво
Консулу права, за предѣлами Республики, пр
водительствовать арміею. А потому онъ не
тѣлъ объявить свой давнишній замыселъ
правиться къ принятію начальства надъ Ит
ліянскою арміею, которую онъ тогда въ п
вый разъ назвалъ Большою Арміею. Я зам
тилъ ему, что по выбору Бертье всѣ догадаю
ся, зная что онъ конечно избралъ бы кого
будь другаго, еслибъ не имѣлъ намѣренія пр
водительствовать самъ лично. Мое замѣчан
очень его позабавило.

Передъ отъѣздомъ, онъ велѣлъ пригласи
къ себѣ Г. Колло, который вошелъ въ ка

петъ, гдѣ я находился: «Ну Колло,» сказалъ онъ ему, «я ѣду въ Италiю. Дѣло идетъ о важномъ ударѣ. Походъ будетъ коротокъ; въ Италiи есть эхо для повторенiя моего имени. Вы мнѣ нужны: я беру васъ съ собою.» Г. Колло представилъ Наполеону, что онъ не желаетъ принять на себя поставку для армiи, съ предводителемъ, въ оную назначеннымъ; что всѣ начнутъ грабить и что невозможно будетъ завести никакого порядка. «Вотъ еще! вѣдь это только для формы. Не ужели вы думаете, что я ввѣрилъ бы армiю Бертье, еслибъ я не намѣревался самъ тамъ быть? Бертье не умѣетъ начальствовать, но отличнымъ образомъ приводитъ въ исполненiе мои приказы, и я привыкъ къ его распоряженiямъ. Вамъ непремѣнно надобно ѣхать.» Г. Колло повидимому вовсе не имѣлъ охоты отправиться въ этотъ походъ; но чѣмъ болѣе онъ колебался, тѣмъ сильнѣе Бонапарте его упрашивалъ и улещалъ. Наконецъ положились, что Г. Колло поѣдетъ въ Италiю въ такомъ только случаѣ, если Первый Консулъ приметъ предводительство надъ армiею. Итакъ онъ туда прiѣхалъ; но тотчасъ по прибытiи его въ Италiю, Бонапарте показалъ ему наивеличайшую холодность не взирая на всѣ услуги или лучше сказать по причинѣ услугъ, оказанныхъ ему Г-мъ Колло. Ему надобно было наказать его за то, что онъ при-

нудилъ его себя просить; и вообще я во м
гихъ случаяхъ замѣтилъ, какъ отличительн
черту характера Наполеона, что онъ не т
пѣлъ, чтобы кто нибудь съ нимъ ссори
онъ былъ милъ, давалъ все, а потомъ ос
лялъ ни при чемъ. Онъ совершенно похо
на тѣхъ кокетокъ, которыя, какою бы то
было цѣною, мирятся со своими любовника
а на другой день запираютъ отъ нихъ д
для того, чтобы не считали, что онѣ ими
тавлены.

Бонапарте назначилъ для нашего отъѣзда
Парижа 6 Маія или по тогдашнему календ
16 Флореаля. Всѣ распоряженія были сдѣл
всѣ приказы отданы; но онъ еще не хот
дать поводъ думать, что онъ ѣдетъ пред
тельствовать арміею. Наканунѣ, имѣя у
двухъ другихъ Консуловъ и Министровъ,
сказалъ Луціану: «Приготовь къ завтраш
утру циркуляръ къ Префектамъ; а Фуше п
кажетъ напечатать его въ журналахъ;—ск
что я отправляюсь въ Дижонъ для осмотра
зервной арміи; прибавь пожалуй, что я
жетъ быть поѣду до Женевы, но увѣрь
вердительно, что я не пробуду въ отсутс
долѣе двухъ недѣль.—Ты Камбасересъ, буд
предсѣдательствовать завтра въ Государст
номъ Совѣтѣ; въ небытность мою ты п
Правительства; говори въ томъ же смыслѣ

вѣту; скажи что отсутствіе моё будетъ кратковременно, не входя въ дальнѣйшія подробности. Объяви Государственному Совѣту мое полное удовольствіе; онъ уже оказалъ великія услуги; я доволенъ, пусть онъ продолжаетъ. Ахъ! позабылъ . . . . Объяви въ тоже время, что я назначилъ Іосифа Государственнымъ Совѣтникомъ . . . . Еслибъ что либо случилось, то я возвращусь быстрѣе молніи! Поручаю вамъ всѣмъ блюсти выгоды Франціи и надѣюсь, что скоро заговорятъ обо мнѣ въ Вѣнѣ и въ Лондонѣ.»

Мы отправились въ два часа утра по Бурбонской дорогѣ, по которой мы уже столько разъ ѣздили совсѣмъ при иныхъ обстоятельствахъ.

Бонапарте, при поѣздкахъ своихъ, много разговаривалъ дорогою о воинахъ древности, особенно объ Александрѣ, о Цесарѣ, о Сципіонѣ и объ Аннибалѣ. Въ словахъ его обнаруживалось совершенное знаніе мѣстностей и обоюдныхъ способовъ воевавшихъ сторонъ. Онъ тщательно занимался изученіемъ древней и новой стратегіи. Ничто въ великомъ искуствѣ войны, не скрывалось отъ его генія.

На пути изъ Парижа въ Дижонъ и въ Швейцарію, разговоръ нѣсколько разъ обращался къ войнѣ. Это была тогда, какъ можно себѣ представить, господствующая въ немъ мысль. Я

спросилъ у него: «Кого вы предпочитаете, Ал
сандра или Цесаря?—Я ставлю Александра
первую степень. Удивляюсь однако же пре
ному походу Цесаря въ Африкѣ. Но при
моего предпочтенія къ Царю Македонск
основывается на соображеніи и въ особенн
на исполненіи его кампаніи въ Азіи. Должн
имѣть ни малѣйшаго понятія о войнѣ, п
цая этого Государя за то, что онъ про
семь мѣсяцевъ при осадѣ Тира. Я бы проб
тамъ семь лѣтъ, еслибъ было нужно. Объ э
много толкуютъ въ школахъ; но я считаю о
Тира, завоеваніе Египта и поѣздку къ Аммон
му Оазису доказательствомъ генія этого вел
вождя. Онъ хотѣлъ дать Царю Персидском
коего онъ разбилъ, такъ сказать, только
бый передовой отрядъ въ Граникѣ и въ
—время собрать всѣ свои силы, дабы од
ударомъ ниспровергнуть этотъ великій кол
имъ только потрясенный. Александръ, пр
дуя Дарія въ его владѣніяхъ, тотчасъ бы
лился отъ своихъ подкрѣпленій, и встрѣ
бы только разсѣянныя войска, которыя з
кли бы его въ степи, гдѣ бы погибла его
мія. Настаивая во взятіи Тира, онъ обесп
валъ свои сообщенія съ Греціею, этою зем
столь имъ любимою, для которой онъ все
лалъ, какъ я для Франціи, и въ славѣ
онъ полагалъ свою собственную; а овл

богатою областью Египта, столь могущественнаго въ эту эпоху, онъ принуждалъ Дарiя прiйти для ея защиты или освобожденiя и сдѣлать къ нему половину пути. Онъ съ выгодою для своихъ намѣренiй поразилъ всегда восторженный умъ Египтянъ, заставивъ признать себя сыномъ Юпитера. Извѣстно, сколько это ему послужило. И отъ того, хоть онъ и умеръ тридцати трехъ лѣтъ, а какое имя онъ послѣ себя оставилъ!»

Хотя и совершенно чуждый благородному военному ремеслу, я по крайней мѣрѣ могъ безпрестанно удивляться замысламъ Наполеона, его воинскимъ соображенiямъ, его ученымъ замѣчанiямъ, его остроумнымъ сужденiямъ о великихъ полководцахъ минувшихъ и новыхъ временъ и его поясненiямъ ихъ безсмертныхъ походовъ. Это былъ онъ вполнѣ и я не могъ не сказать ему: «Генералъ, вы всегда упрекаете меня въ томъ, что я не льстецъ, ну! право я вамъ удивляюсь.» И дѣйствительно я говорилъ правду.

ГЛАВА VII.

Внутреннія и внѣшнія дѣла.—Конскрипты.—Увѣренность ваго Консула въ своихъ солдатахъ.—*Моя* прекрасная ція.—Бернардинскій монастырь.—Три дня скуки.— ходъ чрезъ гору Сен-Бернаръ.—Вопросы Наполеона проводнику.—Прибытіе въ Монастырь.—Раздача съѣ припасовъ солдатамъ.—Умѣренный завтракъ.—Гора редо.—Снятая съ лафетовъ артиллерія.—Крѣпость Б Ночлегъ въ Ивре.—Счастливая отвага.—Смѣлость и —Бонапарте и Меласъ.—Лаппъ въ Монтебелло.—Д шпіонъ.—Полезныя свѣдѣнія.—Мнѣніе Бонапарте о керѣ.

Нечего таить, что если,—съ 18 Брюмера той эпохи, какъ Бонапарте выступилъ въ ходъ,—во внутреннихъ дѣлахъ Франціи про шли безчисленныя улучшенія, то не съ кимъ же удовольствіемъ можно было обра

взоры на внѣшнiя дѣла. Италiя была потеряна и съ самыхъ границъ Прованса виднѣлся дымъ Австрiйскихъ биваковъ. Бонапарте зналъ затруднительность своего положенiя, и именно по этой затруднительности, онъ скорѣе хотѣлъ изъ оной выйти, каковы бы ни были послѣдствiя его дерзновеннаго предпрiятiя. Онъ не старался себя обманывать и часто повторялъ: «Надобно пуститься на все!»

Армiя, которую Первый Консулъ сбирался атаковать, была многочисленна, искусна въ ратномъ дѣлѣ и побѣдоносна; онъ же, за исключенiемъ весьма немногаго числа людей, имѣлъ только конскриптовъ; но эти новобранцы были предводительствуемы вождями, съ пылкостью коихъ ничто не могло сравниться. Судьба Наполеона долженствовала зависѣть отъ выигрыша или отъ потери сраженiя; проигранная битва разсѣвала всѣ мечты его пылкаго воображенiя, а съ ними исчезали и всѣ обширные его замыслы для будущности Францiи. Онъ видѣлъ опасность, но не страшился оной, полагаясь на обыкновенное свое счастiе и на преданность солдатъ своихъ. «Правда что у меня въ армiи много конскриптовъ,» говорилъ онъ; «но эти конскрипты Французы. Не прогналъ ли я четыре года тому назадъ со слабою армiею Сардинскiя и Австрiйскiя полчища и не очистилъ ли я Италiю? Мы и теперь сдѣлаемъ тоже.

Солнце, насъ освѣщающее есть тоже, котор
озаряло насъ при Арколѣ и при Лоди. Я п
лагаюсь на Массену въ надеждѣ, что онъ уде
жится въ Генуѣ. Но если наконецъ голодъ пр
нудитъ его сдаться, то я возвращу Генуу
долинахъ Скривіи. Ахъ! . . . съ какимъ у
вольствіемъ я тогда опять увижу МОЮ пр
красную Францію.»

МОЮ прекрасную Францію! . . . Въ ту м
нуту, какъ случай, весьма возможный и да
вѣроятный, готовился навѣки у него ее пом
тить, онъ въ первый разъ заговорилъ объ н
какъ о своей собственности; десять описате
ныхъ страницъ не сказали бы столько, к
это притяжательное мѣстоименіе при обст
тельствахъ, въ которыхъ мы находились,
изображенія молній умонзступленія, пролет
шихъ въ головѣ Бонапарте, тогда какъ онъ п
давался великимъ мечтамъ своимъ о славѣ
счастіи.

Въ этомъ-то блистательномъ расположе
ума Первый консулъ прибылъ 20 Маія
Мартиньи.

Мартиньи есть Бернардинскій монастырь,
жащій въ долинѣ, куда почти никогда не п
ницаютъ лучи солнца. Армія была на пох
къ большому Сен-Бернару. Бонапарте три
ждалъ въ этомъ печальномъ уединеніи и въ
личайшей скукѣ, пока сдастся крѣпость Бар

находившаяся за горою и прикрывавшая Ивреискую дорогу. Городъ былъ взятъ 21 Маiя. На третiй день онъ узналъ, что крѣпость еще держится и что ничто не предвѣщаетъ ея близкой сдачи. Онъ сильно посѣтовалъ на начальствующаго осадою и сказалъ мнѣ: *Я скучаю здѣсь въ монастырѣ, а эти глупцы вѣрно никогда не возьмутъ крѣпость Бардъ; я поѣду самъ посмотрѣть; они принуждаютъ меня заниматься такою дрянью.* И тотчасъ приказалъ сбираться въ путь.

Вторженiе въ Италiю чрезъ гору Сен-Бернаръ есть великая и прекрасная мысль, принадлежащая вполнѣ Первому Консулу. Этотъ дивный переходъ былъ предметомъ справедливаго удивленiя свѣта, между тѣмъ какъ невѣроятныя затрудненiя, имъ представляемыя, не устрашили отвагу солдатъ Наполеона. Генералы его, привыкшiе переносить усталость и пренебрегать всякими опасностями, едва замѣтили то, что этотъ замыселъ новаго Аннибала имѣлъ въ себѣ исполинскаго. Страннопрiемный домъ, построенный на вершинѣ долинъ Аостской и Мартиньи для поданiя помощи заблудившимся путникамъ, достаточно обнаруживаетъ опасность, коей подвергаются люди, путешествующiе по этимъ горамъ, столь подверженнымъ бурямъ; но тутъ дѣло шло не о странникахъ, которые по одиначкѣ пробирались бы чрезъ Сен-Бер-

наръ, а о цѣлой арміи съ кавалеріею, со обозомъ, съ зарядными ящиками и съ артиллеріею вотъ чему слѣдовало пройти по этимъ узкимъ тропинкамъ, по которымъ и пастухи ходятъ не иначе какъ съ величайшею осторожностью; съ одной стороны, нависшіе снѣги могли каждую минуту обрушиться и увлечь насъ съ собою въ пропасти; съ другой, оступиться — стоило жизни. Мы прошли всѣ и люди и лошади одинъ за однимъ по козьей тропинкѣ. Артиллерія была снята съ лафстовъ и пушки положенныя въ выдолбленные чаны, перетащены на веревкахъ.

Я сказалъ уже, что Первый Консулъ послалъ деньги въ Страннопріемный домъ Большаго Сен-Бернара; добрые отцы закупили въ долинахъ, а особенно въ Швейцарской, большой запасъ сыру, хлѣба и вина. Передъ домомъ, между нимъ и дорогою, были поставлены столы; и каждый солдатъ проходя, выпивалъ стаканъ вина, бралъ себѣ кусокъ хлѣба съ сыромъ и уступалъ мѣсто другому. Монахи подавали и приносили вновь запасы съ удивительнымъ усердіемъ.

Первый Консулъ взошелъ на Сен-Бернаръ съ тѣмъ спокойствіемъ, хладнокровіемъ и равнодушнымъ видомъ, которые никогда не оставляли его, если онъ чувствовалъ необходимость подать примѣръ своею собственною особою. Онъ разспрашивалъ своего проводника о двухъ

долинахъ, входилъ во всѣ подробности, освѣдомлялся, какiе способы къ существованiю имѣли жители, съ кѣмъ они находились въ сношенiяхъ и такъ ли часто случались несчастiя, какъ говорили. Проводникъ сообщилъ ему, что продолжительная привычка и столѣтнiй порядокъ случавшихся событiй, такъ научили жителей предузнавать хорошую или дурную погоду и бури, что они рѣдко ошибались. Бонапарте былъ въ своемъ сѣромъ сертукѣ и шелъ держа въ рукѣ хлыстъ, нѣсколько печалясь о томъ, что никто нейдетъ къ нему на встрѣчу изъ Аостской долины съ вѣстью о взятiи крѣпости Барда. Я ни на минуту не оставлялъ его при всходѣ и не взирая на чрезвычайную трудность дороги, мы не подверглись никакой личной опасности и отдѣлались только большою усталостью.

По прибытiи въ Страннопрiемный домъ, Первый Консулъ вошелъ въ залу онаго; посѣтилъ часовню, три небольшiя библiотеки и нашелъ время прочитать нѣсколько страницъ въ старой книгѣ, которой я не упомню заглавiя.

Неподалеку отъ этого дома возвышаются двѣ остроконечныя льдяныя скалы, около 80 футъ высотою. Монахи разсказывали намъ о смерти путешественниковъ, которые, не внимая ихъ предостереженiямъ, непремѣнно хотѣли взобраться на вершину этихъ льдяныхъ скалъ и

оборвались оттуда не удержавшись на ж
ныхъ у рукъ и ногъ прицѣпкахъ.

Нашъ завтракъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и б
былъ очень умѣренъ. Замѣтивъ, что небол
садикъ покрытъ еще снѣгомъ, я сказалъ од
изъ монаховъ: «У васъ должно быть здѣсь о
мало овощей.—Мы все получаемъ изъ до
Только въ Августѣ мѣсяцѣ, въ жаркіе г
вырастаетъ у насъ мелкій салатъ.» Площ
Большаго Сен-Бернара находится только в
метрахъ ниже вѣчныхъ снѣговъ, которы
широтѣ сей горы таютъ только ниже
метровъ (*).

Достигнувъ до оконечности площадки, м
изъ насъ сѣли на снѣгъ и скатились внизъ
которые были впереди, оказывали услугу
довавшимъ за ними, ибо они сглаживали с
и пролагали дорогу. Этотъ быстрый скатъ о
насъ смѣшилъ; мы были останавливаемы
ко грязью, которая смѣняла растаявшій с
въ 5 или 600 туазахъ.

Мы перешли или лучше сказать перел
черезъ гору Альбаредо для того, чтобы м
вать крѣпость Бардъ, замыкающую Аост
долину. Видя, что совершенно было невоз
но перетащить Артиллерію черезъ эту
такъ сказать неприступную, — рѣшились

(*) Высота горы Сен-Бернара составляетъ 2491 метръ а
Сениса 2,066 метровъ.

везти ее чрезъ городокъ Бардъ. Городъ не былъ укрѣпленъ. При наступленіи ночи, обернувъ колеса лафетовъ и зарядныхъ ящиковъ соломою и древесными вѣтвями, а также частью и ноги лошадей, поспѣшно проѣхали чрезъ этотъ небольшой городокъ, находясь подъ самымъ огнемъ крѣпости; но она не довольно выдавалась надъ улицею для того, чтобы домы не могли защитить насъ отъ самаго губительнаго его дѣйствія. Большая часть арміи прошла до сдачи этой крѣпости, которая такъ господствуетъ надъ узкою долиною, ведущею въ Аостъ, что невозможно постигнуть небрежности и беспечности Австрійцевъ, которые, посредствомъ самыхъ простыхъ предосторожностей, могли бы сдѣлать безполезнымъ переходъ чрезъ Сен-Бернаръ.

Мы прибыли 23 числа на видъ крѣпости Барда, которая господствуетъ надъ дорогою, сжатою между Доріа-Балте съ правой стороны и горою Альбаредо съ лѣвой. Доріа-Балте есть небольшой ручей, отдѣляющій городъ Бардъ отъ крѣпости. Бонапарте, коего свита была немногочисленна, переѣхалъ чрезъ этотъ ручей. Приблизясь на пушечный выстрѣлъ, онъ приказалъ всѣмъ ѣхать вскачь для достиженія на лѣвой сторонѣ небольшой тропинки, ведущей на вершину горы Альбаредо и обгибающейся вокругъ города и крѣпости Барда. По

этой тропинкѣ мы пѣшіе взобрались съ
шимъ трудомъ. Достигнувъ до площадки,
рая весьма въ близкомъ разстояніи превы
крѣпость, Бонапарте приказалъ поставить
зрительную трубу и скрывшись отъ вы
ловъ осажденныхъ въ кустарникѣ, гдѣ его
не видно, разсмотрѣлъ крѣпость съ наивел
шимъ вниманіемъ. Послѣ многихъ вопро
сдѣланныхъ тѣмъ, которые явились къ
съ донесеніями объ осадѣ крѣпости, онъ
живостью и съ досадою объявилъ сдѣла
ошибки, назначилъ съ тѣмъ вѣрнымъ взгл
который столь рѣдко его обманывалъ,
для новой батареи, долженствовавшей дѣй
вать въ указанную имъ точку, и поручил
послѣ первыхъ выстрѣловъ крѣпость сд
Отдавъ эти приказанія, онъ тотчасъ спус
съ горы, оставилъ крѣпость за собою и о
вился ночевать въ Ивре. 2 Іюня узнал
что крѣпость наканунѣ сдалась.

Если переходъ чрезъ гору Сен-Бернар
женъ занимать важное мѣсто въ лѣтоп
счастливой отваги, то нельзя довольно
виться соображенію онаго, а съ тѣмъ вм
и счастію Перваго Консула, которое осл
его непріятелей. Смѣлая попытка его не
предвидѣна, а потому никакой Австрійск
рядъ не защищалъ пути къ крѣпости Б
Во всей этой сторонѣ совершенно не

войскъ и мы едва встрѣтили нѣсколько слабыхъ отрядовъ, не могшихъ остановить походъ нашъ къ Милану. Бонапарте умѣлъ избрать слабую точку, изумить, ошеломить своего непрiятеля, который за лучшее счелъ итти въ обратный путь и отказаться отъ вторженiя своего во Францiю. При такихъ-то обстоятельствахъ смѣлость на войнѣ есть истинное внушенiе генiя. Но этотъ смѣлый генiй, одушевлявшiй Наполеона, не одушевилъ Меласа, предводительствовавшаго Австрiйскою армiею. Еслибъ Меласъ имѣлъ твердость, которую должно предполагать въ Главнокомандующемъ, еслибъ онъ сообразилъ обоюдное положенiе обѣихъ сторонъ; еслибъ онъ помыслилъ что ему уже было поздо возвращаться на свою операцiонную линiю и возстановлять свои сообщенiя съ наслѣдственными областями; что онъ владѣлъ *всѣми* крѣпостями Италiи; что ему нечего было опасаться Малены и что Сюшетъ не могъ сдѣлать ему сопротивленiя; еслибъ тогда, взявъ себѣ въ примѣръ Бонапарте, онъ такъ сказать, сжегъ свои карабли и двинулся бы къ Лiону, то чтобы сталъ дѣлать Первый Консулъ? Меласъ встрѣтилъ бы мало сопротивленiя и нашелъ бы города почти повсюду открытыми, между тѣмъ какъ Французская армiя убывала бы сама собою не имѣя непрiятеля, съ которымъ бы могла сразиться. Вотъ безъ сомнѣнiя что сдѣлалъ бы Бонапарте, еслибъ онъ онъ былъ Ме-

ласомъ; но къ счастію для насъ, Меласъ
былъ Наполеономъ.

Мы прибыли въ Миланъ 2 числа, въ т
самый день, когда, какъ выше сказано, Пер
Консулъ узналъ о взятіи крѣпости Барда. Вс
пленію нашему въ столицу Ломбардіи м
противились и едва можно назвать сраженія
нѣсколько аванпостныхъ дѣлъ, коихъ усп
ни на минуту не подлежалъ сомнѣнію. Мил
ская крѣпость была тотчасъ обложена; Мюр
посланъ въ Піаченцу, которою онъ безпреп
ственно овладѣлъ; а Ланнъ разбилъ Генер
Отта при Монтебелло. Онъ вовсе еще тогда
думалъ что этимъ подвигомъ онъ завоев
тогда себѣ будущее Герцогство.

Первый Консулъ провелъ шесть дней
Миланѣ. На другой день ему доложили о ш
онѣ, который очень хорошо служилъ намъ
первыя, удивительныя Италіянскія кампан
Первый Консулъ вспомнилъ объ немъ и п
казалъ ввести его къ себѣ въ кабинетъ. «*Ка
ты еще не разстрѣлянъ?*—Генералъ,» отвѣча
ему шпіонъ, «когда война возобновилась, то
рѣшился служить Австрійцамъ потому что
были далеко отъ Европы; я придерживаюсь
тому кто счастливѣе и всегда находилъ э
выгоднымъ; но мнѣ наскучило ремесло м
хочу его покинуть и устроить себѣ небольш
состояніе для того чтобы жить покойно. Пр

сланный въ вашу армiю Генераломъ Меласомъ, я могу оказать вамъ большую услугу. Я доставлю вамъ вѣрный списокъ всѣхъ Австрiйскихъ корпусовъ, силы ихъ, расположенiя и именъ ихъ начальниковъ. Я скажу вамъ, въ какомъ положенiи находится Александрiя. Вы меня знаете, я имѣю къ вамъ довѣренность и не обману васъ. Но я долженъ привезти что нибудь моему Генералу. Вы довольно сильны для того чтобы сообщить мнѣ нѣсколько вѣрныхъ свѣдѣнiй, которыя я ему представлю. —Если только въ этомъ дѣло,» отвѣчалъ Первый Консулъ, «то я мало забочусь о томъ, что узнаютъ мои силы и мою позицiю, лишь бы я хорошо зналъ силы и позицiю непрiятеля и лишь бы ему не были извѣстны мои намѣренiя. Ты будешь доволенъ, но не обманывай меня. Ты просишь у меня тысячу луйдоровъ и получишь ихъ, если хорошо мнѣ услужишь.» Тогда я написалъ со словъ этого шпiона названiе корпусовъ, силу ихъ, расположенiе и имена Генераловъ. Первый Консулъ означилъ булавками на картѣ всѣ свѣдѣнiя о мѣстности, сообщенныя ему шпiономъ. Этотъ послѣднiй потомъ прибавилъ, что Александрiя не снабжена продовольствiемъ и что Меласъ вовсе не ожидаетъ осады; что тамъ много больныхъ, что тамъ недостатокъ въ лекарствахъ и проч.—Дежурный Генералъ Бертье получилъ

приказъ дать ему довольно близкую къ нет
записку о нашемъ положеніи. Свѣдѣнія, сообщ
ныя этимъ человѣкомъ, которымъ Бонап
былъ очень доволенъ въ свои первые походы,
зались столь вѣрными и принесли ему та
пользу, что возвратясь изъ Марсиго, онъ пр
залъ мнѣ отсчитать ему условленную сумму. П
сказалъ ему, что Меласъ былъ восхищенъ
онъ услугою въ этомъ случаѣ и хорошо н
дилъ его. Онъ объявилъ намъ, что прощается
своимъ дурнымъ ремесломъ. Первый Кон
счелъ это небольшое обстоятельство одно
милостей своей фортуны.

Проѣздомъ чрезъ Женеву, Бонапарте им
свиданіе съ Г. Неккеромъ (*); не знаю поч
а въ первую минуту онъ ничего мнѣ
этомъ не сказалъ. Однакожъ я очень любоп
ствовалъ узнать, что онъ думаетъ о челов
который во Франціи пользовался столь
ликою славою. Однажды вечеромъ, когда
толковали о разныхъ вещахъ, мнѣ удалось

(*) Госпожа Сталь кратко описываетъ это свиданіе Напол
съ отцемъ ея. «Г. Неккеръ,» говоритъ она, «имѣлъ р
воръ съ Бонапарте при проѣздѣ его въ Италію чрезъ
Сен-Бернаръ, за нѣсколько дней до Маренгскаго сраж
Въ продолженіе этого разговора, происходившаго два
Первый Консулъ сдѣлалъ на отца моего довольно при
впечатлѣніе довѣренностью, съ которою онъ говорилъ
о своихъ будущихъ намѣреніяхъ.»

Considérations sur la Révolution Française.

вести объ этомъ рѣчь. Онъ сказалъ мнѣ: «Г. Неккеръ показался мнѣ гораздо ниже своей славы и вовсе не отвѣчающимъ тому понятію, которое я себѣ объ немъ составилъ. Я много съ нимъ болталъ для того, чтобы заставить его разговориться; но онъ не сказалъ мнѣ ничего замѣчательнаго; это идеологъ, банкиръ; не возможно, чтобы такіе люди не имѣли ограниченныхъ видовъ; а притомъ всѣ знаменитые мужи теряютъ когда ихъ увидишь вблизи.—Невсегда, Генералъ.» — А! замѣтилъ онъ мнѣ, разсмѣявшись, «не дурно Буріеннъ; ты образовываешься; въ тебѣ будетъ толкъ!»

ГЛАВА VIII.

Сдача Генуи.—Курьеръ отъ Мюрата.—Перехваченная
—Ланнъ въ Монтебелло.—Слова Ланна.—Письмо
Дезе назначенъ вмѣсто Буде. — Искренняя дружба
леона.—Холодность Перваго Консула къ Г. Колло-
говоръ и воспоминанія. — Легкомысліе Г-жи Бонап
Рѣшимость разлучиться съ нею.—Приглашеніе къ
ку.—Трудность прощенія.—Пріемный сынъ Напол
Слезы Гортензіи.—Примиреніе.—Причина холодне
напарте.—Ложный доносъ.—Скромность.—Вѣрный
—Маренго.—Проигранное сраженіе. — Сужденіе Д
Генералъ Келлерманъ.—Удивительный натискъ. —
внутренно чувствуемая, но явно не признанная. —
Директоръ.—Смерть Дезе.—Сильная горесть Перваго
сула.—Истина о Дезе.—Князь Лихтенштейнъ. — С
условія.—Твердость Наполеона.—Возвращеніе въ М
—Адъютанты Дезе.

Приближался день, въ который все дол
ствовало быть потеряннымъ или пріобр
нымъ. Первый Консулъ дѣлалъ всѣ распор

ія, и посылалъ различные корпуса своей ар-
ніи для занятія точекъ, имъ назначенныхъ. Я
казалъ выше, что Мюрату было поручено за-
ятіе Піаченцы; едва онъ занялъ этотъ городъ,
акъ перехватилъ курьера отъ Генерала Меласа.
епеша, адресованная Вѣнскому Военному Со-
вѣту, дошла до насъ 8 Іюня ночью. Въ ней
ыло объявлено о сдачѣ Генуи 4 числа, послѣ
ащиты столь долговременной, столь достопа-
ятной и дѣлающей такую честь Массенѣ; Ме-
асъ говорилъ въ этой депешѣ о нашей мни-
ой резервной арміи съ непостижимымъ пре-
ебреженіемъ, а о присутствіи Наполеона въ
Италіи какъ о сказкѣ; онъ доносилъ, что Бона-
арте находится въ Парижѣ. Нельзя было далѣе
ростерть мечты и ослѣпленіе. Курьеръ Мюрата
пріѣхалъ послѣ трехъ часовъ утра. Я тотчасъ
еревелъ депешу, написанную по Нѣмецки и
тотъ самый переводъ былъ обнародованъ. Око-
о четырехъ часовъ утра я вошелъ къ Перво-
у Консулу, котораго я принужденъ былъ слег-
а толкнуть рукою, дабы разбудить его. Онъ
сегда приказывалъ мнѣ, какъ выше упомяну-
о, будить его для дурныхъ извѣстій, но да-
ать ему спать, если получатся хорошія. Я
рочиталъ ему депешу: сначала, онъ такъ уди-
ился этой неожиданной вѣсти, что сказалъ мнѣ:
— *Видно что ты не знаешь по Нѣмецки.* Но
казавъ эту шутку, онъ тотчасъ всталъ и въ

восемь часовъ всѣ приказанія для отвра
послѣдствій, могущихъ произойти отъ
неожиданнаго событія,—и для предупреж
похода войскъ къ Скривіи,—были уже от
лены. Онъ въ тотъ же день самъ отпра
въ Страделлу.

Я читалъ во многихъ сочиненіяхъ, буд
самъ Первый Консулъ лично выигралъ М
белское сраженіе. Это ошибка. Читатели
ли, что Бонапарте выѣхалъ изъ Милана
прежде какъ 9 Іюня, а въ этотъ самый
Ланнъ уже сражался съ непріятелемъ. Г
квартира была учреждена въ Страделлѣ,
оная находилась до 12 Іюня. Уже 13 чис
ходомъ къ Скривіи, Первый Консулъ про
чрезъ Монтебелло и увидѣлъ поле сра
Церкви были еще наполнены ранеными и
ды смерти, повсюду представлявшіеся, до
но доказывали, сколько эта кровавая по
была оспориваема. Вся слава этого дня
надлежитъ Генералу Ланну. Онъ тутъ
брѣлъ себѣ титулъ, который онъ въ послѣд
носилъ съ такимъ равнодушіемъ и съ т
честью. Герцогство Монтебелло, присвое
не землѣ а храбрости и чести, — вѣчно б
существовать въ исторіи. Битва такъ
ужасна, что Ланнъ, разговаривая при мнѣ
резъ нѣсколько дней послѣ того съ Г. К
сказалъ ему слѣдующія слова, врѣзавшіяс

меня въ памяти: «Кости такъ трещали въ моей дивизіи какъ градъ, бьющій въ стекла.»

По одному изъ дѣйствій случая, часто столь странныхъ, Дезе, долженствовавшій споспѣшествовать къ одержанію побѣды и остановить Маренгское пораженіе, прибылъ изъ Египта въ Тулонъ, въ тотъ самый день, какъ мы выѣхали изъ Парижа. Онъ написалъ мнѣ слѣдующее письмо:

«Тулонъ, 16 Флореаля VIII года (6 Маія 1800).

«Я прибылъ изъ Египта, любезный Буріеннъ, «и не стану описывать тебѣ удовольствія, ко«торое я ощутилъ, вышедъ на берегъ. Ты самъ «испыталъ его и знаешь его лучше меня. Я «въ радости, семейство мое осчастливлено по«печеніями Генерала Бонапарте, а ты какъ я «надѣюсь въ Парижѣ, наслаждаешься столь же«ланною тобою *спокойною жизнью*. Принимаю «смѣлость, любезный Буріеннъ, просить у тебя «небольшой услуги, состоящей въ томъ, чтобы «предупредить, находящееся въ Парижѣ мое се«мейство, въ случаѣ еслибъ ты узналъ, что я «долженъ буду туда отправиться; ты меня край«не обяжешь. Записку свою адресуй на имя «гражданки Ле Норманъ въ Пелетіерской ули«цѣ No. 4 на Италіянскомъ булеварѣ. Я ничего «столько не желаю, какъ сколько можно ско«рѣе отправиться въ походъ. Но еслибъ Гене«ралу было угодно, чтобы я пріѣхалъ въ сто-

«лицу, то я готовъ повиноваться, и для м
«ня очень важно, какъ я тебя о томъ пр
«шу, чтобы родственники мои были на сч
«сего предупреждены. Тысячу разъ прошу
«вненія въ томъ, что я тебя затрудняю,
«мнѣ извѣстна твоя ко мнѣ дружба и я
«страшусь употребить ее во зло. Засвидѣте
«ствуй мое почтеніе Г-жѣ Буріеннъ. Напо
«обо мнѣ Дюроку и всѣмъ товарищамъ.

ДЕЗЕ.»

Выше сказано, что мы оставили Парижъ
въ тотъ самый день, какъ Генералъ Дезе
салъ ко мнѣ изъ Тулона. Я получилъ пис
его въ Мартиньи и показалъ оное Перв
Консулу. — *Какъ бы не въ Парижъ!* ска
онъ, и къ нему тотчасъ былъ отправленъ п
казъ: безъ замедленія явиться въ главную кв
тиру Италіянской арміи, туда, гдѣ она буд
Дезе прибылъ въ Страделлу 11 Іюня утр
Первый Консулъ принялъ его съ самымъ
креннимъ дружелюбіемъ, какъ человѣка, къ
которому онъ имѣлъ величайшее уваже
котораго таланты и характеръ подали ему
сокое мнѣніе о томъ, что онъ могъ цѣко
сдѣлать. Бонапарте, ревновавшій къ друг
Генераламъ, коихъ онъ страшился завистли
честолюбія, никогда не питалъ въ этомъ от
шеніи ни малѣйшаго безпокойства къ Д
Столь же умѣренный, какъ способный; ст

же скромный, какъ свѣдущiй; соединявшiй твердость съ кротостью,—Дезе доказывалъ своимъ поведенiемъ и рѣчами, что онъ любилъ славу только для нея самой и утверждаю, что всякое чувство власти и политическаго господства, было ему чуждо. Дружба Бонапарте къ нему, доходила до восторга. При этомъ первомъ свиданiи по прiѣздѣ изъ Тулона, онъ пробылъ запершись съ Первымъ Консуломъ болѣе трехъ часовъ. На другой же день послѣ его прибытiя, приказомъ по армiи Дезе былъ назначенъ начальникомъ дивизiи Буде (*).

Я изъявилъ Генералу Бонапарте удивленiе мое о продолжительномъ разговорѣ, который онъ имѣлъ съ Дезе. — «Да,» отвѣчалъ онъ мнѣ, «я долго съ нимъ пробылъ; но ты знаешь, что я чрезвычайно его уважаю. Тотчасъ по возвращенiи въ Парижъ, я сдѣлаю его Военнымъ Министромъ: онъ всегда будетъ по мнѣ первымъ; я бы сдѣлалъ его Княземъ еслибъ могъ; я нахожу въ немъ духъ древнихъ.» Дезе былъ убитъ черезъ два дня послѣ сего на тридцать третьемъ году своей жизни.

Читатель конечно не забылъ какъ убѣдительно Бонапарте упрашивалъ Г. Колло ѣхать

(*) Буде находился въ тѣсныхъ связяхъ съ Наполеономъ. Первый Консулъ конечно былъ огорченъ его смертью; однакожъ, при полученiи объ оной извѣстiя, онъ сказалъ только: «Кѣмъ къ чорту, я замѣню теперь Буде?»

въ Италію и сколько онъ употребилъ ла
для того, чтобы преклонить его къ тому.
Колло туда пріѣхалъ и посѣтилъ Бонапарте
Миланѣ; этотъ послѣдній принялъ его холод
хоть онъ тогда еще и не выигралъ Маренгск
битвы, но наступила минута для того, чтобы
местить ему за употребленныя съ нимъ въ
рижѣ просьбы. Г. Колло, какъ видѣли, наход
ся съ Наполеономъ въ самыхъ дружескихъ
ношеніяхъ и оказалъ ему множество усл
изъ этихъ двухъ причинъ, одной уже было
таточно для возбужденія непріязни Наполе
ибо онъ никогда не хотѣлъ сознаться въ то
что онъ кому нибудь обязанъ и не любо
людей, слишкомъ посвященныхъ въ его се
ныя тайны, которыя онъ наконецъ рѣши
скрывать.

На другой день послѣ того какъ Перв
Консулъ сдѣлалъ столь холодный пріемъ Г
Колло, я имѣлъ случай долго разговаривать
этимъ послѣднимъ, пока Бонапарте ѣздилъ ос
тривать стоявшія въ Миланѣ войска. Онъ ни
минуту не ошибся на счетъ причинъ этой нео
чайной холодности; ибо Г. Колло былъ челове
знавшій, послѣ меня, лучше всякаго друг
Генерала Бонапарте, съ первой Италіянск
кампаніи до оказаннаго ему пренебреженія
эпоху Консульскаго похода. Я изложу зд
сказанное мнѣ Г-мъ Колло, коего въ слѣд

щей Главѣ приведу другой разговоръ, не менѣе любопытный, но болѣе важнаго содержанія.

За нѣсколько времени до учрежденія Консульства, т. е. черезъ два или черезъ три дня по возвращеніи нашемъ изъ Египта,—Бонапарте, въ минуту сильной ревности своей къ Іозефинѣ, говорилъ Г-ну Колло о женѣ своей, о ея легкомысленныхъ поступкахъ и о гласности оныхъ: «Ничего не будетъ болѣе общаго между мною и ею,» сказалъ Бонапарте.—«Какъ, вы хотите съ нею разстаться?—Развѣ она этого не заслужила?—Не знаю; но время ли теперь этимъ заниматься. Подумайте о Франціи. Она устремляетъ на васъ взоры, ожидая, что вы посвятите всѣ свои минуты ея благоденствію; если она замѣтитъ, что вы тревожитесь семейнымы ссорами, то ваше величіе исчезнетъ и вы будете въ глазахъ ея только Моліеровымъ мужемъ. Оставьте теперь вины вашей супруги. Если вы ею недовольны, то вы отошлете ее отъ себя тогда, какъ у васъ не будетъ другаго дѣла; но начните возстановленіемъ Государства. Послѣ вы найдете тысячу причинъ для оправданія вашего негодованія; теперь Франція не уважитъ ни одной и вы слишкомъ хорошо знаете наши нравы для того чтобы не почувствовать, сколь для васъ важно въ самомъ началѣ не показаться страннымъ.»

Бонапарте довольно долго далъ Г-ну К
волю говорить и этотъ послѣдній думалъ
что онъ произвелъ на него нѣкоторое впе
лѣніе, какъ вдругъ Генералъ вскричалъ: «Н
рѣшено; она не ступитъ больше ногой к
въ домъ. Какое мнѣ дѣло до того что
этомъ скажутъ. Поболтаютъ день или два,
третій забудутъ; посреди скопляющихся с
тій что значитъ разводъ? Мой не будетъ
замѣченъ. Жена моя поѣдетъ въ Мальмезон
останусь здѣсь. Публикѣ довольно все изв
для того чтобы не ошибиться на счетъ при
ся удаленія.»

Г. Колло тщетно старался склонить его
умѣренности; Бонапарте разсыпался въ
кахъ и въ брани. «Такая запальчивость»,
залъ ему Г. Колло, «доказываетъ мнѣ, что вы
еще въ нея влюблены. Она пріѣдетъ, оправ
ся, вы простите ей и успокойтесь.—Я! что
я ей простилъ! никогда. . . . Вы славно
знаете. . . . Еслибъ я не былъ увѣренъ въ
*то вырвалъ бы это сердце и бросилъ бы е
огонь.*» При этихъ словахъ, почти задыхаясь
гнѣва, Наполеонъ схватилъ себя рукою за
какъ будто съ тѣмъ, чтобы растерзать ее.

Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ этого же
каго припадка, Г. Колло удалился; но пе
уходомъ его, Бонапарте пригласилъ его на
гой день къ себѣ завтракать.

Г. Колло явился въ десять часовъ и проходя черезъ дворъ узналъ, что Госпожа Бонапарте, которая какъ читатели видѣли, ѣздила на встрѣчу къ Генералу до Ліона не повстрѣчавъ его, воротилась ночью. Увидѣвъ Г. Колло, Бонапарте очень смутился; однакоже пошелъ къ нему на встрѣчу и провелъ его въ особую горницу не желая ввести его въ нашъ рабочій кабинетъ потому что я тогда тамъ находился. «И такъ», сказалъ Бонапарте Г. Колло, лишь только они вошли, «и такъ она здѣсь. — Тѣмъ лучше; вы для себя и для насъ очень хорошо сдѣлали.— Не думайте чтобы я простилъ! . . . Никогда въ жизни! . . . Я бы желалъ имѣть только сомнѣнія! . . . Я выгналъ ее когда она пріѣхала! . . . А этотъ глупецъ Іосифъ, тутъ находившійся! . . . Но чтожъ мнѣ дѣлать Колло? Когда она въ слезахъ сходила съ лѣстницы, то я увидѣлъ Евгенія и Гортензію, которые рыдая шли за нею. Мнѣ не даромъ дано сердце и я немогу видѣть равнодушно слёзы. Евгеній былъ со мною въ Египтѣ; я привыкъ считать его пріемнымъ моимъ сыномъ; онъ такъ храбръ и такой добрый молодой человѣкъ! Гортензія готовится вступить въ свѣтъ; всякой кто ее знаетъ, хорошо объ ней отзывается. Признаюсь Колло, я былъ сильно тронутъ; я не могъ выдержать рыданій этихъ двухъ бѣдныхъ дѣтей; я сказалъ самъ себѣ: не ужели они должны быть жерт-

вами вины ихъ матери; я оставилъ у себ
генія; Гортензія воротилась съ матерью, я
чего не сказалъ. Да и что мнѣ было дѣ
Человѣкъ не можетъ не быть слабымъ.—
те, что они васъ за то вознаградятъ. —
должны это сдѣлать, Колло, они должны,
мнѣ довольно это стоитъ.» Послѣ этого р
вора, Бонапарте вышелъ и Г. Колло посл
валъ за нимъ въ столовую, гдѣ я находил
мы съ Г. Колло очень помнимъ, что Ев
сѣлъ за столъ, но ни Гортензія, ни Іозеф
не явились. Я разсказалъ выше, сколько я
этомъ случаѣ содѣйствовалъ къ примиренію
на другой же день полное согласіе возста
лось между побѣдителемъ Египта и прекрас
женщиною, побѣдившею Наполеона.

Таково было содержаніе разговора моего
Г. Колло въ продолженіе пребыванія ва
въ Миланѣ до Маренгскаго дѣла; ниже уви
что мы имѣли съ нимъ еще другой разго
въ томъ же городѣ послѣ новаго покоренія
ліи Французскимъ оружіемъ. Можетъ быть
винятъ, но покрайней мѣрѣ поймутъ
именно эта короткость сношеній съ Г. Ко
имѣвшимъ независимое состояніе могла б
тягостна для Перваго Консула, хотя и заня
тогда однѣми только мыслями о славѣ и ч
любіи.

Первый Консулъ ночевалъ 13 числа въ Торре ди Галифоло. Онъ съ вечера приказалъ отправить Офицера Генеральнаго Штаба для осмотра, есть ли у Австрiйцевъ мостъ черезъ Бормиду. Я находился у него, когда очень поздо къ нему пришли съ донесенiемъ, что *мостъ нѣтъ*. Эта вѣсть успокоила Перваго Консула и онъ легъ спать очень довольный. Но когда на другой день рано утромъ раздалась пальба изъ пушекъ, и когда онъ узналъ что Австрiйцы, вступивъ на долину, начали бой,—то онъ сильно вознегодовалъ за лживое донесенiе Офицера Генеральнаго Штаба, обвинивъ его въ трусости, и въ томъ что онъ не посмѣлъ довольно заѣхать впередъ; онъ даже хотѣлъ отдать его подъ судъ; успѣли однакоже успокоить Перваго Консула, и я изъ скромности умалчиваю теперь объ имени этого Офицера. Бонапарте, сѣвъ на лошадь, поспѣшно отправился къ мѣсту сраженiя. Я увидѣлъ его не прежде шести часовъ вечера. По его приказанiю я отправился въ Сан-Жулiано. Я сказалъ уже, что это была деревня, долженствовавшая по соображенiямъ его въ Мартѣ мѣсяцѣ, сдѣлаться мѣстомъ битвы: Сан-Жулiано былъ только въ двухъ миляхъ отъ точки гдѣ началось сраженiе. Послѣ полудня, я увидѣлъ проходившихъ чрезъ эту деревню множество раненыхъ и провожавшихъ ихъ солдатъ, а вскорѣ послѣ того и толпы бѣгущихъ. Въ

Сан-Жуліано говорили только объ отступле
которому одинъ лишь Бонапарте какъ сказ
ли съ твердостью противился. Мнѣ тогда п
вѣтовали убираться изъ Сан Жуліано, гдѣ
только что получилъ курьера на имя Гла
командующаго. Еще 14 числа утромъ, Генер
Дезе былъ посланъ къ Нови для наблюд
дороги въ Генуу, которая къ несчастію, за
сколько дней предъ тѣмъ пала, не взирая
усилія ея знаменитаго защитника. Возвра
съ этою дивизіею въ Сан-Жуліано, я былъ
раженъ малочисленностью отряда, шедшаго
помощь къ весьма слабой, разсѣянной ар
Сраженіе считали проиграннымъ и оно дѣ
вительно было въ такомъ положеніи, по
вопросъ Перваго Консула Генералу Дезе, какъ
думаетъ, этотъ добрый и храбрый воинъ о
чалъ безъ всякаго хвастовства: «Сраженіе со
шенно проиграно; но еще только два часа
насъ есть время сего дня же выиграть дру
Первый Консулъ въ тотъ же вечеръ самъ п
сказалъ мнѣ эти простыя, геройскія слова
Кто бы могъ подумать, что небольшая ко
на и малое количество тяжелой кавалеріи
нерала Келлермана перемѣнятъ къ пяти час
жребій этого дня? Ибо нельзя утаить, что м
венное вдохновеніе Келлермана превратило
раженіе въ побѣду и рѣшило выигрышъ
ренгской битвы.

Это достопамятное сраженiе, коего слѣдствiя были неисчислимы, сдѣлалось предметомъ множества повѣствованiй; Бонапарте три раза приказывалъ переписывать реляцiи объ ономъ и я долженъ сказать, что ни въ одной изъ этихъ реляцiй не находится столько истины, какъ въ Запискахъ Герцога Ровиго. Тутъ даже достойно примѣчанiя, что Императоръ Наполеонъ наконецъ сдѣлался уже недовольнымъ тѣмъ, что велѣлъ сказать Первый Консулъ Бонапарте. Что касается до меня, то не имѣвъ чести носить шпаги, я не могу сказать что видѣлъ исполненiе того или того движенiя; но могу изложить здѣсь какъ очевидецъ то, что было говорено вечеромъ послѣ Маренгской битвы о различныхъ случайностяхъ этого великаго дня. Касательно же роли, которую игралъ тутъ Первый Консулъ, то кажется характеръ его довольно уже выставленъ въ сихъ Запискахъ для того чтобы себѣ ее объяснить; онъ не хотѣлъ чтобы можно было приписать столь рѣшительную развязку какой либо другой причинѣ, кромѣ соображенiй его генiя; и этотъ генiй показалъ себя въ столь многихъ случаяхъ столь полнымъ и столь обширнымъ, что не такъ хорошо знавъ его ненасытную жажду къ славѣ; я бы удивился какому то полу-неудовольствiю, обнаруженному имъ къ причинѣ успѣха посреди самой радости объ этомъ успѣхѣ. Подобно при-

знаться, что онъ въ этомъ не походилъ на Жу-
дана, на Гоша, на Клебера и на Моро, котор
всегда оказывали готовность выставлять заслу-
ги людей, сражавшихся подъ ихъ предводите-
ствомъ.

Едва прошло два часа съ минуты ухода и
Сан-Жуліано дивизіи Дезе, какъ я былъ пріят
изумленъ возвращеніемъ съ торжествомъ т
арміи, которая съ утра, столь сильно возбу
дала мое безпокойство. Никогда еще фортун
въ такое краткое время, не показывалась в
двухъ видахъ, столь различныхъ; въ два ча
это было отчаяніе пораженіе со всѣми его п
губными послѣдствіями; въ пять часовъ, э
была побѣда, воспріявшая вѣрность къ Аркол
скому знамени; это была Италія, однимъ уд
ромъ вновь завоеванная и корона Франціи в
виду.

На возвратномъ пути въ семь часовъ вечер
съ Первымъ Консуломъ въ главную квартир
онъ изъявилъ мнѣ свое живѣйшее сожалѣніе
потерѣ Дезе, и потомъ прибавилъ: «Этотъ м
ленькій Келлерманъ сдѣлалъ счастливый н
тискъ; онъ очень былъ кстати; ему много об
заны. Вотъ отъ чего иногда зависятъ дѣла!»

Изъ этихъ немногихъ словъ, сказанныхъ м
Наполеономъ о Келлерманѣ, читатели видят
что онъ въ существѣ умѣлъ цѣнить услугу, им
оказанную. Однакожъ, когда этотъ Генерал

подошелъ къ столу, за которымъ сидѣлъ окруженный многими Генералами и своими Офицерами Первый Консулъ, то этотъ послѣднiй холодно сказалъ ему: «Вы сдѣлали довольно хорошiй натискъ.» И въ противоположность этой холодности, Бонапарте, вдругъ обратясь къ Бессiеру, начальствовавшему Гвардейскими Конными Гренадерами, очень громко сказалъ ему: «Бессiеръ, Гвардiя покрыла себя славою.» Между тѣмъ по всей справедливости должно сказать, что Гвардiя не принимала участiя въ натискѣ Келлермана, который могъ собрать только пять сотъ человѣкъ тяжелой кавалерiи. Эта-то горсть храбрыхъ врѣзалась въ Австрiйскую колонну, опрокинувшую Дивизiю Дезе и отняла у нея шесть тысячъ плѣнныхъ. Гвардiя пошла въ атаку при Маренго не прежде какъ при наступленiи ночи.

На другой день намъ сказывали, будто бы, въ первую минуту вспыльчивости, Келлерманъ, вознегодовавъ за такое сухое поздравленiе, сказалъ Первому Консулу; «Я надѣлъ вамъ на голову корону!» Я самъ не слыхалъ этихъ словъ и не могъ узнать точно ли они были произнесены, ибо я не иначе могъ бы въ томъ удостовѣриться, какъ чрезъ самого Перваго Консула а напоминать ему о вспыльчивости, долженствовавшей возбудить его неудовольствiе, было бы съ моей стороны сдѣлать вещь, для

него непріятную и слѣдовательно въ моемъ положеніи неумѣстную; но могу увѣрить въ томъ, что эти слова, сказанныя или нѣтъ, а были писаны и что Бонапарте объ этомъ зналъ, было причиною нерасположенія его къ Генералу Келлерману, который не былъ сдѣланъ Дивизіоннымъ Генераломъ на полѣ сраженія за данную услугу Маренгскаго натиска.

Г. Делафоре, Главный Инспекторъ Пѣхоты *работалъ* иногда съ Первымъ Консуломъ; извѣстно что это значило, если Инспекторъ Пѣхоты *работалъ* съ Главою Правительства. Въ одно изъ этихъ *трудолюбивыхъ* занятій, Первый Консулъ увидѣлъ письмо Келлермана къ Делю, въ которомъ онъ говорилъ ему: «Вѣрили, любезный другъ, что Бонапарте не сдѣлалъ меня Дивизіоннымъ Генераломъ, меня который этимъ дѣломъ надѣлъ ему на голову корону». Письмо, вновь запечатанное, было по принадлежности отослано; но Бонапарте никогда не забылъ его содержанія.

Какъ бы то ни было, доставилъ ли Генералъ Келлерманъ корону Франціи Первому Консулу или нѣтъ, а достовѣрно что вечеромъ Маренгскаго дня, онъ пригласилъ его къ себѣ на ужинъ, также какъ насъ и голодный Главный Штабъ, что было немаловажною услугою въ той нуждѣ, которую мы во всемъ терпѣли, за счастіе сочли воспользоваться предосторо-

остью Келлермана, посылавшаго за съѣстными припасами въ одну изъ священныхъ обителей, которыя всегда хорошо снабжены и которыхъ очень пріятно встрѣчать на походѣ. Этотъ поборъ былъ сдѣланъ съ монастыря *дель Боско* добрые отцы, въ награду за доставленные ими Начальнику тяжелой Кавалеріи съѣстные припасы и хорошее вино, были избавлены посредствомъ охранной стражи отъ грабежа и отъ несчастій, неразлучныхъ съ войною.

Послѣ ужина Бонапарте продиктовалъ мнѣ бюлетень сраженія.

Когда мы остались одни, то я сказалъ Первому Консулу: «Генералъ, вотъ прекрасная побѣда! помните ли что вы мнѣ говорили, какъ вамъ будетъ пріятно увидѣть Парижъ послѣ важнаго удара, нанесеннаго въ Италіи? Вы должны быть довольны. — Да, Бурiеннъ, я доволенъ; но Дезе! . . . Ахъ, какъ бы этотъ день былъ прекрасенъ, еслибъ я вечеромъ могъ обнять его на полѣ битвы!» Я увидѣлъ Бонапарте готоваго прослезиться,—столь была искренна и сильна горесть, причиненная ему смертью Дезе. Это конечно былъ человѣкъ, наиболѣе имъ любимый, наиболѣе уважаемый и о которомъ онъ наиболѣе жалѣлъ.

О смерти Дезе разсказывали различнымъ образомъ и не нужно говорить, что слова, вложенныя ему въ уста баснословнымъ бюлете-

немъ, были вымышлены (*). Онъ не уме
рукахъ своего Адъютанта Лебрёна, какъ я
женъ былъ написать со словъ Перваго К
ла и не произнесъ прекрасной рѣчи, т
же образомъ, мною написанной. Вотъ и
или по крайней мѣрѣ то, что наиболѣе вѣро
смерть Дезе была не замѣчена въ ту ми
какъ его поразила пуля, прекратившая
его. Онъ палъ не произнеся ни слова н
леку отъ Лефебра-Денуетта. Сержантъ 9
гады легкой пѣхоты, состоявшей под
чальствомъ Барруа, увидѣвъ его распросте
на землѣ, испросилъ у своего Начальника
воленіе взять его плащъ; онъ былъ про
ленъ на спинѣ и это обстоятельство во
даетъ сомнѣніе, былъ ли Дезе убитъ, пал
впереди чрезъ ошибку своихъ собствен
солдатъ или непріятелемъ въ то время,
онъ оборотился къ своимъ для того, чтобы
ободрить. Впрочемъ стычка, въ которой
палъ, была столь непродолжительна, бо
докъ столь внезапенъ, перемѣна судьбы
мгновенна, что неудивительно, если при т
суматохѣ, обстоятельства смерти его не
быть повѣрены положительнымъ образом

На другой день рано утромъ, Князь Ли
нитейнъ пріѣхалъ отъ Генерала Меласа для
реговоровъ съ Первымъ Консуломъ. Требо

(*) Смотри бюлетень въ концѣ книги.

этого Генерала не были приняты Наполеономъ; онъ объявилъ Князю, что армія, запертая въ Александріи, выйдетъ свободна и съ воинскими почестями, но на извѣстныхъ условіяхъ, по которымъ вся Италія возвращалась подъ владычество Франціи. Въ этотъ день были исправлены ошибки самаго неспособнаго человѣка, Шерера, котораго нелѣпое бездѣйствіе всему сообщилось, и который, претерпѣвая безпрестанныя пораженія, бѣжалъ отъ Адріатическаго моря до горы Сениса. Князь Лихтенштейнъ испросилъ дозволеніе возвратиться къ своему начальнику для отданія ему отчета о своемъ порученіи. Пріѣхавъ обратно вечеромъ, онъ сдѣлалъ множество замѣчаній о суровости условій. «Милостивый Государь!» возразилъ съ очевидною досадою Первый Консулъ, «отвезите послѣднюю мою волю вашему Генералу и пріѣзжайте скорѣе назадъ: она неизмѣнна. Вспомните, что я знаю вашу позицію столь же хорошо, какъ вы сами; я не со вчерашняго дня моею. Вы блокированы въ Александріи, у васъ много раненыхъ и больныхъ, вы терпите недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и въ лекарствахъ. Я занимаю весь вашъ тылъ; вы потеряли убитыми и ранеными отборныхъ людей вашей арміи. Я бы могъ требовать болѣе положеніе мое даетъ мнѣ къ тому право; но умѣряю мои требованія изъ уваженія къ сѣ-

динамъ вашего Генерала, котораго я почита
Этотъ отвѣтъ былъ сдѣланъ съ благородство
и съ силою. Князь на все согласился. Я
водилъ его и онъ сказалъ мнѣ: «Эти усл
очень суровы, особенно касательно возвраще
Генуи, которая сдалась не болѣе двухъ не
тому назадъ послѣ столь долгой осады.»
условіе было еще тѣмъ суровѣе, что Импе
торъ Австрійскій узналъ о возвращеніи Ге
въ одно время какъ о сдачѣ оной.

По возвращеніи въ Миланъ, Первый Конс
взялъ къ себѣ въ Адъютанты Савари и Ра
потерявшихъ того, котораго они столь с
ведливо называли отцемъ своимъ. Сначала П
вый Консулъ не очень былъ расположенъ во
ихъ къ себѣ, отговариваясь тѣмъ, что у
уже довольно Адъютантовъ; но имя Дезе,
ланный имъ выборъ этихъ двухъ молод
Офицеровъ и небольшое съ моей стороны
датайство, устранили всѣ препятствія. Оба
съ тѣхъ поръ служили ему до его послѣд
политическаго часа съ усердіемъ и пре
постью, никогда не измѣнявшимися. Въ записк
Герцога Ровиго я не нашелъ ни слова объ у
тіи моемъ въ этомъ опредѣленіи. Скажу вѣро
ную причину отъ чего одинъ изъ двухъ бывш
Адъютантовъ Дезе пошелъ дальше, чѣмъ
гой. Раппъ имѣлъ Альзасскую искренность,
торая всегда ему вредила.

ГЛАВА IX.

Прекращеніе непріязненныхъ дѣйствій.—Письмо Консуламъ.—Черта первенства.—Второе пребываніе въ Миланѣ. — Бонапарте и Массена.—Разговоръ съ Г. Колло.—Воспоминанія о Брюмерѣ.—Нетерпѣливость Наполеона въ Директоріи.—Письмо Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели. — Одряхлѣвшее Правительство.—Наемъ дома въ Сен-Клу.—Мои Миланскія замѣчанія.—Себастіани и Жюбе. — Бонапарте и Бототъ.—Вспышка.—Директорія и позоръ.—Вдохновительный геній.—Надзоръ за Фуше.—Моро и Ланнъ.—Настойчивость Наполеона.—Сен-Клудская оранжерея. — Благоразуміе представителей.—Шумное разогнаніе. — Возвращеніе Салисетти.—Вечернее засѣданіе.—Представители и лакеи.—Ужинъ въ Сен-Клу.—Гг. Талейранъ и Семонвиль. — Сіесъ и Рожеръ Дюко.—Фуше.—Причины холодности Перваго Консула.

Какая бездѣлица и какъ мало времени нужно иногда для перемѣны судьбы міра! 13 Іюня мы оставили Миланъ; 14 Маренго; 15 Италія

была наша. Прекращеніе непріязненныхъ дѣйствій между Французскою и Австрійскою арміями было непосредственнымъ слѣдствіемъ одной битвы и въ силу договора, заключеннаго между Бертье и Меласомъ, мы вступили во всѣ укрѣпленныя мѣста, нами прежде занимаемыя за исключеніемъ Мантуи (*). По подписаніи этого договора, Бонапарте отправилъ оный при слѣдующемъ письмѣ къ своимъ товарищамъ, написанномъ изъ Торри ди Галифоло.

«На другой день послѣ Маренгской битвы. «*Граждане Консулы*, Генералъ Меласъ потре«бовалъ у передовыхъ постовъ дозволенія прис«лать ко мнѣ Генерала Скаля. Въ тотъ же день «былъ заключенъ договоръ, при семъ въ копіи «прилагаемый. Онъ былъ подписанъ ночью Ге«нералами Бертье и Меласомъ. Надѣюсь, что «Французскій народъ будетъ доволенъ своею «арміею.

«*БОНАПАРТЕ.*»

Это письмо было бы замѣчательно однимъ только послѣднимъ выраженіемъ, которымъ Первый Консулъ усиливался еще показать видъ что онъ признаетъ владычество народа, еслибъ мѣсто, гдѣ поставлены слова *Граждане Консулы*, не заключало въ себѣ умысла. Сраженіе

(*) Смотри въ концѣ книги договоръ между Бертье и Меласомъ и предварительныя условія, предложенныя Генералу Сюнсту Графомъ Гогенцолерномъ отъ имени Австріи.

было выиграно и надлежало, чтобы даже въ такой ничтожной вещи два другiе Консула почувствовали, что они менѣе товарищи, чѣмъ подчиненные Перваго Консула.

Мы возвратились въ Миланъ и наше вторичное пребыванiе въ этомъ городѣ, было привѣтствовано почти безпрестанными кликами вездѣ, гдѣ только ни показывался Первый Консулъ. Мы конечно и въ первый разъ были очень хорошо приняты; но въ изъявленiяхъ любви и радости, столь свойственныхъ покореннымъ народамъ, есть нѣкоторые оттѣнки искренности, всегда сильнѣе обнаруживающiеся послѣ побѣды. Въ продолженiе этого втораго пребыванiя въ Миланѣ, Первый Консулъ увидѣлся съ Массеною, коего онъ не видалъ съ самаго отъѣзда нашего въ Египетъ. Бонапарте осыпалъ его наивеличайшими похвалами, вполнѣ имъ заслуженными, за удивительную его оборону Генуи; въ слѣдствiе чего назначилъ его себѣ преемникомъ въ предводительствѣ Италiянскою армiею. По нахожденiю Моро на Рейнѣ, дѣйствительно не было никого, кромѣ завоевателя Цириха, кто бы могъ прилично заступить мѣсто Перваго Консула въ предводительствѣ; главный ударъ былъ нанесенъ; однакожъ могли еще встрѣтиться обстоятельства, требующiя Генерала искуснаго, опытнаго и хорошо знающаго страну; ибо если Италiянцы

не бунтуютъ, то развѣ отъ того, что они
смѣютъ; притомъ же прежде чѣмъ совершен
успокоиться, надобно было узнать, на кан
условіяхъ приступитъ къ союзу Вѣнскій каб
нетъ, совершенно подчинявшійся въ эту эпо
Лондонскому кабинету.

Накануне отъѣзда нашего изъ Милана, я имѣ
съ Г-мъ Колло тотъ разговоръ, о которо
упомянуто въ предъидущей Главѣ и зде
прилично будетъ помѣстить его; я должен
предупредить читателя, что ему представля
въ ономъ событія, уже бывшія предъ его гл
зами а именно, относящіяся къ 18 Брюме;
но Г. Колло видѣлъ эти событія очень вбли
и съ другой чѣмъ я точки; а посему полага
что читатель будетъ доволенъ тѣмъ, что
послѣ разговора моего съ нимъ тотчасъ зап
салъ нѣкоторыя изъ словъ его, что я дѣла
только для словъ Перваго Консула; полага
что безъ этого краткаго предувѣдомленія, Г
Колло очень бы удивился вѣрности моей п
мяти. А посему, то что слѣдуетъ, въ существ
болѣе принадлежитъ ему, чѣмъ мнѣ, хотя он
вѣроятно многое уже забылъ.

Въ день нашего разговора Г. Колло возвр
щался съ поѣздки, сдѣланной имъ на Борр
мейскіе острова съ Іосифомъ Бонапарте и
даже помню сказанное имъ мнѣ тогда, чт
заѣхавъ за новымъ Государственнымъ Совѣтн

комъ къ нему на квартиру, онъ нашелъ его *въ весьма дурномъ обществѣ*, что не требуетъ объясненія. Какъ бы то ни было, а вотъ слышанныя мною изъ устъ Г. Колло событія, коихъ я не разсказывалъ въ моихъ Запискахъ.

Возвратясь изъ Египта въ Парижъ, Бонапарте отправился въ Директорію съ такою поспѣшностью, что Директоры, не ожидавъ его такъ скоро, не имѣли еще времени условиться на счетъ пріема, который они ему сдѣлаютъ. Когда объ немъ доложили, то приведенные въ замѣшательство Директоры, заставили его прождать нѣсколько минутъ въ передней залѣ. Потерявъ терпѣніе, онъ вышелъ вонъ и хотѣлъ сѣсть въ карету (*). Извѣщенные о томъ Директоры послали его догнать. Воротясь, онъ увидѣлъ пятерыхъ Директоровъ, бѣгущихъ къ нему на встрѣчу. Онъ подошелъ къ нимъ съ видомъ увѣренности какъ человѣкъ, скорѣе пріѣхавшій требовать у нихъ отчета въ ихъ поведеніи, чѣмъ оправдываться въ своемъ.

Вечеромъ, Г. Колло, имѣвшій большое знакомство, встрѣтилъ многихъ людей, по мнѣнію коихъ, Директоріи слѣдовало бы наказать Генерала за дерзость его противъ нея, от-

---

[*] Я не сопутствовалъ Наполеону въ этомъ первомъ посѣщеніи Директоріи и очень удивлялся, что онъ не разсказалъ мнѣ объ ономъ, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ, когда куда нибудь безъ меня ѣздилъ.

дать его подъ военный судъ и разстрѣлять
какъ бѣглеца, какъ нарушителя Карантинн
законовъ. Всѣ эти выходки были совершен
пустыя; ибо Наполеонъ слишкомъ хорошо зн
слабость Правительства для того, чтобы бо
ся со стороны онаго какого либо начальн
каго дѣйствія. Могъ ли онъ ошибиться въ м
ніи Франціи когда вездѣ, къ кликамъ, ко
онъ былъ предметомъ, присоединялись ос
бительныя, заслуженныя укоризны Директ
какъ виновницѣ самыхъ безчестныхъ, непра
ныхъ дѣйствій. Бесѣда Наполеона съ эт
пятью призраками власти, не составляв
даже тѣни Правительства, продолжилась
часа. Они едва осмѣлились спросить его о
петской арміи; время, напротивъ того про
въ отвѣтахъ на вопросы его о положеніи Фр
ціи, и онъ тогда только закрылъ это засѣд
когда довольно убѣдился въ своемъ пер
ствѣ.

Я сказалъ уже сколько, всѣ значительные
ди,—5 Брюмера, на другой день послѣ посѣ
нія Наполеономъ Директоріи, спѣшили пол
вить его съ возвращеніемъ; ему легко было
дѣть всеобщее ихъ желаніе чтобы онъ при
кормило Государства. Посреди этой заботли
толпы одною изъ вещей, которыя Генералъ
иболѣе замѣтилъ, было отсутствіе Г. Колло. С
скрылся отъ меня въ этомъ случаѣ ибо, вмѣ

того чтобы приказать мнѣ къ нему написать, онъ поручилъ это Г-ну Реніо де Сен Жанъ д'Анжели, который написалъ къ нему по приглашенію Наполеона, какъ будто бы онъ сдѣлалъ это отъ себя. «Ты бы очень былъ доволенъ любезный другъ;» говорилъ Реніо Г-ну Колло, «еслибъ ты сидѣлъ у меня въ карманѣ; ты бы услышалъ, съ часъ тому назадъ, похвалы, которыя конечно показались бы тебѣ лестными. Ты бы услышалъ что ты добръ, чувствителенъ и благотворителенъ; что ты внушаешь къ себѣ участіе и уваженіе; и все это говорилъ Бонапарте, мнѣ и Арно. Съѣзди же къ нему; онъ приметъ тебя съ удовольствіемъ.»

Г. Колло отправился на другой день къ Наполеону. Онъ нашелъ его стоящаго передъ каминомъ, окруженнаго всѣми тѣми, которые пріѣзжали къ нему наканунѣ для того чтобы представиться ему и вывѣдать его намѣренія. Бонапарте слушалъ, говорилъ мало и ограничивался только вопросами, для поддержанія и направленія разговора, который продолжался около трехъ часовъ и кончился слѣдующими, замѣчательными словами: «Мое положеніе очень необыкновенно. Многіе являются ко мнѣ предлагать власть, какъ будто бы они могли располагать ею. Еслибъ они могли, то давно бы ею завладѣли. *Но это не легкая вещь, особенно нынче.* «Эти послѣднія слова,»—сказалъ мнѣ

Г. Колло,—«были произнесены такимъ голосомъ, который казался бы вызовомъ, но съ видомъ простоты, не дозволявшей находить въ нимъ что либо оскорбительное.»

Тогда Бонапарте распростился со всѣми эти ми посѣтителями, удержавъ у себя Г. Колло. Можетъ быть удивятся, что онъ поступилъ столь мало уважительно съ Депутатами, съ Ге нералами и съ сановниками, управлявшими тог да Франціею. Это происходило отъ мнѣнія его, что при одряхлѣвшемъ Правительствѣ никто неимѣлъ настоящей твердости, никто не могъ доставить ему существенной помощи и что по сему, ему не слѣдовало принимать услугъ ни которой партіи для того, чтобы вскорѣ не быть обезпокоеннымъ ея требованіями. Опершись на которую либо изъ нихъ, онъ боялся предста виться взорамъ Франціи въ видѣ главы мятеж никовъ, между тѣмъ какъ онъ тогда искренно желалъ сдѣлаться мирнымъ возстановителемъ Государства, обрушивающагося подъ бременемъ позора.

Когда мы отправились въ Египетскій походъ, то Г. Колло намъ сопутствовалъ; но онъ остался въ Мальтѣ, по причинѣ небольшой размолвки съ Главнокомандующимъ. Еслибъ, по прибытіи сего послѣдняго въ Парижъ, онъ тотчасъ къ нему явился, то его могли бы счесть по клонникомъ фортуны; и для сего то онъ ждал

пригласительнаго письма; въ этихъ самыхъ выраженiяхъ объяснился онъ и съ Наполеономъ. «Вы этого небоялись,» сказалъ ему Бонапарте, «вы слишкомъ хорошо доказали мнѣ что вы не гоняетесь ни за деньгами, ни за милостями. Скажите лучше что васъ удерживало небольшое замѣшательство а особенно небольшая гордость; она то разлучила насъ въ Мальтѣ: безъ нея вы поѣхали бы со мною въ Египетъ. Помните ли вы письмо, которое вы написали ко мнѣ разставаясь со мною.—Помню Генералъ. — Въ немъ заключалась эпиграма. — Еслибъ я это замѣтилъ, то я бросилъ бы перо, которому далъ волю только потому, что писалъ съ совершеннымъ изліянiемъ чувствъ.—Это такъ, но въ письмѣ вашемъ было не много ѣдкости. Однакожъ оставимъ старое; я хочу все забыть.»

Бонапарте, должно отдать ему справедливость, совершенно забылъ прошедшее пока имѣлъ нужду въ Г. Колло, и вспомнилъ объ ономъ только тогда, когда счелъ что можетъ безъ него обойтиться. Послѣ примиренiя ихъ въ Парижѣ, Г. Колло каждый день бывалъ у Генерала, и вотъ доказательство довѣренности, которую имѣлъ къ нему Бонапарте. 16 Брюмера онъ сказалъ ему: «Колло, наймите въ Сен-Клу домъ, и приготовьте тамъ все, чтобы можно было на дняхъ дать ужинъ двадцати пяти или тридцати человѣкамъ.» По желанiю Наполеона, Г. Колло тот-

часъ послалъ въ Сен-Клу своего повѣренн домъ былъ нанятъ и приготовленъ какъ о приказывалъ; а 18 Брюмера утромъ онъ с залъ ему: «Мы будемъ завтра тамъ ужинать»

Г-ну Колло были извѣстны всѣ умыслы, козни, устроиваемыя въ Парижѣ, какъ Наполеономъ и его сообщниками такъ и т которые дѣйствовали съ противной стороне При описаніи эпохи, къ которой приводи меня въ эту минуту разговоръ мой съ Г. К ло, — читатели видѣли, что Бонапарте п нялъ твердое намѣреніе ниспровергнуть Дир торію, но въ тоже время желалъ чтобы с пала безъ шума. Это я зналъ; но хотя у лучше всякаго другаго были извѣстны его т ные замыслы, а сидя безотлучно въ его кабин тѣ, я не могъ надлежащимъ образомъ судит внѣшнихъ дѣлахъ, какъ я уже кажется говори Итакъ съ большимъ удовольствіемъ нашелъ въ моихъ Миланскихъ запискахъ многія лю пытныя подробности. Я вижу въ нихъ, Гг. Талейранъ и Фуше первые обнаружи чрезъ распространяемые ими въ Парижѣ, б гопріятные для Перваго Консула слухи, о они принимаютъ участіе въ замыслѣ Наполе и что они безъ затрудненія склонили къ т Сіеса; я вижу еще, что старались войти сношенія съ Моро, но что отзывы его заставе заключить, что онъ не приметъ въ ономъ

какого участiя; между тѣмъ какъ судя по его характеру можно было думать, что онъ не станетъ оному и препятствовать. Впрочемъ, объ этомъ замыслѣ не говорили ни Генералу Журдану, ни Бернадоту, ни Ожеро, зная, что они находятся слишкомъ въ тѣсныхъ связяхъ съ партiею Салисетти, Гарро, Арены, Дестрема и многихъ другихъ депутатовъ. Чувствуя, что съ ними трудно будетъ сладить, отъ нихъ скрывались, къ чему имѣли тѣмъ болѣе причинъ, что нельзя было не знать, съ какимъ безпокойствомъ они наблюдали за самыми малѣйшими поступками Бонапарте и всѣхъ, посѣщавшихъ домъ его. Они очень предчувствовали, что приготовляется движенiе противъ Правительства; но это Правительство было слишкомъ уничиженно для того, чтобы хоть кто нибудь осмѣлился его защищать или даже только въ томъ сознаться; такъ что противники Наполеона, безъ вождя, безъ точки опора, были доведены обстоятельствами до необходимости заниматься только своимъ собственнымъ существованiемъ, подъ пустою личиною вѣрности къ Конституцiи, уже нарушенной и къ Директорiи, которую они первые презирали. Они не могли сдѣлать противъ замысловъ Бонапарте болѣе того, что они сдѣлали, т. е. пошумѣть и ничто столь не глупо въ политикѣ

какъ сопротивленіе, тогда какъ знаешь бе-
лезность онаго.

При этихъ обстоятельствахъ, Себастіани,
мандиръ Драгунскаго Полка, стоявшаго га-
зономъ въ Парижѣ и Жюбе, начальникъ С-
жи Директоріи, поручились Наполеону въ
рошемъ расположеніи этихъ двухъ войскъ;
этой минуты, 15 Брюмера, все уже было
шено; въ этотъ день убѣдились что никто
воспротивится Наполеону и тогда-то онъ,
требовалъ къ себѣ Г. Колло. Какъ уже вы
мною сказано, я былъ участникомъ ма-
засѣданій, но не большихъ сборищъ; К
всегда на оныхъ присутствовалъ; 17 числа
исходило одно, въ которомъ было условлен
другой день на разсвѣтѣ отправиться въ
ліери, а войска, за которыя начальники р-
лись, разставить въ сосѣдствѣ.

И такъ Бонапарте отправился туда верх-
18 числа, какъ уже мною упомянуто; любоп-
нѣе же всего, что между тѣмъ какъ весь
рижъ зналъ объ этомъ движеніи,—одной то-
заснувшей Директоріи оно не было извѣс-
Увраръ и Г-жа Таліенъ бросились объявит
томъ Баррасу, котораго разбудили (*). Они у

(*) Если читатели не забыли посѣщеніе, которое я сдѣлал
числа въ одиннадцать часовъ вечера Баррасу, вмѣст
напарте и по его приказанію,—то сонъ его точно дол
показаться удивительнымъ.

домили его, что Гвардiя его бѣжала изъ Люксембурга и что она повиновалась Наполеону. Баррасъ всталъ, велѣлъ позвать Секретаря своего Ботота и отправилъ его узнать отъ самого Бонапарте о происходящемъ.

Бототъ прибылъ,—сказалъ мнѣ Г. Колло,—въ ту минуту, какъ Генералъ, окруженный вождями своего войска съ толпою Генераловъ и Штабъ-Офицеровъ сбирался выѣхать изъ своего дома. Здѣсь я предоставляю говорить Г-ну Колло: «Вы не можете, любезный Бурiеннъ, представить себѣ Генерала въ ту минуту, какъ онъ увидѣлъ Ботота; онъ замѣтилъ его въ десяти шагахъ отъ себя, по головѣ его, превышавшей всѣ прочiя. Не знаю, былъ ли онъ предупрежденъ объ этомъ посольствѣ.—Нѣтъ, могу васъ увѣрить. — И такъ, увидя Ботота, Наполеонъ пошелъ прямо къ нему, и какъ будто бы онъ одинъ составлялъ собою всю Директорiю: *Что вы сдѣлали съ Францiею?* вскричалъ онъ . . . . Вамъ извѣстно, что онъ не всегда краснорѣчивъ; но не знаю какой-то генiй одушевлялъ его въ эту минуту. Витiеватыя слова и выраженiя, потекли изъ устъ его рѣкою. Онъ описалъ Францiю такою, какъ онъ ее оставилъ: арсеналы ея наполненными, земли распространенными, войска хорошо одѣтыми, хорошо продовольствованными, повсюду побѣдоносными; онъ показалъ ее украшенною трофея-

ми, спокойною внутри, уважаемою внѣ ел
дѣловъ, повсюду сильною. Потомъ, вдругъ
ренесясь на наши послѣднія поля битвъ,—
показалъ тѣхъ солдатъ, которые при немъ
чего не знали кромѣ побѣды,—побѣжденны
распростертыми на полѣ пораженія; онъ и
разилъ остатки ихъ униженными, вступаю
ми обратно во Францію въ лохмотьяхъ ни
ты; лавры наши увядшими, границы занят
непріятелемъ, арсеналы опустѣвшими, крѣп
срытыми, магазины пустыми, казну истощ
ною, гражданъ недовольными, наконецъ во д
цѣ Директоріи безчестіе и позоръ! . . . Все
было изображено столь широкими, столь
кими чертами и произнесено съ такимъ
ромъ, такимъ повелительнымъ голосомъ
съ такою поразительною скорбью, что всѣ
сутствующіе вознегодовали противъ Дире
ріи. Сраженный Бототъ не раскрылъ рта.
увидѣлъ, что съ этой минуты Директорія п
стала существовать, и побѣжалъ объявить о
деніи Баррасу и его собравшимся товарищ

«Вы лучше меня знаете,» продолжалъ Г. К
ло, «то что произошло по возвращеніи его
домъ Шатеренской улицы; но жалѣю, что
не могли, подобно мнѣ видѣть Генерала въ
тисотномъ Совѣтѣ. Конечно послѣ пріема,
ланнаго ему осмнадцатаго числа, онъ не м
ожидать сцены, происшедшей на другой д

въ Сен-Клу. Онъ входитъ и мгновенно его привѣтствуютъ именемъ спасителя отечества. Тѣ изъ представителей, которые были посвящены въ тайну наканунѣ, и повѣренные Фуше, посланные заранѣе для овладѣнія залою, огласили оную при его входѣ неимовѣрными кликами; остальные, изумясь или испугавшись, увлеченные общимъ движеніемъ, присоединились къ первымъ кликамъ и тогда-то указъ, сильно насъ обрадовавшій, назначилъ Генерала предводителемъ войскъ. Еслибъ вы присутствовали при этомъ зрѣлищѣ, еслибъ вы видѣли Бонапарте, выходящаго съ торжествомъ, облеченнаго его новымъ званіемъ и увѣреннаго въ перемѣщеніи народнаго представительства въ Сен-Клу; еслибъ вы видѣли залу Пятисотнаго Совѣта и залу Совѣта Старѣйшинъ, въ одну минуту опустѣвшими, то вы бы почувствовали себя перенесенными въ тотъ вѣкъ упадка, когда Римскіе Сенаторы, принужденные признать Государя, ими не избраннаго, наперерывъ привѣтствовали его именемъ избавителя, друга народа, отца отечества, божественнаго, — наконецъ всѣми наименованіями, выдумываемыми лестью и повторяемыми боязнью;—вы имѣли бы предъ собою живой, одушевленный переводъ одного изъ превосходнѣйшихъ отрывковъ Тацита.

«Надобно отдать долгъ справедливости: не всѣ похвалы, коими осыпали Наполеона, подсказы-

вались лестью; многія были внушены призн тельностью и удивленіемъ, а еще болѣе тог надеждою. Франція не сомнѣвалась въ его ге и хотѣла вѣрить его добродѣтели.»

Такъ говорилъ мнѣ Г. Колло и, перечитыв мои Миланскія записки, я вспоминаю обсто тельство, которое я узналъ тогда отъ Реніо Сен-Жанъ д'Анжели и совсѣмъ было забылъ вечеромъ того дня, когда Бонапарте такъ сил но напалъ на Ботота, у Реніо собрались мног особы, пораженныя словами Наполеона и ст равшіяся положить ихъ на бумагу для перед журналистамъ. Послѣ продолжительныхъ ус лій, каждый изъ нихъ остался недовольны своею работою; утомясь отъ трудовъ, наконец удовольствовались извлеченіемъ, которое сд лалъ Рёдереръ изъ этой груды сложенны вмѣстѣ мыслей. Г. Колло, которому я напо нилъ о статьѣ, помѣщенной въ Монитёрѣ, ск залъ мнѣ что она была вяла и безцвѣтна в сравненіи съ колосальною, сильною и велич ственною картиною, развернутою Наполеоном въ Тюліери. Впрочемъ я описываю краснорѣч Бонапарте на отвѣтственность Г-на Колло; уже сказалъ что оно было больше чѣмъ отри цательно на другой день въ моемъ присутств

Я нахожу еще въ моихъ замѣчаніяхъ нѣко торыя подробности относительно того, что про изошло вечеромъ 18 Брюмера внѣ Наполеонов

кабиниста. Недовольные сильно волновались; Бернадотъ, Ожеро, Журданъ и нѣкоторые другiе военные; Салисетти, Арена, Антонель и еще многiе представители бушевали и мнѣнiе, отчасти основательное, Г-на Колло, было, что они подъ видомъ желанiя защищать Директорiю, въ существѣ хотѣли только остаться въ союзѣ, надѣясь внушить тѣмъ къ себѣ страхъ и что они были оскорблены тѣмъ, что ихъ не сдѣлали участниками обнаружившагося заговора къ ниспроверженiю Директорiи. Сказанное мною о Бернадотѣ и о предложенiяхъ, который сдѣлалъ ему Наполеонъ, доказываетъ что мнѣнiе Г. Колло, справедливое на счетъ другихъ недовольныхъ, не было правильно относительно его.

Какъ бы то ни было, а рысьи глаза Фуше были безпрестанно открыты на козни недовольныхъ; онъ извѣстился о ихъ сборищѣ и въ десять часовъ вечера прискакалъ къ Наполеону; онъ тотчасъ созвалъ туда главныхъ дѣйствующихъ лицъ движенiя, начатаго подъ столь благопрiятными предзнаменованiями. Представя положенiе вещей, Фуше предложилъ допустить въ завтрашнее собранiе, гдѣ долженствовала быть объявлена новая Конституцiя, однихъ только тѣхъ представителей, которые представили уже залоги своего присоединенiя. «Мы раздадимъ имъ билеты для входа,» сказалъ онъ. «Всѣ тѣ, которые явятся безъ билетовъ, не бу-

дуть впущены.» Это предложеніе было силь поддержано.

Бонапарте, который ласкалъ себя надежд безпрепятственно достигнуть власти и которо безпрестанно твердили что Франція желає облечь его оною; который чувствовалъ скол ко она выиграетъ вручивъ ему ее и котор сверхъ всего, добивался избранія, имѣющ видъ полной свободы,—объявилъ что онъ не четъ быть избраннымъ иначе и отвергъ пре ложеніе Фуше, которое показалось ему робки Ни Моро, ни Лашъ не присутствовали въ это собраніи: первый изъ нихъ былъ назначе Начальникомъ Главнаго Штаба, коему особен поручалась какъ уже сказано, Гвардія Директо ріи, а Лашу было дано Наполеономъ начал во надъ Парижемъ.

Фуше и многіе другіе значительные лю тщетно старались побѣдить сомнѣніе Генера они сказали ему что это сомнѣніе пустое, ч оно можетъ повредить успѣху предпріятія, о коего зависѣло спасеніе Франціи; что глав дѣло состояло въ томъ, чтобы учредить Пра тельство и сдѣлаться главою онаго; что мятежн ки, хотящіе нынче этому противиться, пос шать изъявить свое согласіе тогда какъ о уже будетъ болѣе не нужно; что во всяко случаѣ ихъ ропотъ, ихъ возраженія не найду уже отголосковъ между тѣмъ какъ провозгл

сивъ оные завтра въ залѣ въ кругу своихъ единомышленниковъ, они могли произвесть раздоръ, способный возжечь междоусобiе.

Не смотря на силу этихъ доводовъ, Бонапарте остался непреклоннымъ при своей волѣ. Ослѣпленный утреннимъ успѣхомъ, онъ былъ увѣренъ въ торжествѣ на другой день, и положилъ конецъ собранiю слѣдующимъ краткимъ и торжественнымъ объявленiемъ: «Я не хочу власти, если не буду законнымъ образомъ облеченъ ею отъ двухъ палатъ, учрежденныхъ для того, чтобы давать оную.»—Ночь принесла совѣтъ или лучше сказать событiя сами свершились.

Когда я нынче думаю обо всѣхъ обстоятельствахъ, въ которыя мы такъ сказать попали, когда я вспомню желанiя почти единогласныя, которыя безпрестанно изъявлялись вокругъ Бонапарте, то мнѣ кажется что стойкость его оставаться при своемъ мнѣнiи могла легко быть оправдана. Какъ ему было не надѣяться на благопрiятное расположенiе членовъ совѣтовъ Старѣйшинъ и Пятисотнаго, когда въ тотъ же самый день, явясь предъ нихъ безоружный, онъ видѣлъ отъ нихъ очевидныя тому доказательства. Какъ было предполагать, что на другой день, многiе изъ нихъ дерзнутъ возстать противъ него посреди штыковъ, посреди вооруженной силы, коей они только что предложили

ему быть начальникомъ? Ему не могла при
въ голову мысль о такой неумѣстной смѣло
но часто высокій умъ бываетъ обманыва
глупостью, что случилось и съ Наполеоном

Члены противной ему стороны, сговорив
наканунѣ и въ продолженіе ночи, явились
вые 19 Брюмера въ залу, назначенную для
тисотнаго Совѣта. Это была оранжерея;
погода становилась уже свѣжа, то затоп
печки а вмѣсто передней устроили предъ
домъ крытую изъ шпалеръ переборку, въ
торой по нуждѣ могло помѣститься отъ
ка до пятидесяти человѣкъ.

Извѣстно, что при самомъ открытіи за
нія хотѣли дать новую присягу Конститу
Читатели конечно не забыли что я былъ
Наполеономъ, когда онъ запирался въ Со
Старѣйшинъ; но что получивъ отъ него
ченіе отправиться для извѣщенія о происхо
шемъ Г-жу Бонапарте, я не сопутствовалъ
въ Пятисотный Совѣтъ. Г. Колло тамъ
ходился и невозможно себѣ представить ск
ко въ нашемъ длинномъ разговорѣ, прои
дившемъ въ Миланѣ черезъ пять дней по
Маренгской побѣды, мы съ Г. Колло наход
удовольствія сообщать другъ другу воспом
нія, тогда еще столь свѣжія, о дивныхъ, з
танныхъ судьбахъ, управлявшихъ учре
діемъ Правительства, уже сильнаго, кото

однакоже имѣло еще только восемь мѣсяцевъ существованiя. Обстоятельства революцiи минувшаго Брюмера мѣсяца казались намъ очень занимательными во вновь завоеванной столицѣ Ломбардiи; и однакожъ мы не мало страшились для будущаго неблагодарной холодности Перваго Консула къ Г. Колло; онъ слишкомъ скоро началъ поступать какъ Императоръ.

Возвращаюсь къ моимъ запискамъ. Фуше имѣлъ большое влiянiе на поступки Бонапарте въ достопамятный день 19 Брюмера. Дѣйствительно Фуше чрезъ своихъ агентовъ открылъ, что члены противной стороны, ободренные первыми криками, отправили нарочныхъ въ Парижъ для объявленiя о ихъ успѣхѣ и для поощренiя ревности ихъ сообщниковъ;—онъ прiѣхалъ извѣстить о томъ Бонапарте и склонилъ его поспѣшить дѣломъ.

Выше сказано, что произошло въ Совѣтѣ Старѣйшинъ. «По выходѣ изъ этого совѣта,» сказалъ мнѣ Г. Колло, «онъ отправился въ Пятисотный въ сопровожденiи своихъ Гренадеровъ, шедшихъ по три рядами. Едва онъ туда прибылъ, какъ всѣ находившiеся въ отгороженной передней, потѣснились, стараясь пропустить его; онъ прошелъ въ залу, но стража его, за тѣснотою, не могла за нимъ послѣдовать; и Бонапарте, оглянувшись послѣ многихъ кликовъ: *Лишить покровительства законовъ* и другихъ

воплей, раздававшихся въ залѣ,—увидѣлъ съ нимъ только два или три солдата, кот одни только могли протѣсниться. Удивлен тѣмъ, что остался одинъ, онъ обратился дверямъ и сошелъ внизъ, гдѣ находилась молвно выстроившаяся его стража и гдѣ къ нему пришли.

«Еслибъ,» прибавилъ Г. Колло, «хоть о представитель схватилъ Наполеона въ залѣ тисотнаго Совѣта тогда какъ онъ вошелъ тѣсноту, то партія его была не довольно на для того, чтобы его избавить и еслиб резъ минуту послѣ того выставили на бал окровавленную его голову, то солдаты его ло тронутые этою казнью, не потребовали за оную удовлетворенія и не стали бы отом за нея; но депутаты потеряли полчаса въ кѣ, въ спорахъ, въ ругательствѣ, и Лу былъ довольно искусенъ для того, чтобы держать и продолжить эту суматоху.

«Когда Мюратъ наконецъ вошелъ приступ въ залу, то соумышленники Наполеона м представителями, желая содѣйствовать ско шему очищенію залы, закричали: «Войско нетъ стрѣлять! . . . Спасемтесь . . .» При э словахъ, собраніе, за минуту предъ столь смѣлое,—толпится, бросается, не н дитъ довольно выходовъ, прыгаетъ въ окн слишкомъ высокія отъ земли; и эти л

столь шумные на словахъ, столь грозные въ рѣчахъ, призвавъ мракъ ночи, коей тѣни начинали имъ покровительствовать, разбѣгаются и скрываютъ свое постыдное, странное самохвальство въ лѣсу парка или на окрестныхъ поляхъ.

«Изъ этихъ осторожныхъ законодателей, многіе даже изъ тѣхъ, которые находились на сторонѣ Наполеона, безпокоясь о послѣдствіяхъ такого насильственнаго поступка, не осмѣлились возвратиться для того, чтобы стать подъ его знамена. Члены Пятисотнаго Совѣта очень походили на многочисленныя стаи голубей, которыхъ одинъ выстрѣлъ изъ ружья сгоняетъ съ голубятни и которые потомъ возвращаются по одиначкѣ. Салисетти, хоть и бывшій однимъ изъ вождей противной стороны не пріѣхалъ съ утра въ Сен-Клу; но когда посланники недовольныхъ сообщили ему въ продолженіе дня вѣсти, благопріятныя для ихъ дѣла, то онъ поспѣшно туда отправился дабы воспользоваться побѣдою. Однако же, прибывъ туда въ самую ту минуту, какъ сраженіе для него было проиграно, онъ разсудилъ, что надобно воспользоваться пораженіемъ. Посему онъ пришелъ, со всею Италіянскою тонкостью, примкнуть къ друзьямъ Наполеона и постараться стать въ ряды ихъ: «Я узналъ,» сказалъ онъ, «о возстаніи этихъ дураковъ; и содрогнулся за Гене-

рала Бонапарте; я какъ можно скорѣе поспѣшилъ, дабы остановить порывы ихъ безразсудства; къ несчастію я опоздалъ, но благодарю небо за восторжествованіе разсудка.—Эта подслащенная рѣчь была выслушана съ холодностью и недовѣріемъ.» Я прервалъ Г. Колло, изъявивъ ему мое удивленіе касательно того, что онъ говорилъ мнѣ о Салисетти; ибо не покидавъ Наполеона цѣлый день, я былъ увѣренъ, что никто не говорилъ ему объ этомъ представителѣ. «Нѣтъ, возразилъ мнѣ Г. Колло, ему въ этотъ день точно ничего объ немъ не говорили.» Дѣйствительно не прежде какъ черезъ нѣсколько дней послѣ переселенія нашего въ Люксембургъ, Іосифу чрезъ настоятельныя убѣжденія удалось ввести опять въ милость Салисетти; и то еще Бонапарте согласился не иначе употребить его какъ внѣ Франціи.

Не имѣю нужды замѣчать читателю, что сообщая подробности любопытнаго моего разговора съ Г-мъ Колло, я заставилъ его говорить почти одного; ибо, не исключивъ моихъ ему отвѣтовъ, я бы неизбѣжно впалъ въ повторенія, которыхъ я стараюсь, сколько возможно избѣгать. Я разсказалъ Г-ну Колло почти то самое,—какъ выше читали въ этихъ Записках,—что произошло въ совѣщаніяхъ Наполеона; онъ же довершилъ мнѣ изображеніе картины 19 Брюмера, сообщивъ мнѣ слѣдую-

щія подробности о ночномъ засѣданіи, въ которомъ было учреждено Консульское правленіе.

«Вы знаете,» продолжалъ Г. Колло, «какой шумъ, какая суматоха произошли при выходѣ депутатовъ и какое зловѣщее безмолвіе заступило мѣсто оныхъ. Вамъ конечно извѣстны всѣ затрудненія, встрѣтившіяся при составленіи хоть тѣни собранія. — Мнѣ кажется, что кое какъ набрали человѣкъ восемдесятъ членовъ того и другаго совѣтовъ.—Ужъ вѣрно не больше.—Я помню безпокойство Наполеона въ продолженіе этого времени; обыкновенная его увѣренность на нѣсколько минутъ его оставила и онъ имѣлъ большую нужду въ присутствіи Г. Талейрана, не перестававшаго ободрять его. Онъ хотѣлъ чтобы въ десять часовъ открылось засѣданіе.—Я тамъ былъ; и какое зрѣлище представило это ночное засѣданіе въ той же самой залѣ, которая такъ недавно была осквернена присутствіемъ вооруженныхъ людей! Изъ этого то законодательнаго чулана вышло Консульское Правленіе, и кто знаетъ какое вліяніе оно будетъ имѣть на судьбу Франціи и Европы!

«Не знаю, любезный Буріеннъ, долго ли мнѣ предназначено жить; но пока я проживу, всегда буду имѣть предъ глазами зрѣлище Сен-Клудской галереи, каковою она была въ продолженіе этой грустной сцены; какое царствовало въ ней безмолвіе! Сколь были угрюмы и

опечалены люди, въ оной засѣдавшіе! Поутру они явились туда съ увѣренностью, что новое Правительство будетъ безъ споровъ принято; къ вечеру они были разочарованы непредвидѣнными потрясеніями минувшаго дня; они надѣялись на такое засѣданіе, которое бы кончилось мирнымъ согласіемъ; а нашли крикъ, сопровожденный насильственнымъ поступкомъ; и по разрушеніи силою обстоятельствъ всѣхъ предвидѣній, они по неволѣ увлеклись къ принятію роли заговорщиковъ, какъ къ единственному средству довершить начатое дѣло; и отъ этой принужденности раждалось безмолвное уныніе, сдѣлавшее очень горькими первые плоды побѣды.

«Представьте себѣ длинный, широкій сарай, наполненный опрокинутыми скамьями; кафедру, придѣланную посрединѣ къ голой стѣнѣ; подъ кафедрою, нѣсколько впереди столъ и два стула; на этомъ столѣ двѣ свѣчи и столько же на кафедрѣ; ни люстры, ни лампъ и никакого другаго освѣщенія подъ сводомъ этого длиннаго зданія.

«Видите ли вы на кафедрѣ блѣдное лице Луціана, читающаго новую Конституцію, а передъ столомъ двухъ толкующихъ Депутатовъ. Противъ нихъ, на узкомъ тѣсномъ пространствѣ, лежала толпа представителей, равнодушныхъ ко всему, что имъ объявляли; большая часть изъ

нихъ разлеглись на трехъ скамейкахъ, изъ коихъ одна служила имъ стуломъ, другая подножiемъ, а третья изголовьемъ. Между ними, въ томъ же положенiи находилось нѣсколько частныхъ людей, принимавшихъ участiе въ успѣхѣ этого дня. Неподалеку сзади видны были лакеи, которые укрылись туда отъ стужи и спали въ ожиданiи господъ своихъ. Таковъ былъ странный ареопагъ, давшiй Францiи новое правительство.

«Надобно однакоже сознаться, что если между этими ефемерными Сенаторами, располагавшими Францiею, нѣкоторые повиновались чувствамъ честолюбiя, корысти и даже страха, то большая часть тѣхъ, съ коими я имѣлъ случай говорить въ продолженiе этого дня,—сколько мнѣ извѣстно, какъ тогда такъ и въ послѣдствiи, были побуждаемы болѣе благородною причиною—желанiемъ спасти государство отъ переворота, коего нельзя было предвидѣть послѣдствiй, еслибъ они не собрались для того, чтобы дать хоть тѣнь законности Консульской комиссiи.

«Какъ бы то ни было, а вы знаете до какого состоянiя разстройства, презрѣнiя и нищеты дошла Францiя; она искала сильной руки, могущей исторгнуть ее изъ бездны; и ничья другая рука, кромѣ Наполеоновой, покрытой лаврами, не могла поднять ее въ паденiи.

«Я пробылъ въ залѣ до конца засѣданія, которое было закрыто не прежде полуночи; тогда я воротился въ домъ, нанятый мною по желанію Бонапарте и вы можете себѣ представить что не было и рѣчи объ ужинѣ, мною приготовленномъ. Пріѣхало однакожъ человѣкъ въ семь или десять, въ числѣ коихъ находились Г. Талейранъ, Семонвиль, Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели и Арно. Прочіе гости, утомясь, поспѣшили воротиться въ Парижъ, въ нетерпѣливомъ ожиданіи завтрашняго дня.

День сей наступилъ спокойнѣе, чѣмъ надѣялись. Побѣжденная сторона, не смѣя собраться, осталась тихою и боязливою въ своемъ убѣжищѣ; вы даже я думаю видѣли нѣкоторыхъ изъ этихъ членовъ, пріѣзжавшихъ поздравлять Наполеона со званіемъ Консула. — Да, и я даже помню, что самый значительный изъ явившихся прежде и тотъ, коего возвращенію Бонапарте наиболѣе обрадовался, былъ Ожеро; такъ какъ онъ наиболѣе жалѣлъ о томъ что не могъ счесть Бернадота между своими.—Я никогда не постигалъ какъ, имѣя власть выбрать себѣ товарищей, Бонапарте присоединилъ къ себѣ Сіеса и Рожера Дюко; ибо они не пользовались ни общимъ уваженіемъ, ни расположеніемъ. Рожеръ Дюко безъ способностей, безъ величія, безъ извѣстности; Сіесъ былъ извѣстенъ только своими утайками и своимъ участіемъ въ пагубныхъ

дѣйствiяхъ ужаса. — Бонапарте на другой же день со мною на счетъ этого объяснился,» замѣтилъ я Г-ну Колло. «Еслибъ я могъ предвидѣть—сказалъ онъ мнѣ—Сен-Клудское сопротивленiе, то я бы конечно не принялъ такихъ людей въ мой трiумвиратъ; но какъ они принадлежали къ Директорiи, то я думалъ что это предупредитъ потрясенiе и сдѣлаетъ переходъ болѣе легкимъ; я ошибся, но будь спокоенъ, я не долго продержу ихъ.» — «Дѣйствительно,» продолжалъ Г. Колло, «могъ ли онъ оставить при себѣ два безцвѣтныя лица, которыя не только не дѣлали его виднѣе, но отражали на него нѣчто мрачное, облекавшее его блѣдностью. Впрочемъ Сiесъ ни минуты не ошибался на счетъ того что его ожидало; онъ откровенно сказалъ выходя отъ Перваго Консула: «Право мнѣ кажется, что этотъ человѣкъ для себя работаетъ;» а выходя отъ Втораго, онъ воскликнулъ. «Мы взяли себѣ повелителя.» Черезъ два мѣсяца послѣ того, повелитель отставилъ ихъ, давъ имъ немного золота, забрызганнаго грязью.

«Полагаете ли вы,» спросилъ еще у меня Г. Колло, «что между Первымъ Консуломъ и Фуше долго будетъ царствовать согласiе.—Не знаю, но боюсь этого; ибо Фуше имѣетъ надъ нимъ влiянiе, для меня непонятное и притомъ, надобно сказать что онъ оказываетъ ему большiя услуги; а сверхъ того съ точностью доноситъ

ему все то, что объ немъ говорятъ.—А мож
быть и то, чего не говорятъ. Мнѣ кажется
Фуше отчасти виновникъ холодности, оказыв
мой мнѣ нынче Наполеономъ. Вы помните к
онъ испугался, нашедъ по возвращеніи свое
изъ Египта, все еще главою Полиціи Фу
столь тогда страшнаго; онъ представлялъ с
его не иначе какъ окруженнаго ужасомъ. Н
торые изъ друзей Наполеона, удивленные т
что послѣ этого онъ его избралъ, и въ то
время пораженные неблагопріятнымъ впечат
ніемъ, которое такой выборъ могъ про
весть въ Парижѣ, начали говорить съ нимъ о
этомъ; я былъ въ этомъ числѣ и по равно
шію, съ которымъ онъ меня выслушалъ
давъ мнѣ никакого отвѣта, я увидѣлъ что о
уже попалъ къ лисѣ въ сѣти. Вы знаете
я во все не нуждаюсь въ Наполеонѣ; но по
столь долгой, столь короткой связи, какова б
ла наша,—не скрою отъ васъ что меня огор
етъ его холодность и конечно мнѣ бы не с
довало ожидать оной.»

Таково, если и не слово въ слово, вѣрное с
держаніе длиннаго разговора, который я имѣ
въ Миланѣ съ Г. Колло однажды, когда м
удалось улучить нѣсколько свободныхъ часо
никогда еще оные не были столь пріятнымъ о
разомъ употреблены и смѣю надѣяться, что
этомъ, читатель будетъ одного со мною мнѣн

ГЛАВА X.

Письмо Луціана къ Іосифу Бонапарте.—Молебенъ и фонды.—Страхъ Луціана въ Парижѣ.—Проэктъ праздника.—Расчеты.—Госпожа Мюратъ.—Госпожа Грассини. — Возвращеніе Перваго Консула.—Приключенія въ дорогѣ.—Опрокинутая карета.—Трудность составить себѣ великое имя.—Дезе и Клеберъ. — Описаніе Египетскаго Дворца.—Клеберъ.—Истина о Бонапарте и Клеберѣ.—Прибытіе курьера.—Торопливость Наполеона. — Ночная сцена. — Сильное огорченіе.

Между тѣмъ какъ побѣда утверждала въ Италіи жребій Перваго Консула, братья его менѣе занимались дѣлами Франціи, чѣмъ своими собственными; они столько же любили деньги, сколько Бонапарте любилъ славу. Изъ помѣщеннаго ниже письма Луціана къ Іосифу, видно

какъ они всегда были готовы извлекать себ
выгоды изъ славы и счастія того, черезъ кот
сами они были все. Я нашелъ въ моихъ бу
магахъ это письмо Луціана, право и самъ не
зная какимъ образомъ и за чѣмъ я его сохра
нилъ. Оно кажется мнѣ занимательнымъ, по
казывая какую мысль эта семья будущихъ Ко
ролей имѣла о своемъ положеніи и каковъ бы
бы ея жребій, еслибъ Бонапарте палъ какъ Де
на полѣ Маренгской битвы. Притомъ же до
вольно любопытно видѣть что такой философ
какъ Луціанъ заставлялъ служить молебенъ да
того, что возвысить курсъ фондовъ.

Какъ бы то ни было, а вотъ письмо въ том
самомъ видѣ, какъ оно было написано Луці
номъ; я сохранилъ въ немъ подчеркнутыя им
слова и даже его знаки восклицанія.

24 Іюня.

«Посылаю къ тебѣ курьера. Мнѣ бы очен
«желательно чтобы Первый Консулъ за сут
«извѣстилъ меня о своемъ прибытіи и одно
«*меня* увѣдомилъ бы о заставѣ, чрезъ кото
«рую онъ въѣдетъ. Городъ хочетъ приготовит
«ему торжественныя ворота и онъ доволь
«оказалъ услугъ для того чтобы отъ этого п
«уклоняться.

«*По моему приглашенію* третьяго дня служ
«ли *молебенъ*, на которомъ присутсвовало шесть
«десятъ тысячъ человѣкъ! ! !

«Отёльскiя козни продолжаются. Очень колебались между К. . . . и Ф. . . . Этотъ послѣдний предлагалъ выдать за меня дочь свою . . . . «пропски были доведены до высшей степени. «Не знаю еще, возметъ ли великiй жрецъ сторону того или другаго. Я думаю что онъ ихъ «обоихъ проводитъ для Орлеанскаго, а Отёльский твой прiятель душа всего. Вѣсть о Маренго ихъ смутила и однакожъ на другой день «великiй жрецъ провелъ покрайней мѣрѣ три «часа съ твоимъ прiятелемъ. . . . Что касается «до насъ, то мы бы всѣ были сосланы, еслибъ «Первый Консулъ палъ при Маренго.

«Письма твои не говорятъ мнѣ ничего о «томъ, что я ожидалъ найти въ нихъ . . . . «Надѣюсь покрайней мѣрѣ что прежде всѣхъ «буду извѣщенъ объ отвѣтѣ изъ Вѣны. Мнѣ «очень жаль, что ты не могъ прислать мнѣ «моего Нѣмца къ Маренгскому сраженiю.

«Праздникъ 14 числа будетъ прекрасенъ; «здѣсь все покойно. Ждутъ мира какъ вѣрной «вещи а Перваго Консула какъ побѣдоносца. «Всѣ наши родные здоровы. Жена твоя со «всѣмъ своимъ семействомъ находится въ Морфонтенѣ. . . Рей прiѣхалъ въ Парижъ; онъ въ «Морфонтенѣ. Отъ всей души тебя обнимаю. . . . «За чѣмъ ты возвращаешься съ Первымъ Консуломъ? А миръ! . . . . А Италiя! ! . . Помни «наше послѣднее свиданiе. . . . Обнимаю тебя.»

На полѣ приписано:

«Прочти письмо къ Консулу и вручи ему «ему, *тщательно запечатавъ.*»

«Доставь прилагаемыя при семъ письма. Г. «Мюратъ никогда у меня не жила. Мужъ «съумасшедшій, котораго жена его должна «наказать, цѣлый мѣсяцъ не писавъ къ нему.

«*ЛУЦІАНЪ БОНАПАРТЕ.*»

Первый Консулъ, побѣдивъ при Маренго утвердясь въ своей власти чрезъ этотъ велик успѣхъ, остался еще на нѣсколько дней въ М ланѣ для того чтобы устроить дѣла Ита Онъ приказалъ мнѣ выдать Г-жѣ Грассини, негъ на проѣздъ въ Парижъ (*). Мы отпра лись при кликахъ жителей по Туринской д рогѣ. Проѣздомъ чрезъ Туринъ, Первый Ко сулъ останавливался въ немъ на нѣсколько ч совъ, употребивъ ихъ бо́льшею частью осмотръ цитадели, которая была намъ возв щена въ слѣдствіе Александрійской капитуляц

Проѣзжая чрезъ гору Сенисъ, мы встрѣти близъ Новалезы карету Госпожи Келлерман Первый Консулъ, узнавъ Г-жу Келлерманъ, ѣх шую на встрѣчу къ своему мужу, останови ея карету и поздравилъ ее съ отличіемъ, о занным мужемъ ея при Маренго.

(*) Говорятъ будто бы въ 1814 году Герцогъ Веллингтонъ иска расположенія Г-жи Грассини. Это безъ сомнѣнія для то чтобы хоть въ чемъ нибудь походить на Генерала Бонапар

Я не много буду говорить о радости и удивленіи, изъявленныхъ Наполеону вездѣ на его проѣздѣ; это происходило тогда при всѣхъ его путешествіяхъ и обнаруживаемыя чувства были искренни. Прибывъ въ Ліонъ, мы остановились въ Целестинскомъ отелѣ. Въ день нашего пріѣзда клики были такъ сильны, народу собралось такое множество, что Бонапарте принужденнымъ нашелся показаться на балконѣ. На другой день онъ отправился на Белькурскую площадь и, при шумѣ рукоплесканій Ліонцевъ, положилъ первый камень новыхъ зданій, долженствовавшихъ загладить одно изъ бѣдствій Революціи.

Предъ выѣздомъ на эту церемонію, онъ продиктовалъ мнѣ слѣдующее письмо къ Консуламъ:

«Прибывъ въ Ліонъ, Граждане Консулы, я остановился здѣсь для закладки на Белькурской площади зданій, которыя вновь будутъ возвигнуты. Одно только это обстоятельство могло замедлить возвращеніе мое въ Парижъ; но я не могъ противостать честолюбію ускорить постройку зданій на этой площади, которую я видѣлъ столь прекрасною и которая теперь такъ отвратительна. Мнѣ обѣщаютъ черезъ два года совершенно кончить эту постройку.

«Надѣюсь, что еще прежде этой эпохи, тор-

«говля сего города, коею гордилась вся Евро
«по прежнему процвѣтетъ.

«Кланяюсь вамъ

«*БОНАПАРТЕ*.»

Мы отправились изъ Ліона вечеромъ и п
должали путь нашъ чрезъ Дижонъ. По при
нашемъ въ этотъ городъ, радость жителей д
ствительно дошла почти до изступленія. Я
ко видалъ такіе благосклонные, очаровате
ные взгляды, какіе бросали на насъ собрав
ся во множествѣ молодыя женщины, зам
тельныя своею красотою и щеголеватымъ н
домъ, убранныя цвѣтами и которыя, сопр
вождая карету Наполеона, напоминали въ
эпоху, когда Революція вырыла всѣ Респу
канскія воспоминанія Греціи и Рима, тѣ вр
мена, когда хоры пляшущихъ женщинъ оп
жали побѣдителей на Олимпійскихъ играхъ.

Не все однакоже намъ въ дорогѣ благопр
ствовало; нѣкоторыя бѣды насъ ожидали.
рета Перваго Консула опрокинулась мж
Вильнёвомъ-ле-Руа и Сапомъ; онъ послалъ
моей матери курьера, сказать, что онъ
будетъ у ней пока карету починятъ. Онъ
нея отобѣдалъ и мы отправились въ семь
совъ вечера. Это ошибкою было напечата
будто бы онъ приставалъ у Г-жи Бурісе
она тогда жила въ Тюліери.

Мы этимъ еще не раздѣлались съ бѣд

переднее правое колесо нашей кареты соскочило съ оси и какъ мы ѣхали очень скоро, то ось зацѣпилась за перилы и мы опрокинулись на длинномъ мосту, существовавшемъ тогда предъ въѣздомъ въ Монтро-Фо-Іонну. Первый Консулъ, по правую руку коего я сидѣлъ, упалъ на меня и нисколько не ушибся. Я зашибъ себѣ немного голову о вещи, находившіяся въ сѣткѣ; но для этого не стоило останавливаться, и мы пріѣхали въ Парижъ въ туже ночь со 2 на 3 Іюля. Дюроку, который также находился въ каретѣ и по очереди сидѣлъ впереди,—ничего не приключилось.

Выше сказано, что Бонапарте много разговаривалъ въ дорогѣ; разговоры его не всегда были одинаково занимательны; но я долженъ привести здѣсь то, что онъ сказалъ мнѣ при проѣздѣ чрезъ Бургонь на возвратномъ пути изъ Маренго въ Парижъ. «И такъ, еще нѣсколько великихъ событій, подобныхъ этой кампаніи, и я достигну до потомства.—Мнѣ кажется,» отвѣчалъ я ему, «вы и то довольно сдѣлали для того, чтобы объ васъ долго и вездѣ говорили.—Да, да! довольно сдѣлалъ! ты очень добръ! правда что я завоевалъ меньше чѣмъ въ два года Каиръ, Парижъ и Миланъ; но милый мой, еслибъ я завтра умеръ, то черезъ десять вѣковъ, я бы не имѣлъ и полустранички во всеобщей Исторіи.» Онъ былъ правъ: въ нѣс-

колько часовъ чтенія, мы пробѣгаемъ мно столѣтія; и цѣлое царствованіе, цѣлая жизнь есть минутное дѣло! одной страницы довольно въ историческомъ перечнѣ для всѣхъ побѣд Александра и Цесаря, для всѣхъ опустошеній Тимура и Чингиса. Намъ извѣстна въ точности только малѣйшая часть минувшихъ временъ; стоитъ ли же опустошать міръ за такую бездѣлку!

Въ тотъ самый день, какъ Дезе палъ на Маренгскомъ полѣ, содѣйствуя весьма колебавшейся побѣдѣ,—Мусульманскій изувѣръ, Солиманъ Галеби поразилъ Клебера кинжаломъ; этимъ ударомъ рѣшилъ освобожденіе Египта. Такимъ образомъ были похищены у отечества въ одинъ день и почти въ одинъ часъ два изъ знаменитѣйшихъ Генераловъ Французской арміи. Менуу заступилъ мѣсто Клебера по старшинству; Первый Консулъ утвердилъ его въ начальствѣ и съ этого дня, погибель Египта сдѣлалась неизбѣжною.

Еслибъ вмѣсто Менуу, Бонапарте—не приказывая Дезе возвратиться въ Европу,—отдалъ сей послѣднему Генералу послѣ Клебера начальство —то конечно можно бы тогда было надѣяться на сохраненіе его завоеванія. Этотъ добрый Дезе! какъ велика потеря такого человѣка! Много говорено о его превосходныхъ качествахъ, о его безкорыстной храбрости; но все еще не

довольно сказано. Можно судить объ этомъ по послѣднему письму, написанному имъ изъ Тулона къ Первому Консулу по возвращеніи его изъ Египта. Я тщательно сохранилъ оное; вотъ оно:

«ГЕНЕРАЛЪ,

«Будучи польщенъ довѣренностью, которую «вы мнѣ изъявили, приказавъ мнѣ прибыть къ «вамъ въ продолженіе прошедшей зимы, я пла«менно желалъ исполнить вашу волю. Генералъ «Клеберъ никакъ не хотѣлъ на то согласиться; «онъ удержалъ меня и противъ воли принудилъ «меня къ заключенію Эль-Аришскаго договора. «Наконецъ, послѣ тысячи препятствій, не безъ «труда преодолѣнныхъ, я отплылъ изъ Алексан«дріи 13 Вантоза на Рагузскомъ суднѣ, въ сопро«вожденіи пакетбота, на которомъ находился «Генералъ Даву. Я нетерпѣливо желалъ пріѣхать. «Противные вѣтры и безвѣтрія приводили ме«ня въ отчаяніе; мнѣ сильно хотѣлось поспѣть «во время для того чтобы присутствовать при «началѣ блистательной кампаніи, которая конеч«но теперъ открывается подъ вашимъ руковод«ствомъ. Наконецъ, послѣ тридцати дней бури, «страданій, остановки въ Коронѣ, гдѣ съ нами «хорошо обошлись Турки и въ Сициліи въ Сіа«кѣ, гдѣ жители по своимъ обычаямъ хотѣли «было насъ убить, — я прибылъ на видъ Гіер«скихъ острововъ. Уже мы радовались тому, что «увидимъ Францію, уже дѣлали тысячу дура-

«чествъ, свидѣтельствовавшихъ о нашемъ восхи-
«щеніи, какъ вдругъ въ густомъ туманѣ, мы
«сошлись съ Англійскимъ кораблемъ, который
«отвелъ насъ въ Ливорну къ Адмиралу Кейту.

«Совершенно полагаясь на Турецкіе и Англій-
«скіе паспорты, коими мы были снабжены, я
«сильно изъявилъ удивленіе объ этомъ задерж-
«ніи. Вмѣсто того чтобы освободить меня, как
«я надѣялся, Адмиралъ посадилъ меня въ кара-
«тинъ, объявивъ, что онъ ожидаетъ повелѣні
«своего Правительства касательно Эль Аришск
«го договора и что до полученія оныхъ, ем
«нельзя меня выпустить.

«И такъ мы провели тридцать дней въ т
«сномъ лазаретѣ какъ военно-плѣнные, находя
«на одинакомъ содержаніи съ солдатами. Пре
«ставьте себѣ наше безпокойство, нашу досад
«терять дни, которые мы бы могли такъ х
«рошо употребить. Наконецъ мы были выпу-
«щены и Адмиралъ Кейтъ объявилъ намъ что
«его Правительство согласно на исполненіе Эль-
«Аришскаго договора.

«Послѣ пятидневнаго плаванія, я прибыл
«сюда сегодня, будучи осмотрѣнъ Тунисскими
«Варварійцами, которые насъ не задержали. Я
«долженъ 30 дней пробыть въ карантинѣ: н
«хочу спокойствія. Трудиться для увеличен
«славы Республики и вашей, есть мое единст-
«венное желаніе. *Озириссъ* извѣстилъ насъ пр

«отплытiи нашемъ изъ Александрiи о событiяхъ, «сдѣлавшихъ васъ Главою Правительства. Вы можете себѣ представить какъ сильно мы обра«довались. Что касается собственно до меня, то «я былъ въ восторгѣ. Я знаю что вы хотите «поставить Францiю на высшую степень славы, «осчастлививъ всѣхъ. Можно ли сдѣлать лучше «сего? Такъ, Генералъ, я пламенно желаю восвать, «но въ особенности съ Англичанами. Я поклялся «въ вѣчной къ нимъ ненависти. Ихъ наглость «и дурное обхожденiе всегда останутся въ моей «памяти. Какое бы мѣсто вы мнѣ ни дали, я «буду доволенъ. Вы знаете что я не ищу на«чальства, что я его не желаю; я съ такимъ же «удовольствiемъ буду волонтеромъ какъ и Гене«раломъ. Признаюсь только, что я бы не же«лалъ вступить въ армiю, неспособную къ «дѣйствiю; но впрочемъ я буду доволенъ всѣмъ, «что вамъ заблагоразсудится сдѣлать. Желаю «тотчасъ узнать мое назначенiе, дабы немедлен«но приготовить все, что мнѣ понадобится, и не «теряя ни минуты отправиться въ походъ. День, «не употребленный съ пользою, есть день поте«рянный.

«Почтительно вамъ кланяюсь.

«*ДЕЗЕ.*»

Возвращаюсь къ Клеберу и скажу нѣсколько словъ о его плачевной смерти. Домъ Ельфи-

Бея, въ которомъ жилъ Бонапарте во время пребыванія своего въ Каирѣ и который по отъѣздѣ его занялъ Клеберъ, имѣлъ террасу, ведущую изъ залы къ старому, развалившемуся водопроводу, откуда слѣдовало спускаться нѣсколько ступеней для того чтобы сойти въ садъ. Эта терасса во всю длину возвышалась надъ большою площадью Эль-Беге, находящеюся на правой сторонѣ при выходѣ изъ залы; садъ же былъ на лѣвой рукѣ. Близость и пріятность этого сада, сдѣлали его любимымъ мѣстомъ прогулки Главнокомандующаго, который со всѣми тамъ разговаривалъ, особенно по вечерамъ. Эта терасса была очень отъ него близко и почти въ самомъ его жилищѣ. Я часто совѣтовалъ ему приказать засыпать водопроводъ и сравнять его съ терассою; я даже показывалъ, спрятавшись въ немъ и потомъ прошедъ позади его, какъ легко было покуситься на его жизнь и потомъ бѣжать, соскочивъ на площадь или въ садъ. Онъ говорилъ мнѣ, что я боюсь смерти, что я трусъ и не рѣшился сдѣлать этой поправки, которую онъ однакоже считалъ приличною. Убійца Клебера избралъ самый тотъ простой способъ, котораго я всегда страшился для Наполеона.

Не стану опровергать здѣсь всѣхъ мерзостей, которыя обнародовали по случаю смерти Клебера. Когда я принесъ неожиданное объ оной

извѣстiе Первому Консулу, то онъ едва могъ тому повѣрить; онъ сильно былъ огорченъ и читая подробности убiйства, тотчасъ вспомнилъ, сколько разъ онъ былъ въ томъ же самомъ положенiи, въ которомъ находился Клеберъ когда онъ былъ пораженъ и все то что я ему говорилъ объ опасности этого водопровода, отъ которой онъ непостижимымъ образомъ избѣгнулъ, особенно послѣ похода его въ Сирiю, столько раздражившаго умы. Извѣстность, которую имѣлъ Бонапарте о талантахъ и способностяхъ Клебера, ввѣренное ему начальство надъ армiею и пособiя, которыя онъ всѣми средствами старался доставлять ему, отвергаютъ, не только ужасное подозрѣнiе о малѣйшемъ участiи въ этомъ злодѣянiи, но даже и мысль что онъ съ удовольствiемъ видѣлъ смерть Клебера или что желалъ оной.

Конечно между Бонапарте и Клеберомъ существовала непрiязнь, столь же сильная какова была дружба, соединявшая Дезе съ Наполеономъ. Слава Клебера ему надоѣдала; онъ имѣлъ слабость тревожиться ею и питать къ ней небольшую зависть. Ему извѣстно было какъ Клеберъ объ немъ отзывался; правда что Клеберъ не соблюдалъ ни малѣйшей осторожности. Въ продолженiе кровавыхъ дней Акрской осады, онъ говаривалъ мнѣ: *Твой маленькой плутъ Бонапарте, который не выше моего*

сапога, поработитъ Францію. Смотри въ какой проклятый походъ онъ завлекъ насъ. Не знаю навѣрное, дошли ли до Бонапарте эти рѣчи, которыя Клеберъ часто говорилъ между другимъ; но есть причины полагать, что тѣ, которые добывали себѣ чины доносами, не пропускали пересказывать ему все о Клеберѣ.

Клеберъ, искренній Республиканецъ, угадывалъ тайные виды и великое честолюбіе Наполеона и страшился ихъ для своего отечества. Клеберъ безпрестанно твердилъ это въ продолженіе всей ки убійственной Акрской осады; бранчивый по характеру, онъ никогда не оказывалъ по случаю бѣ неповиновенія. Онъ ворчалъ, шумѣлъ, гнѣвнился, но неустрашимо шелъ въ огонь; это было олицетворенная храбрость. Однажды, когда онъ находился въ траншеѣ подъ Сен-Жанъ д'Акромъ стоя и подверженный по своему высокому росту всѣмъ выстрѣламъ, Бонапарте закричалъ ему: *Да наклонись же Клеберъ.— Чортъ побери*, возразилъ онъ, *ваша траншея не вышелъ какъ по колѣно.* Онъ никогда благопріятно не смотрѣлъ на Египетскій походъ, считая оный дорого стоющимъ и не приносящимъ пользы Франціи. Онъ былъ увѣренъ, что безъ флота и безъ сильнаго Правительства (а мы не имѣли ни того, ни другаго), лучше было дѣйствовать въ Европѣ, чѣмъ расточать кровь и сокровища Франціи на берегахъ Нила и предъ лачужками

Сирiи. Холодный, задумчивый и степенный, Клеберъ судилъ о Наполеонѣ безъ восторга,—вещь рѣдкая въ то время; онъ не извинялъ ему никакой ошибки.

Далеко отъ этого истиннаго изображенiя Клебера, до нелѣпой рѣчи, которую Бонапарте влагаетъ въ уста Клеберу, будто бы сказавшему ему: *Генералъ! вы велики какъ мiръ!*—Эти выраженiя совершенно противоположны образу мыслей Клебера; онъ былъ слишкомъ правдолюбивъ для того, чтобы сказать что нибудь противъ своего убѣжденiя. Бонапарте, продолжая питать желанiе удержать Египетъ, чѣмъ однимъ только оправдывалось завоеванiе онаго, давалъ Клеберу волю *говорить*, потому что Клеберъ *дѣйствовалъ*. Бонапарте зналъ, что долгъ службы и военныя добродѣтели всегда пересилятъ въ немъ его предубѣжденiя и противорѣчiе его видамъ и замысламъ; такимъ образомъ смерть этого Генерала, не только ни мало его не обрадовала, но тѣмъ сильнѣе его огорчила, что она почти совершенно разрушила надежду сохранить для Францiи завоеванiе, которое столь дорого ей стоило и было его дѣломъ.

Хотѣли было найти причины вражды Клебера въ томъ, что онъ будто бы разсердился за неоткрытiе ему тайны объ отъѣздѣ Бонапарте изъ Египта и въ рѣчи, напомнившей ему

объ исполненіи его долга, отъ котораго он слишкомъ часто уклонялся. Эта рѣчь выдум на; я описалъ настоящія причины ихъ несог сія, мнѣніе Клебера и чувства его къ Бон парте.

Желаніе не раздѣлять двухъ происшестві случившихся въ одинъ день въ Каирѣ и п Маренго, побудило меня вмѣстѣ съ описаніем смерти Дезе упомянуть о Клеберѣ; а потом скажу объ немъ еще нѣсколько словъ. Вѣс о смерти Клебера пришла къ намъ черезъ н сколько времени по возвращеніи нашемъ в Парижъ. Давно уже не имѣвъ извѣстій о Е птѣ, Бонапарте ждалъ ихъ тогда съ живѣйшим нетерпѣніемъ и прибытіе наконецъ курьера п оными, но съ такими плачевными, подало п водъ къ ночной сценѣ, которую кстати зде привести.

Когда курьеръ пріѣхалъ въ Тюліери, то б ло уже два часа ночи. Въ поспѣшности свое Первый Консулъ даже не разсудилъ кого н будь разбудить для того, чтобы меня кликну За нѣсколько дней предъ тѣмъ я сказалъ е что въ случаѣ нужды, онъ долженъ послать м мною въ коридоръ, лѣстницею выше моей вс дашней квартиры, куда я перешелъ потом что жена моя была въ родахъ. Онъ самъ в шелъ на верхъ и какъ тамъ было двѣ двер

то онъ позвонилъ два раза у дверей моего Секретаря, который спалъ въ одной изъ трехъ комнатъ, составлявшихъ небольшую мою квартиру. Секретарь мой всталъ и отворилъ дверь. Онъ увидѣлъ Перваго Консула со свѣчею въ рукѣ, въ сѣромъ плащѣ и съ повязаннымъ на головѣ платкомъ: не зная о ведущей въ эту комнату ступенькѣ, онъ оступился и чуть было не упалъ. «Гдѣ Буріеннъ?» спросилъ онъ.— Можно себѣ представить удивленіе моего Секретаря при появленіи Перваго Консула. — «Какъ, Генералъ, это вы? — Гдѣ Буріеннъ?» —Тогда Секретарь мой, въ рубашкѣ, указалъ Первому Консулу мою дверь. Сказавъ моему Секретарю, что жалѣетъ о томъ, что его потревожилъ, онъ отправился ко мнѣ. Я наскоро одѣлся и мы сошли внизъ въ мои всегдашніе покои. Мы нѣсколько разъ звонили, пока намъ отперли; находившаяся при женѣ моей женщина не спала, но слыша ходьбу взадъ и впередъ, она вообразила себѣ, что это воры. Наконецъ она отперла двери и Первый Консулъ бросилъ ко мнѣ на столъ толстый пакетъ съ депешами, имъ полученный; онѣ были истыканы и обмочены въ уксусѣ. При чтеніи извѣстія о смерти Клебера, я увидѣлъ изобразившееся на лицѣ его сильное безпокойство; на немъ можно было прочитать: *Египетъ потерянъ!* Даже самый фанатизмъ, вооруживший

руку убійцы, заставлялъ его страшиться поражателей; ибо это былъ еще первый примѣръ убійства послѣ Каирскаго бунта.

Только однажды, въ этотъ разъ, Первый Консулъ пришелъ ко мнѣ ночью.

ГЛАВА XI.

Попытки къ переговорамъ. — Любопытное письмо одного эмигранта.—Двадцать пять луйдоровъ, данные въ долгъ отцу Наполеона.—Уплата долга вдесятеро и исключеніе изъ списка эмигрантовъ.—Домашнія подробности.—Колокольчикъ въ кабинетѣ.—Канцелярскій писецъ.—Заговоръ Церакки и Арены.—Настоящее значеніе нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ на Островѣ Св. Елены.—Шёнбрунскій фанатикъ.—Другой таинственный изувѣръ.—Поощренный заговоръ.—Гаррель. —Доносъ и награда.—Утайка отъ Фуше.—Необходимость ему открыться.—Совѣтъ Консуловъ.—Бонапарте въ Оперѣ съ Дюрокомъ и со мною.—Взятіе подъ стражу многихъ людей и возвращеніе домой. — Гаррель, Венсенскій Комендантъ.—Молочная сестра Герцога Ангенскаго.—Замѣчаніе.

Счастливый успѣхъ Италіянскаго похода былъ увѣнчанъ перемиріемъ, заключеннымъ 5 Іюля. Ниже увидятъ, что оно было прервано 1 Сентября, и опять возобновлено послѣ выигрыша

Гогенлинденской битвы.—Бонапарте, по возвращеніи его изъ Маренго, былъ принятъ съ большимъ восторгомъ чѣмъ когда либо; изумлялись быстротѣ, съ которою онъ въ походъ, менѣе чѣмъ двумѣсячный, опять призвалъ фортуну подъ знамена Франціи. Онъ съ величайшею дѣятельностью занимался тогда тѣмъ, чтобы завести переговоры между Англіею и Австріею, но повсюду встрѣчалъ большія препятствія. Онъ нѣсколько разъ бывалъ въ Театрѣ, куда присутствіе его привлекало многочисленную толпу людей, жаждущихъ его видѣть и рукоплескать ему.

Можно себѣ вообразить, какое множество писемъ со всѣхъ сторонъ, писали къ Первому Консулу: это были просьбы о мѣстахъ, увѣренія въ преданности и наконецъ тѣ просительныя поздравленія, которыя пишутъ ко всякому, пріобрѣтшему власть. Однакожъ, между этими письмами были иногда замѣчательныя; я сохранилъ нѣсколько изъ нихъ и между прочимъ одно отъ нѣкотораго эмигранта, удалившагося въ Жерсей. Это письмо, содержащее въ себѣ подробности о Наполеоновомъ семействѣ, показалось мнѣ занимательнымъ. Впрочемъ читатель самъ разсудитъ; вотъ оно:

Жерсей, 12 Іюля 1800 года.

«Полагаю, Генералъ, что по возвращеніи изъ «вашихъ великихъ поѣздокъ, можно безъ на-

«скромности прервать ваши ежедневныя занятія «и напомнить вамъ о себѣ, въ надеждѣ что вы «не совсѣмъ меня забыли проживъ лѣтъ девят«надцать въ Аяччіо. Но можетъ быть вы уди«витесь что такой ничтожный предметъ состав«ляетъ содержаніе письма, которое я имѣю честь «писать къ вамъ. Вы конечно вспомните, Гене«ралъ, что когда покойный вашъ батюшка от«правлялся для взятія вашихъ братцевъ изъ «Отёнской Школы, откуда онъ ѣздилъ въ Бріеннъ «для свиданія съ вами,—то у него не случилось «наличныхъ денегъ; онъ попросилъ у меня двад«цать пять луйдоровъ, которые я съ удоволь«ствіемъ ему одолжилъ. По возвращеніи своемъ, «онъ не имѣлъ случая отдать мнѣ ихъ, и когда «я отправлялся изъ Аяччіо, то матушка ваша «предложила мнѣ продать нѣсколько серебра для «того чтобы расплатиться со мною. Я отвергъ «это предложеніе и сказалъ ей, что оставлю «росписку вашего батюшки у Г. Супре, которо«му она заплатитъ, когда ей заблагоразсудится. «Полагаю что ей не удалось исполнить свое «желаніе, какъ вдругъ вспыхнула Революція.

«Вамъ странно покажется, Генералъ, что для «такой бездѣлки я тревожу васъ въ вашихъ за«нятіяхъ; но мое положеніе столь тяжко, что и «эта бездѣлка для меня важна. Я изгнанъ изъ «моего отечества, и принужденъ жить на этомъ

«островѣ, на коемъ пребываніе мнѣ ненавистно
«и гдѣ такъ все дорого, что вы окажете мнѣ
«большое пособіе доставивъ ко мнѣ эту небо
«шую сумму, которая прежде ничего для мен
«не значила.

«Согласитесь Генералъ, что въ восемдесят
«шесть лѣтъ, прослуживъ около шестидесят
«лѣтъ безпрерывно отечеству, не считая вре
«ни эмиграціи, тяжко быть отвсюду изгнанны
«и принужденнымъ искать здѣсь убѣжища п
«слабыхъ способахъ, даваемыхъ Англійскимъ Пр
«вительствомъ эмигрантамъ: я говорю эмигр
«тамъ потому что меня принудили такимъ сл
«латься, тогда какъ я во все о томъ не думал
«но я сдѣлалъ большое преступленіе против
«шайки разбойниковъ, пришедшихъ ко мнѣ в
«домъ въ Канѣ, съ тѣмъ чтобы убить меня
«то что я былъ старшій Генералъ въ тер
«округѣ и имѣлъ большой крестъ Св. Лудови
«этого ужъ было для нихъ слишкомъ много.
«жилъ спокойно и удалясь отъ всѣхъ мірски
«дѣлъ. Еслибъ не крикъ моихъ сосѣдовъ, то м
«ня бы убили вломясь ко мнѣ въ двери и
«едва успѣлъ спастись въ заднюю дверь не
«хвативъ съ собою ничего кромѣ того, что б
«ло на мнѣ. Я было отправился въ Парижъ,
«мнѣ тамъ объявили, что мнѣ больше нечего д
«лать, какъ ѣхать за границу,—такъ озлобил

на меня мои сограждане, хоть я никогда ни съ кѣмъ не имѣлъ распрей живя въ моемъ уединеніи. И такъ я оставилъ, Генералъ, все свое имущество, движимое и недвижимое во власти того, что называли націею; она вполнѣ тѣмъ воспользовалась, ибо у меня ужъ ничего не остается въ мірѣ, ни даже мѣста, гдѣ ступить ногою. Я слышалъ, что есть эмигранты, у которыхъ осталось по крайней мѣрѣ убѣжище. Еслибъ былъ цѣлъ домъ мой, то я бы просилъ у васъ Генералъ о томъ, что отъ васъ зависитъ и что было дано нѣкоторымъ эмигрантамъ, а именно о дозволеніи возвратиться; но я не прошу этой милости; ибо не имѣю пріюта и притомъ я живу здѣсь съ изгнаннымъ братомъ, который старѣе меня, очень хворъ и котораго я ни за что не оставлю. Я рѣшился покориться моему несчастному жребію; меня огорчаетъ единственно то, что гоненіе, мнѣ оказанное, имѣло вліяніе на моихъ родственниковъ, которыхъ я люблю и уважаю. У меня есть осмидесятилѣтняя мачиха, которой отказали въ пансіонѣ, назначенномъ ей мною съ моего помѣстья и у меня самого отняли весь умѣренный доходъ мой, такъ что мнѣ придется умереть несостоятельнымъ, если дѣла не перемѣнятся; что приводитъ меня въ отчаяніе.

«Признаюсь Генералъ, что мнѣ мало знакомъ «новый слогъ; но по старому

«Я имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою

«*ДЮРОЗЕЛЬ БОМАНУАРЪ*»

Я сохранилъ этому письму всѣ его неправильности; извѣстно что прежніе дворяне не слишкомъ заботились о граматическихъ неисправностяхъ. Распечатавъ оное, я далъ его прочитать Первому Консулу, который сказалъ мнѣ: «Буріеннъ, это священно; не теряй ни минуты; этотъ добрый старикъ! пошли ему десятерную сумму. Напиши къ Генералу Дюрозелю, что я буду о немъ заботиться. Я хочу чтобы онъ немедленно былъ выключенъ изъ списка эмигрантовъ. Сколько зла надѣлали эти разбойники Конвента! Я вижу, что мнѣ никогда не удастся всего исправить!» Говоря мнѣ это Бонапарте такъ былъ встревоженъ, какимъ его очень рѣдко видалъ. Вечеромъ онъ спросилъ у меня, исполнилъ ли я его волю, что было мною сдѣлано не теряя ни минуты; смерть Г. Фротте дала мнѣ слишкомъ жестокій урокъ для того, чтобы я имъ не воспользовался.

Читатели конечно уже замѣтили, что я всегда забочусь объ искусной постепенности переходовъ отъ одного предмета къ другому; потому они не удивятся, что я воспользуюсь

здѣсь присвоеннымъ мною себѣ правомъ заставлять ихъ вниманіе согласоваться съ прихотями моихъ воспоминаній. И потому я безъ дальнихъ оговорокъ перейду отъ письма эмигранта къ мелочнымъ подробностямъ, которыя дѣйствительно можно назвать *домашними*; а потомъ къ заговору, покровительствуемому тѣмъ самымъ, противъ кого оный составлялся.

Въ то время, какъ Первый Консулъ жилъ въ Тюлiери, что всегда бывало зимою и часто лѣтомъ, онъ выходилъ изъ кабинета въ большую залу принимать посѣтителей и людей, имъ приглашаемыхъ. Когда ему что либо было нужно или когда онъ хотѣлъ съ кѣмъ нибудь переговорить, то онъ звонилъ въ колокольчикъ, проведенный къ канцелярскому писцу. Это былъ смышленый, вѣрный чиновникъ, по имени Ландуаръ. Тогда Ландуаръ переходилъ чрезъ кабинетъ за приказанiемъ къ Первому Консулу. Обыкновенно онъ требовалъ меня за какою нибудь бумагою, числомъ, именемъ или за какимъ либо другимъ свѣдѣнiемъ. Вѣроятно, наскучивъ неизбѣжнымъ замедленiемъ, происходившимъ отъ этой безпрестанной ходьбы взадъ и впередъ, Бонапарте вздумалъ однажды, не сказавъ мнѣ ни слова, приказать повѣсить въ его кабинетѣ надъ самымъ моимъ столомъ колокольчикъ, отъ коего шнуръ былъ бы проведенъ въ прiемную залу. На другой день утромъ,

вошедъ въ кабинетъ, я увидѣлъ на мѣстѣ моего стола лѣстницу, на которой находился мастеровой.—«Что ты тутъ дѣлаешь?—Прикрѣплялъ колокольчикъ, сударь.—Я позвалъ писца: «Лавдуаръ, кто это приказалъ?—Первый Консулъ.—Сойди,» сказалъ я мастеровому, «или я отдеру лѣстницу.» Онъ сошелъ и унесъ ее съ собою. Вскорѣ послѣ того я по обыкновенію пошелъ будить Перваго Консула и читать ему журналы. «Генералъ,» сказалъ я ему, пожелавъ ему добраго утра, «я нашелъ сегодня въ вашемъ кабинетѣ мастероваго, проводящаго колокольчикъ; мнѣ объявлено, что вы это приказали; увѣренный что тутъ есть какое нибудь недоразумѣніе, и что этотъ приказъ не такъ поняли, я выслалъ мастероваго. Вѣдь конечно не для вас придѣлывали колокольчикъ; я не полагаю, чтобы для меня; такъ для кого же? — Какой этотъ писецъ глупъ! Вчера я былъ съ Камбасересомъ; ты мнѣ понадобился; онъ не пришелъ на звонъ мой; заключивъ, что колокольчикъ испортился, я приказалъ его *исправить и какъ шнуръ проходитъ чрезъ мой кабинетъ, то конечно тамъ понадобилось что нибудь придѣлать. Вотъ и все.* Я удовольствовался этимъ объясненіемъ, но не повѣрилъ ему. Онъ уже болѣе не настаивалъ въ этой попыткѣ и для вида побранилъ писца, который однакоже точно получилъ приказаніе. Но,—спросилъ я самъ

себя,—какъ онъ могъ думать чтобы, находясь съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ семилѣтняго возраста, облеченный его полною довѣренностью и живя съ нимъ, смѣю сказать на короткой ногѣ,—я позволилъ поступать съ собою такимъ образомъ?

Прежде чѣмъ говорить о заговорѣ Церакки, Арены, Топино-ле-Брёна и другихъ, необходимо оцѣнить по надлежащему нѣкоторыя слова, произнесенныя на островѣ Св. Элены. Наполеонъ сказалъ: или написали, будтобы онъ сказалъ: «Покушенія, наиболѣе подвергавшія меня опасности, были Скульптора Церакки и Шёнбрунскаго фанатика. Я не былъ въ Шёнбруннѣ но вѣрно что Наполеонъ подвергался тамъ великой опасности. Я тогда самымъ достовѣрнымъ образомъ узналъ что Штапсъ, отправясь изъ Ерфурта съ рѣшимостью умертвить Императора, не имѣлъ только надлежащаго мужества для того чтобы исполнить свой замыселъ. Дѣйствительно Штапсъ, вооруженный большимъ ножемъ, два раза подходилъ къ Наполеону довольно близко для того чтобы поразить его: Раппъ меня въ этомъ увѣрялъ; онъ схватилъ его и ощупалъ у него подъ платьемъ ручку кинжала. И такъ дѣйствительно на этотъ разъ Бонапарте былъ обязанъ жизнью только недостатку мужества молодаго восторженника, который хотѣлъ принести его въ жертву своей

фанатической ярости. Достовѣрно также, что при другомъ случаѣ, о которомъ повѣствователь острова Св. Элены совершенно умалчиваетъ, — другой изувѣръ еще опаснѣе Штаппъ хотѣлъ посягнуть на жизнь Наполеона (*); но что касается до заговора Скульптора Церакки, то мнѣ оный также нѣсколько извѣстенъ и читатель вскорѣ узнаетъ столько же какъ и я, томъ, какой опасности подвергался Первый Консулъ. Вотъ обстоятельства въ самой строгихъ точности:

Заговоръ Церакки и его сообщниковъ была одна мечта; положили дать ему существенность для того чтобы преувеличить опасность, которой Первому Консулу угодно было показать хоть для вида, что онъ подвергался.

По Парижскимъ улицамъ шатался тогда некто Гаррель, бывшій Баталіонный Командиръ, онъ былъ отставленъ отъ службы и слѣдственно не доволенъ. Гаррель подружился съ Церакки, съ Ареною, съ Тонино-Лебрёномъ и съ Демервилемъ. По разнымъ причинамъ, всѣ эти люди, были сильно раздражены противъ Перваго Консула, который со своей стороны также не любилъ Церакки и Арену, и едва знаю

(*) Въ эпоху этого вторичнаго, важнаго покушенія, я уже не находился при Наполеонѣ; но мнѣ было по его приказанію поручено повидаться съ молодымъ безумцемъ, рѣшившимся свершить оное. Ниже въ этихъ Запискахъ увидите какіе были его замыслы, какъ я узналъ объ оныхъ и что съ нимъ произошло.

духъ остальныхъ. Однакожъ по сообщничеству своему съ Церакки и съ Ареною, отъ коихъ Бонапарте желалъ избавиться, и они подпали его ненависти. И такъ эти четыре человѣка, совокупно съ Гаррелемъ, составили замыселъ умертвить Перваго Консула и день исполненiя его опредѣленъ при назначенномъ въ Оперѣ чрезвычайномъ представленiи.

До сихъ поръ жизнь Бонапарте могла подвергаться опасности; но потомъ. . . ?

20 Сентября 1800 года Гаррель пришелъ ко мнѣ въ Тюлiери; открывъ мнѣ заговоръ, въ коемъ самъ былъ участникомъ, онъ обязался доставить средства захватить его сообщниковъ на самомъ дѣлѣ и потребовалъ денегъ, для того чтобы поддержать заговоръ и привести его къ концу. Я сдѣлалъ Гаррелю нѣкоторыя замѣчанiя, но не могъ отринуть его, не взявъ на себя слишкомъ большой отвѣтственности. И дѣйствительно кто бы сказалъ мнѣ что могло случиться? Я тотчасъ донесъ Первому Консулу объ этомъ странномъ открытiи. Онъ велѣлъ мнѣ дать денегъ Гаррелю, но запретилъ сказывать объ этомъ Фуше, желая доказать ему что онъ лучше его умѣетъ исполнять обязанности Полицiи. Гаррель, почти каждый день въ одиннадцать часовъ вечера являлся ко мнѣ отдавать отчетъ о ходѣ заговора и я немедленно сообщалъ о томъ Первому Консулу, который изъ другихъ донесенiй

зналъ о ненависти къ нему заговорщиковъ, радъ былъ случаю явно изобличить Арену, Церакки, этихъ бездѣльниковъ, какъ онъ ихъ называлъ. Однакожъ время текло, а ничто не подвигалось впередъ. Первый Консулъ выходилъ изъ терпѣнія. Наконецъ Гаррель объявилъ, что у нихъ нѣтъ денегъ на покупку оружія. Ему дали оныхъ. Пришедъ опять на другой день, сей сказалъ, что оружейный мастеръ, не зная кому не хочетъ безъ письменнаго дозволенія продать имъ оружія: тогда было сдѣлано первое открытіе Фуше, которому объявили обо всемъ дѣлѣ и который далъ оружейному мастеру дозволеніе, чего я не имѣлъ власти сдѣлать.

10 Октября, въ день возвѣщеннаго въ Оперѣ чрезвычайнаго представленія, Консулы вошли послѣ совѣта въ кабинетъ ихъ товарища. Этотъ послѣдній, въ моемъ присутствіи спросилъ ихъ должно ли ему по ихъ мнѣнію ѣхать въ театръ. Они замѣтили ему, что всѣ предосторожности взяты, почему не слѣдовало страшиться никакой опасности, и что хорошо было бы представить доказательство безполезности всѣхъ покушеній на жизнь Перваго Консула. После обѣда Бонапарте, надѣвъ сертукъ сверхъ мундира, сѣлъ въ карету съ Дюрокомъ и со мною. Онъ помѣстился впереди въ своей ложѣ, которая въ это время была на лѣво отъ входа, между колоннами, отдѣляющими боковыя ложи

отъ находящихся прямо противъ сцены. Черезъ полчаса, Первый Консулъ, оставя при себѣ только Дюрока, приказалъ мнѣ сходить посмотрѣть что дѣлается въ коридорѣ. Едва вышедъ изъ ложи, я услыхалъ большой шумъ и тотчасъ узналъ о взятiи подъ стражу многихъ людей, которыхъ мнѣ не могли сказать именъ. Я отправился къ Первому Консулу съ донесенiемъ о томъ что узналъ и мы тотчасъ возвратились въ Тюлiери. Гаррель былъ опять принятъ въ службу и сдѣланъ Венсенскимъ Комендантомъ; онъ находился въ этомъ званiи при убiйствѣ Герцога Ангенскаго. Мнѣ въ послѣдствiи сказывали, что жена его была молочная сестра этого злополучнаго Принца и что она узнала его при входѣ въ тюрьму, долженствовавшую черезъ нѣсколько часовъ сдѣлаться его могилою. Увы! я не могу вспомнить о Герцогѣ Ангенскомъ не думая впередъ о томъ, чего мнѣ будетъ стоить сказать все что я знаю о роковомъ событiи, прекратившемъ дни его; но я скажу все: я этимъ обязанъ тѣмъ людямъ, которые были недостойнымъ образомъ оклеветаны. Пятно крови послѣдняго Конде, есть не такое пятно, которое бы слегка омрачало собою память!

Что касается до заговора Церакки и Арены, то мнѣ остается сдѣлать одно только замѣчанiе, относящееся къ мыслямъ моимъ о политической полицiи вообще.

Совершенно доказано, что заговорщики хотѣли посягнуть на жизнь Перваго Консула и что они отыскивали всѣ средства къ достиженію своей цѣли и къ исполненію своего свирѣпаго замысла. Но справедливость требуетъ также сказать, что зная о заговорѣ по доносу Гарреля, весьма легко было бы разстроить его и разогнать бурю вмѣсто того чтобы накликать оную. Таково было тогда и таково еще теперь мое мнѣніе.

Можно притомъ еще вспомнить, что Карбоно, одинъ изъ захваченныхъ и осужденныхъ, откровенно объявилъ свое участіе въ сумбродныхъ замыслахъ, къ исполненію коихъ не имѣлось другихъ способовъ, кромѣ тѣхъ, которые успѣли доставить сами полицейскіе агенты.

ГЛАВА XII.

3 числю Нивоза.—Трудная нетина.—Невѣдѣніе Полиціи.—Гайденова ораторія.—Адская машина. — Первый Консулъ въ Оперѣ.—Скорое возвращеніе въ Тюліери.—Стеченіе народа. —Гнѣвъ Бонапарте противъ Якобинцевъ.—Хладнокровіе Фуше.—Отзывъ Бонапарте объ этомъ Министрѣ.—Исправленная ошибка.—Странное донесеніе Фуше.—Самовластное осужденіе.—Г. Тиссо, спасенный и признательный.—Составленіе списка осужденныхъ.—Опытъ Трюге.—Упорство Перваго Консула.—Настоящія причины Наполеона.—Вина и извиненіе.—Предусмотрительная лесть. — Оправданіе Фуше.—Открытіе настоящихъ виновниковъ. — Фуше въ Мальмезонѣ.—Невинные и виновные одинаковымъ образомъ осуждены.—Казнь.

Хотя прошло три мѣсяца между наблюдаемыми козпями Церакки и Арены и страшнымъ злодѣйствомъ 3 Нивоза, но я не стану раздѣлять этихъ двухъ происшествій, которыя

однакоже, имѣли между собою сходство развѣ только по своей цѣли. Первые заговорщики принадлежали къ Революціонной шайкѣ; имъ нужна была жизнь человѣка и они хотѣли только убить его, какъ будто желая сдѣлать сходство Наполеона съ Цесаремъ столь совершеннымъ, чтобы тутъ недоставало даже и Брута. Вторые, должно съ огорченіемъ признаться, принадлежали къ Королевской партіи и желая только убить Перваго Консула, эти люди не побоялись опасности погубить съ нимъ вмѣстѣ великое число гражданъ. А посему всякой писатель, себя уважающій, обязанъ, кто бы таковы ни были виновники подобнаго злодѣйства—выставить оное какъ одно изъ самыхъ лютыхъ преступленій, свершенныхъ съ тѣхъ поръ, какъ міръ существуетъ. Здѣсь я, болѣе чѣмъ когда либо чувствую, сколь дорого стоитъ заплатить долгъ истинѣ; но когда истина повелѣваетъ, то ей надобно повиноваться.

Полиція ничего не знала о заговорѣ 3 Нивоза, потому что она въ немъ не участвовала. Никакія причины не имѣли вліянія на заговорщиковъ 3 Нивоза, на изобрѣтателей и исполнителей этой машины, которую столь справедливо назвали *адскою*.

Третьяго Нивоза давали въ Оперѣ первый разъ великолѣпную Ораторію Гайдена, *Сотвореніе Міра*. Первый Консулъ сбирался туда ѣхать

Я въ этотъ день съ нимъ не обѣдалъ, но разставшись со мною передъ обѣдомъ, онъ сказалъ мнѣ: «Бурiеннъ, ты знаешь, что я сегдня ѣду въ Оперу; ты также можешь туда отправиться, но я не могу тебя отвезти потому, что я беру съ собою Ланна, Бертье и Лористона. До вечера.» Я очень былъ доволенъ этимъ объявленiемъ, ибо мнѣ чрезвычайно какъ хотѣлось слышать одно изъ образцовыхъ произведенiй Германской музыки, а я не могъ ѣхать въ театръ не узнавъ, буду ли я нуженъ Первому Консулу. Я отправился прежде его и былъ уже въ Оперѣ, когда Первый Консулъ туда прiѣхалъ. Бонапарте, вошедъ въ ложу, сѣлъ по обыкновенiю впереди и какъ всѣ взоры были на него устремлены, то онъ показалъ наивеличайшее спокойствiе. Лористонъ, увидѣвъ меня въ другой ложѣ, тотчасъ прибѣжалъ сообщить мнѣ о происшедшемъ; онъ сказалъ мнѣ, что Перваго Консула чуть не убили въ Сен-Никезской улицѣ взрывомъ пороховаго боченка, разбившимъ у кареты стекла. «Мы избѣгли этой бѣды только десятью секундами,» прибавилъ Лористонъ; «когда кучеръ остановился для полученiя приказанiя отъ Перваго Консула, поворотивъ въ улицу Сент-Оноре, то онъ отвѣчалъ только: *Въ Оперу!*» Услыхавъ это отъ Лористона, я сѣлъ въ карету и отправился во дворецъ, разсудивъ, что Первый Консулъ

скоро будетъ имѣть во мнѣ нужду. Онъ точно не замедлилъ возвратиться и какъ взрывъ машины былъ услышанъ цѣлымъ Парижемъ, то зала нижняго этажа, выходящая на большую терасу, въ одну минуту наполнилась толпою сановниковъ, пріѣхавшихъ прочесть во взорахъ своего повелителя, что имъ должно думать. Онъ не заставилъ ихъ долго дожидаться: «Это дѣло Якобинцевъ,» вскричалъ онъ громкимъ голосомъ; «Якобинцы хотѣли убить меня! . . . Тутъ нѣтъ ни дворянъ, ни священниковъ, ни Шуановъ! . . . Я знаю что объ этомъ думать и никто меня не разувѣритъ. Это Сентябрщики, злодѣи покрытые грязью, которые явно бунтуютъ, и вѣчно устроиваютъ заговоры существующихъ Правительствъ. Нѣтъ еще трехъ мѣсяцевъ, какъ вы видѣли, что Цераккн, Арена, Топино-Лебрёнъ и Демервиль покушались умертвить меня. Ну это таже самая шайка; это Сентябрскіе кровопійцы, Версальскіе убійцы, Преріальскіе заговорщики, виновники всѣхъ злодѣяній, свершенныхъ противъ Правительства. Если ихъ нельзя обуздать, то ихъ должно уничтожить; надобно очистить Францію отъ этой отвратительной сволочи; нечего жалѣть такихъ злодѣевъ! . . .» Надобно было видѣть воспламененное лице Наполеона, тѣлодвиженія его, всегда рѣдкія, но выразительныя и слышать звуки его

голоса—для того, чтобы составить себѣ понятiе о гнѣвѣ, съ которымъ онъ произнесъ эти слова. Тщетно нѣкоторые Государственные Совѣтники, а въ особенности Фуше, старались вразумить его, что не существуетъ еще ни противъ кого никакихъ доказательствъ, и что прежде чѣмъ такъ положительно означать виновныхъ, надобно узнать ихъ. Бонапарте съ новою вспыльчивостью повторилъ сказанное уже имъ о Якобинцахъ и если справедлива пословица, что въ долгъ даютъ только богатымъ, то надобно сознаться, что Перваго Консула можно было извинить въ приписанiи имъ однимъ злодѣйствомъ больше.

Фуше имѣлъ много непрiятелей; а потому я не удивился, что нѣкоторые изъ главныхъ сановниковъ старались употребить противъ него разность его въ мнѣнiи съ Первымъ Консуломъ. А потому мнѣнiе Наполеона превозмогло въ первую минуту и надобно сознаться, что совершенное невѣдѣнiе при этомъ случаѣ Полицiи, неспособно было увеличить число согласныхъ съ мнѣнiемъ ея Начальника. Фуше сдѣлалъ какъ тростникъ въ баснѣ; онъ склонился, но съ тѣмъ, чтобы вскорѣ опять возстать. Самый искусный актеръ не въ состоянiи былъ бы представить его спокойный видъ въ продолженiе вспышекъ Наполеонова гнѣва, его молчанiе, терпѣливость, съ которою онъ допускалъ себя

обвинять, и все запирательство, которое заключалось въ его молчаніи, а особенно въ его полуоткрытіяхъ. Министръ, разговаривая объ этомъ со мною, явно далъ мнѣ уразумѣть, что онъ не полагаетъ Якобинцевъ виновными. Я сказалъ объ этомъ Первому Консулу; но ничто не могло заставить его перемѣнить свое мнѣніе. «Фуше,» замѣтилъ онъ, «имѣетъ свои причины молчать; онъ бережетъ своихъ; очень естественно, что онъ щадитъ шайку людей запятнанныхъ кровью и злодѣйствами. Разве онъ не былъ однимъ изъ вождей ихъ? Разве мнѣ неизвѣстно, что онъ дѣлалъ въ Ліонѣ и на Луарѣ? При этомъ случаѣ Луара и Ліонъ объясняютъ мнѣ поведеніе Фуше.»

Вотъ сущая истина: теперь да позволено мнѣ будетъ противопоставить ей одинъ изъ тысячи вымысловъ, къ которымъ подало поводъ это происшествіе. Говорили и печатали: «Сановники, Министры, собрались въ Тюліери. *Ну!* вскричалъ Первый Консулъ, подошедъ съ гнѣвомъ къ Фуше, *нескажешь ли опять что это роялисты!* Фуше, болѣе знавшій это дѣло, чѣмъ предлагали, хладнокровно отвѣчалъ: *Да конечно скажу, а что еще больше, – докажу.* Эти слова возбудили всеобщее удивленіе и были доказаны . . . .» Это чистая выдумка; Первый Консулъ сказалъ только Фуше: «Я не надѣюсь на твою Полицію; я самъ принужденъ за-

маться Полицейскою частью, и не сплю до двухъ часовъ утра!» Что по правдѣ сказать рѣдко случалось.

На другой день послѣ этого покушенія, въ Тюлери былъ весьма многочисленный съѣздъ; со всѣхъ сторонъ сыпались поздравленія. Сенскій Префектъ собралъ двѣнадцать Парижскихъ Меровъ, и повезъ ихъ подъ своимъ предводительствомъ для представленія Первому Консулу. Бонапарте сказалъ ему въ своемъ отвѣтѣ: «Пока эта горсть разбойниковъ нападала прямо на меня, я предоставлялъ законамъ ихъ наказаніе; но какъ теперь чрезъ безпримѣрное злодѣйство, они подвергли опасности часть Парижскихъ жителей, то наказаніе будетъ столь-коже скоро какъ и примѣрно. Надобно чтобы сотня бездѣльниковъ, которые клеветали на свободу, свершая во имя ея злодѣянія, была приведена въ невозможность дѣлать новыя.» Послѣ сего онъ разговаривалъ съ Министрами, съ Государственными Совѣтниками, и со всѣми присутствующими о сдѣланномъ наканунѣ покушеніи; и зная мнѣніе Перваго Консула о виновникахъ сего злодѣйства, всѣ старались утвердить его въ ономъ. Нѣсколько разъ сбирали Совѣтъ; даже спрашивали мнѣнія Сената и искусный Фуше, уступивъ вопреки своему убѣжденію затруднительности своего Министерскаго положе-

нія, представилъ Первому Консулу слѣдующее донесеніе, достойное искренности Мазарина.

«Это ужъ не тѣ разбойники, противъ которыхъ существуютъ извѣстныя формы правосудія и которые опасны лишь нѣсколькимъ лицамъ и имуществамъ; это враги цѣлой Франціи, которые каждую минуту угрожаютъ повергнуть всѣхъ Французовъ буйству безначалія.

«Число этихъ ужасныхъ людей не велико, но злодѣянія ихъ безчисленны.

«Они то напали на Народный Конвентъ, вторгнувшись вооруженною рукою въ самое святилище законовъ; они то столько разъ хотѣли сдѣлать всѣ Комитеты Правительства сообщниками или жертвами своей кровожадной ярости; они то хотѣли ополчить противъ Исполнительной Директоріи и противъ Парижа войска, предназначенныя къ охраненію оныхъ. Они враги не какого либо одного Правительства, но всякаго рода Правительства.

«Все на что они въ продолженіе года покушались, имѣло цѣлью только убійства, какъ на дорогѣ къ загородному дому Перваго Консула, такъ въ Операхъ, на улицахъ или даже пробравшись чрезъ подземелья во внутренность Тюлієри.

«Это лютая война, которая не можетъ быть прекращена иначе какъ необычайными мѣрами высшей Полиціи.

«Между этими людьми, Полицiею выставляемы, *не всѣ были захвачены съ кинжаломъ въ рукѣ, но всѣ равно извѣстны за способныхъ изощрить и взять его.* Дѣло идетъ не о томъ только чтобы наказать за прошедшее, но о томъ чтобы обеспечить общественное благоустройство.»

Не имѣю нужды обращать вниманiе на смыслъ подчеркнутыхъ мною въ концѣ словъ; это была великая уступчивость Министра волѣ Перваго Консула; но въ этомъ донесенiи конечно любопытнѣе всего то, что подъ онымъ находилось имя Фуше. Въ тоже время наполнили журналы воспоминанiями о Революцiи для того чтобы въ глазахъ Публики сложить вину оной на тѣхъ, которыхъ хотѣли сдѣлать участниками свершеннаго уже преступленiя. Осудили человѣкъ сто къ ссылкѣ, и Сенатъ явилъ свою неистощимую снисходительность издавъ указъ, согласный съ желанiями Перваго Консула.

Я испугался увидя что Первый Консулъ такъ скоро вступилъ на стезю самовластiя; но кто могъ обуздать его волю? И такъ составили ссыльный списокъ тѣхъ, которыхъ признали Якобинцами. Я имѣлъ счастiе исходатайствовать исключенiе изъ этого списка имянъ нѣсколькихъ человѣкъ, коихъ мнѣнiя были, можетъ статься, нѣсколько преувеличены, но за которыхъ говорили ихъ воспитанiе и личный характеръ. Мо-

жетъ быть нѣкоторые изъ моихъ читателей узнаютъ себя не будучи поименованными; я назову только Г. Тиссо не для того чтобы выставить оказанную мною ему услугу, но дабы описать какъ онъ, доказалъ мнѣ свою признательность.

И такъ Г. Тиссо находился въ числѣ тѣхъ, коихъ исключеніе изъ списка приговоренныхъ къ ссылкѣ, я испросилъ у Перваго Консула. Предъ вступленіемъ Наполеона въ 1815 году въ Парижъ, Г. Тиссо, явясь въ Префектуру Полиціи гдѣ я тогда находился, предложилъ мнѣ домъ свой какъ надежное убѣжище, въ которомъ онъ ручался что меня не найдутъ. Я не воспользовался этимъ предложеніемъ, но тѣмъ не менѣе спѣшу при этомъ случаѣ объявить это дѣло; пріятно думать, что различіе мнѣній не всегда подавляетъ чувства чести и великодушія.

Послѣ сего краткаго отступленія, возвращаюсь къ роковому списку, изъ коего я имѣлъ счастіе вычеркнуть нѣсколько именъ. Писавъ оный, я содрогался при мысли, что осуждалъ на удачу людей, чуждыхъ послѣдняго злодѣянія, которое имъ приписывали безъ суда, безъ доказательствъ и даже безъ изслѣдованія. Одного имени, и образа мыслей, можетъ статься предполагаемаго, было достаточно для того, чтобы попасть въ ссылку. Простое опредѣленіе Консуловъ 4 Генваря 1801 года, утвержденное на

даннымъ на другой день Сенатскимъ указомъ, было достаточно для того чтобы изгнать изъ предѣловъ Республики сто тридцать человѣкъ, изъ коихъ девятеро было просто названо *Сентябрщиками*. Боже Всемогущiй! въ какую эпоху, господствующее мнѣнiе не нашло бы въ Монитёрѣ совершенно готовыхъ такихъ списковъ!

Сосланные, столь насильственно и столь несправедливо названные въ донесенiяхъ и въ указахъ виновниками адской машины, были приняты въ Нантѣ съ такимъ негодованiемъ, что потребовалось содѣйствiе вооруженной силы дабы избавить ихъ отъ неминуемаго умерщвленiя. Въ этомъ городѣ, бывшемъ за нѣсколько лѣтъ свидѣтелемъ столькихъ кровавыхъ сценъ, умы были такъ раздражены, что безъ сильныхъ мѣръ невозможно было бы спасти ссыльныхъ отъ ярости народа.

Въ разсужденiяхъ, предшествовавшихъ изданiю Консульскаго опредѣленiя, не многiе дерзнули коснуться вопроса, относительно виновныхъ. Трюге первый вышелъ на поприще. Не отказывая Правительству въ чрезвычайныхъ средствахъ освобождаться отъ своихъ враговъ, онъ не могъ скрыть что Эмигранты угрожаютъ пріобрѣтшимъ нацiональныя имѣнiя, что общественный духъ развращается книжками; что... «О какихъ книжкахъ вы говорите?» прервалъ его Первый Консулъ. «О тѣхъ, которыя всена-

родно ходятъ по рукамъ.—Назовите ихъ.—Они должны быть вамъ столькоже какъ и мнѣ извѣстны» (*).

Послѣ долгой, съ гнѣвомъ сдѣланной выходки, Первый Консулъ вдругъ закрылъ засѣданіе. Онъ повторялъ что на счетъ этого дѣла, никто его не разувѣритъ, что злодѣи извѣстны, что это Сентябрщики, виновники всѣхъ злодѣяній. Онъ сказалъ въ одномъ засѣданіи, за три дня передъ этимъ: «Если нѣтъ доказательствъ, то надобно воспользоваться всеобщимъ расположеніемъ; это происшествіе доставляетъ случай ихъ сошлютъ за 2 Сентября, за 31 Маія, за заговоръ Бабёфа и проч.»

Онъ сказалъ мнѣ выходя изъ засѣданія совѣта, въ которомъ была рѣчь о нарядѣ особаго суда: «что онъ нѣсколько погорячился; что онъ сказалъ что должно разить какъ молнія, что надобно крови, что слѣдуетъ разстрѣлять столькоже виновныхъ сколько взрывъ сдѣлалъ жертвъ — отъ пятнадцати до двадцати, отправить въ ссылку двѣсти человѣкъ и очистить Республику отъ этихъ изверговъ.»

Самовластіе было столь очевидно, что Сенатъ въ указѣ своемъ, ни слова не упомянулъ о 3 дѣйствѣ 3 Нивоза, что очень замѣчательно;

(*) Дѣло шло о *Сравненіи между Цесаремъ, Кромвелемъ и Бонапартомъ*, о которомъ я буду говорить въ слѣдующей главѣ.

тѣмъ не менѣе онъ объявилъ что мѣра, принятая Правительствомъ наканунѣ была блюстительною мѣрою Конституцiи. Это обѣщало впередъ.

Первый Косулъ съ сильнымъ гнѣвомъ, съ пылкою ненавистью обвинялъ Якобинцевъ; и его нельзя бы въ этомъ упрекнуть, еслибъ подъ именемъ Якобинцевъ, онъ не разумѣлъ всѣхъ искреннѣйшихъ приверженцевъ свободы Францiи. Голосъ ихъ ему надоѣдалъ и онъ не могъ простить имъ того, что они строго суживъ притѣснительныя дѣйствiя его управленiя противятся уничтоженiю народной свободы, которую самъ клялся поддерживать и защищать и которую онъ безпрестанно старался ниспровергнуть. Вотъ настоящiя его причины; вотъ какъ его собственныя вины сдѣлали въ глазахъ его виновными тѣхъ, которые видѣли ихъ или угадывали, не одобряя оныхъ; вотъ наконецъ по какой причинѣ, онъ еще болѣе страшился тѣхъ, которыхъ онъ называлъ Якобинцами чѣмъ Роялистовъ.

Выставляю здѣсь вины Наполеона; но извиняю его; всякой другой на его мѣстѣ сдѣлалъ бы столько же и даже больше. Уже истина не иначе какъ съ трудомъ до него достигала и когда она ему не нравилась, то онъ не хотѣлъ ея слышать. При томъ же, нетерпѣливость его достигнуть своей цѣли, превосходила все что можетъ себѣ представить самое пылкое вообра-

женіе; онъ безпрестанно боролся съ самимъ собою; но предусмотрительная лесть спѣшила къ нему на помощь и бо́льшая часть его приближенныхъ, не только не говорили ему то, что они думали, но повторяли ему то что онъ самъ думалъ и тогда онъ удивлялся мудрости своихъ совѣтниковъ; а Фуше, дабы удержаться въ милости, принужденъ былъ предать ему сто тридцать изгнанниковъ, выбранныхъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей.

Однакожъ Фуше, увѣренный хотя еще и не убѣжденный, въ томъ что онъ не ошибся на счетъ настоящихъ виновниковъ злодѣйства 3 Нивоза, приводилъ въ движеніе, съ обыкновенною своею быстротою всѣ пружины Полиціи. Нѣсколько времени всѣ усилія его были тщетны. Наконецъ, въ суботу, 31 Генваря 1801 года (*) часа черезъ два по пріѣздѣ нашемъ въ Малмезонъ, явился туда Фуше съ достовѣрными доказательствами справедливости своего предвидѣнія. Не осталось никакого сомнѣнія; Бонапартъ ясно какъ день увидѣлъ, что покушеніе 3 Нивоза было слѣдствіемъ заговора, составленнаго Роялистами. Но какъ приговоръ о ссылкѣ тѣхъ, которыхъ вообще назвали Якобинцами, былъ уже приведенъ въ исполненіе, то этого ужъ нельзя было поправить. Списокъ былъ составленъ на основаніи донесенія Префекта Полиціи и свѣдѣній

(*) Черезъ шесть недѣль послѣ 3 Нивоза.

представленныхъ другими, сосѣдними съ Парижемъ Префектами; всѣ эти свѣдѣнiя были составлены въ томъ же смыслѣ, какъ и рѣчь т. е. такимъ образомъ чтобы согласовать ихъ съ мнѣнiемъ, которое Первый Консулъ столь явно обнаружилъ. Уже менѣе старались служить ему, чѣмъ угождать и къ достиженiю сего не было вѣрнѣйшаго средства какъ придавать видъ правосудiя или доставлять предлоги его ненависти. Сколько въ послѣдствiи я открылъ неважныхъ обстоятельствъ, которыя должно было считать чуждыми дѣлу и которыя съ онымъ соединялись!

И такъ окончательнымъ слѣдствiемъ злодѣйства 3 Нивоза было, что невинные и виновные подверглись наказанiю; съ тою однакоже разницею, что виновные были покрайней мѣрѣ предварительно суждены. Когда первыхъ столь поспѣшно приговорили къ ссылкѣ, то Фуше не могъ еще представить положительнаго доказательства ихъ невинности; почему несправедливое ихъ осужденiе не должно быть вмѣнено ему въ вину; довольно преступныхъ воспоминанiй лежать на его памяти для того чтобы отягчать оную преступленiемъ, не имъ совершеннымъ. Не смотря на то смѣю увѣрить, что воспротивясь при самомъ началѣ съ бо́льшимъ мужествомъ мнѣнiю, объявленному Наполеономъ,— онъ бы остановилъ руку Перваго Консула, го-

товую къ пораженію. Пріѣзжая въ Тюлієри
открытія настоящихъ слѣдовъ, Фуше каж
разъ увѣрительно говорилъ мнѣ о невинно
прежде осужденныхъ; но онъ не смѣлъ сказ
того же Наполеону. Я часто сообщалъ ему пр
положенія Министра Полиціи; но какъ дока
тельствъ не было, то онъ отвѣчалъ мнѣ
торжествующимъ видомъ: «Охъ ужъ этотъ Ф
ше! . . . онъ всегда таковъ. Впрочемъ ка
мнѣ нужда; теперь я отъ нихъ *избавился*.
Если найдутся виновные между Роялистами,
ихъ также накажутъ.»

И дѣйствительно, по открытіи чрезъ доп
сы Фуше виновныхъ,—Сен-Режанъ и Карбо
заплатили головами за гнусное злодѣйство
кимъ образомъ Первый Консулъ и отъ н
также *избавился* что удовлетворило всѣмъ
желаніямъ. Тутъ досталось и на его долю
долю Правосудія.

ГЛАВА XIII.

Наслѣдственная власть.—Сочиненіе *Цесарь, Кромвель и Бонапарте.*—Разговоръ Бонапарте съ Фуше. — Тонкость сего послѣдняго.—Собственноручныя отмѣтки Наполеона.—Притворный гнѣвъ.—Отрѣшеніе Луціана.—Выгодное посольство.—Объявленіе Испаніею войны Португаліи.—Толки въ Парижѣ.—Новая династія.—Приглашеніе къ обѣду.—Шпіонство Наполеонова брата.—Разставленныя сѣти. — Лишеніе довѣренности.—Трехдневная размолвка —Школьничья штука.—Оставленныя безъ отвѣта письма.—Ночное объясненіе.—Признаніе въ шпіонствѣ.—Примиреніе.—Доброта Госпожи Бонапарте.—Нескромность Перваго Консула.

Нѣсколько разъ уже я имѣлъ случай говорить, сколько средствъ употреблялъ Бонапарте для достиженія единовластія и для приготовленія умовъ къ этой великой перемѣнѣ. Притомъ же всякой, кто занимался разсмотрѣніемъ его

жизни, долженствовалъ замѣтить сколько онъ былъ убѣжденъ въ истинѣ, что народное мнѣніе притупляется чрезъ распространіе слуховъ о какомъ нибудь замыслѣ и слѣдовательно ослабѣваетъ въ минуту исполненія онаго. А посему для обращенія общаго вниманія на вопросъ о наслѣдственной власти, была издана въ публику книжка. Вотъ довольно любопытная исторія оной.

Это было въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1800 года, въ то самое время, когда Фуше отыскивалъ настоящихъ виновниковъ злодѣянія 3 Нивоза. Небольшая книжка подъ заглавіемъ: СРАВНЕНІЕ МЕЖДУ ЦЕСАРЕМЪ, КРОМВЕЛЕМЪ И БОНАПАРТЕ, дошла до Перваго Консула. Онъ былъ въ отсутствіи, когда я получилъ оную. Прочитавъ ее, я увидѣлъ, что наслѣдственная Монархія открыто въ ней проповѣдуется. Мнѣ ничего не было извѣстно объ этой книжкѣ, но я скоро узналъ, какъ ниже увидятъ, что она вышла изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, откуда она была разослана въ большомъ изобиліи безъ писемъ. Прочитавъ ее, я положилъ ее на столъ; Бонапарте вошелъ черезъ нѣсколько минутъ, взялъ книжку, показалъ видъ, будто бы пробѣгаетъ ее и спросилъ у меня: «Читалъ ли ты это?—Да, Генералъ.—Ну, что ты объ этомъ думаешь?—Я думаю, Генералъ, что эта книжка способна произвесть во-

личайшее зло въ общественномъ мнѣнiи; она кажется мнѣ преждевременною, ибо слишкомъ рано открываетъ ваши замыслы.» Первый Консулъ, взявъ книжку, бросилъ ее на полъ, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ со всѣми ежедневными глупостями, наскоро имъ пробѣгаемыми. Я не одинъ былъ такого мнѣнiя объ этой книжкѣ; ибо на другой же день, ближайшiе отъ Парижа Префекты, прислали по экземпляру оной къ Первому Консулу жалуясь на дурное дѣйствiе, ею производимое; я даже помню, что въ одномъ изъ этихъ донесенiй было сказано, что такое сочиненiе можетъ обратить противъ него кинжалы новыхъ убiйцъ. Разсмотрѣвъ эти бумаги, онъ сказалъ мнѣ: «Бурiеннъ, пошли за Фуше; чтобы онъ поскорѣе явился сюда къ отвѣту.» Черезъ полчаса Фуше былъ уже съ нами втроемъ въ кабинетѣ. Только что онъ вошелъ, какъ слѣдующiй разговоръ начался между нами,—съ величайшею живостью съ одной стороны и съ непоколебимымъ хладнокровiемъ, нѣсколько язвительнымъ съ другой. «Что это за книжка? что объ ней говорятъ въ Парижѣ? — Генералъ, всѣ единогласно считаютъ ее весьма опасною.—Если такъ, то за чѣмъ вы допустили издать ее? это непростительно.—Генералъ, я долженъ былъ поберечь сочинителя. —Поберечь! . . . что это значитъ? . . . Его бы должно посадить въ Тампль. — Но, Генералъ;

вашъ братецъ Луціанъ взялъ эту книжку подъ свое покровительство; она напечатана и издана по его приказанію; однимъ словомъ, она вышла изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.—Это мнѣ все равно! Въ такомъ случаѣ вы, какъ Министръ Полиціи, обязаны были взять Луціана подъ стражу, и посадить его въ Тампль. Этотъ съумазбродъ не знаетъ, что выдумать для того, чтобы повредить мнѣ!»

Послѣ этихъ словъ, Первый Консулъ вышелъ изъ кабинета хлопнувъ дверью. Оставшись одинъ съ Фуше, я поспѣшилъ просить у него объясненія усмѣшки, нѣсколько разъ показывавшейся на устахъ его во время гнѣва Бонапарте, ибо я очень видѣлъ, что у него нѣчто есть въ запасѣ. «Посадить сочинителя въ Тампль,» сказалъ мнѣ тогда Фуше, «это было бы трудно. Испугавшись дѣйствія, которое могло произвесть Сравненіе между Цесаремъ, Кромвелемъ и Бонапарте, — я какъ только узналъ объ этой книжкѣ, тотчасъ отправился къ Луціану, дабы дать ему почувствовать его неосторожность; тогда, вмѣсто отвѣта, онъ сходилъ за рукописью, которую онъ мнѣ показалъ, и чтоже я увидѣлъ? поправки и отмѣтки, сдѣланныя рукою Перваго Консула.»

Луціанъ, узнавъ о гнѣвѣ Наполеона, такъ пріѣхалъ въ Тюліери упрекать брата въ томъ, что онъ его выставилъ и потомъ покинулъ

«Ты самъ виноватъ,» сказалъ Первый Консулъ; «ты дался въ обманъ; ну тѣмъ хуже для тебя! Фуше былъ гораздо хитрѣе и искуснѣе тебя: ты передъ нимъ пошлый дуракъ.» Луціанъ попалъ въ отставку, былъ уволенъ и отправился въ Испанію. Эта дипломатическая ссылка была очень для него выгодна, ибо это посольство было не что иное какъ скрытная ссылка; надобно было, чтобы время облекло покровомъ Махіавельскую выдумку *Сравненія.* Луціанъ, между прочими наставленіями, получилъ приказъ употребить всѣ возможные способы для преклоненія Испаніи къ объявленію войны Португаліи, дабы принудить сію послѣднюю Державу отдѣлиться отъ Англіи.

Первый Консулъ всегда считалъ Португалію Англійскою колоніею. Онъ думалъ, что нападать на нея, значитъ вредить Англіи. Онъ хотѣлъ принудить Португалію неблагопріятствовать болѣе Англичанамъ въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ и сдѣлать, чтобы это Королевство зависѣло отъ него также какъ Испанія. Въ слѣдствіе сего, Луціанъ, отправленный Посланникомъ въ Мадритъ, содѣйствовалъ стараніямъ Министра Карла IV, склонить Короля къ посылкѣ войскъ своихъ въ Португалію. Король рѣшился начать войну, которая была непродолжительна и кончилась почти безъ боя взятіемъ Оливенцы. 6 Іюня 1801 года Португалія

подписала Бадайоцскій договоръ, коимъ она обязывалась уступить Испаніи Оливенцу, Альменду и другія небольшія крѣпости и запереть свои гавани отъ Англичанъ. Первый Консулъ, недовольный договоромъ, сначала отказался утвердить его; онъ оставилъ свою армію на нѣсколько времени въ Испаніи и этотъ поступокъ принудилъ Португалію согласиться на нѣкоторыя измѣненія въ первоначальномъ договорѣ. Этотъ договоръ былъ для Луціана и для Годоя источникомъ богатства. Но не будемъ преждевременно раскрывать событій.

Не въ одномъ только Тюлерійскомъ кабинетѣ разбирали вопросъ о наслѣдственной власти; это было общимъ предметомъ разговоровъ въ Парижскихъ гостиныхъ; тамъ уже толковали о новой династіи: и эти слухи во все не нравились Первому Консулу, но онъ видѣлъ, что сдѣлалъ ошибку поступивъ слишкомъ поспѣшно; для сего-го онъ жестоко возсталъ противъ *Сравненія* не желая, чтобы могли его подозрѣвать въ какомъ либо участіи въ этомъ неудавшемся средствѣ; почему однажды онъ сказалъ мнѣ касательно этого: «Мнѣ кажется, что я немного поторопился; я слишкомъ рано поставилъ свои вѣхи; груша еще не созрѣла. И такъ надобно было отсрочить пожизненное Консульство до 1802 года а Императорскую наслѣдственную власть до 1804 года.

После дурнаго успѣха хитраго обнародованiя книжки, мною упомянутой, я былъ приглашенъ обѣдать къ Фуше. Зная желанiе Перваго Консула, чтобы я какъ можно рѣже обѣдалъ въ гостяхъ, я объявилъ ему объ этомъ приглашенiи; онъ зналъ уже объ ономъ и тотчасъ согласился. Фуше посадилъ Iосифа по правую сторону, а меня подлѣ него. Въ продолженiе обѣда, Iосифъ говорилъ мнѣ только о своемъ братѣ, о его замыслахъ, объ изданной книжкѣ и о дурномъ дѣйствiи, ею произведенномъ. Разспросы его и отвѣты отзывались какимъ то порицанiемъ и неодобренiемъ. Я объявилъ ему мое мнѣнiе, согласное съ его словами, но выраженное нѣсколько суровѣе, чѣмъ оно было высказано мною его брату. Онъ казалось одобрялъ меня, довѣренность его меня поощряла и я съ удовольствiемъ видѣлъ въ немъ одинаковый съ моимъ образъ мыслей. Откровенность его была такова, что не взирая на прiобрѣтенную мною опытность, я вовсе и въ мысляхъ не имѣлъ что нахожусь съ первостатейнымъ шпiономъ; они однакоже довольно хорошо мнѣ были извѣстны для того, чтобы ихъ остерегаться. Но кто не ошибается! На другой день послѣ этого обѣда, Первый Консулъ довольно сухо сказалъ мнѣ: *Оставляй мои письма въ корзинѣ, я самъ буду ихъ распечатывать.* Эта непредвидѣнная выходка меня удиви-

ла; но какъ мнѣ не въ чѣмъ было себя упрекать, то я вздумалъ позабавиться надъ этой недовѣрчивостью, которую онъ показалъ мнѣ не объяснивъ причинъ оной: я положилъ въ бо-зинѣ подъ низъ всѣ письма отъ Министровъ, которыя можно было узнать по конвертамъ, всѣ донесенія присылаемыя къ Первому Консулу на мое имя и закрылъ ихъ кучею писемъ незначительнаго содержанія, которыя я привыкъ уже отличать по адресамъ какъ то: просьбы о назначеніи номеровъ для лотереи, дабы воспо-зоваться *его* счастіемъ, объ окрещеніи дѣтей, объ опредѣленіи на мѣста, объявленія о свадьбахъ, о рожденіи, нелѣпыя похвалы, анонимныя посланія безъ подписи и проч.

Распечатываніе этихъ писемъ, къ которымъ онъ не привыкъ, вывело его изъ терпѣнія, и онъ очень мало ихъ раскрылъ. Часто въ тотъ же день, но всегда уже на другой приходили новыя письма отъ Министровъ съ просьбою объ отвѣтѣ на писанное наканунѣ и съ жалобою на неполученіе онаго. Первый Консулъ опять распечатывалъ десятка два писемъ и оставлялъ прочія; ибо, догадываясь по адресамъ и по печатямъ, что эти письма требуютъ отвѣта на первыя, я клалъ ихъ подъ низъ всѣхъ прочихъ.

Не желая больше продолжать этой шалости ни остаться въ неловкомъ положеніи, въ кото-

рое привело меня болтовство Iосифа, я рѣшился это кончить. На четвертый день, послѣ вечерней работы, которая была непрiятна и прерываема выходками, я далъ Наполеону сойти внизъ и лечь. Спустя полчаса, я отправился къ нему въ комнату: меня всегда и во всякой часъ къ нему пускали. Держа свѣчу въ рукѣ, я взялъ стулъ, пошелъ прямо къ его кровати и поставилъ свѣчу на столъ. Онъ проснулся также какъ и Iозефина.—«Ну что тамъ новаго?» спросилъ онъ у меня съ удивленiемъ.—«Генералъ, я пришелъ объявить вамъ, что я немогу съ вами оставаться; безъ довѣренности, я не могу занимать мое мѣсто. Вы знаете сколько я вамъ преданъ и если вы имѣете въ чемъ либо упрекнуть меня, то я долженъ, покрайней мѣрѣ узнать тому причины; но положенiе, въ которомъ я три дня нахожусь, слишкомъ для меня тягостно.» Iозефина съ живостью спросила у него: «Что онъ тебѣ сдѣлалъ, Бонапарте?— *Это до тебя не касается*; потомъ, обратясь ко мнѣ:— *Да я имѣю причины на тебя жаловаться. Ты говорилъ о внѣшнихъ дѣлахъ такимъ образомъ, который мнѣ не нравится.* — Могу васъ увѣрить, что я говорилъ одному только вашему брату. Онъ самъ навелъ меня на эту стезю и ужъ ему конечно все слишкомъ хорошо извѣстно для того, чтобы я могъ открыть ему какую либо тайну. Я

разговаривалъ о вещи, обоимъ намъ равно извѣстной; онъ пересказалъ вамъ то что хотѣлъ; но развѣ я не могу также поступить и съ нимъ, обвинить его также какъ онъ меня обвинилъ и измѣнить, подобно какъ онъ со мною сдѣлалъ, довѣренности, имъ мнѣ оказанной. Притомъ же, Генералъ, ввѣряясь вашему брату, не ужели я могъ полагать, что найду въ немъ Инквизитора?—Да признаюсь, судя по тому что мнѣ донесъ Іосифъ, я счелъ нужнымъ наложить карантинъ на мою къ тебѣ довѣренность; онъ продолжился три дня; этого довольно. Ну хорошо, Буріеннъ, все кончено; не будемъ больше объ этомъ говорить. Распечатывай мои письма; многія лежатъ еще безъ отвѣта; это показалось мнѣ слишкомъ скучнымъ; и притомъ мнѣ все попадались вздоры.»

Мнѣ кажется какъ будто я теперь еще вижу и слышу добрую Іозефину, какъ она, приподнявшись до половины сказала ему съ самою милою кротостью: «Какъ, Бонапарте, ты могъ подозрѣвать Буріенна; его, который такъ тебѣ преданъ, который есть единственный другъ твой; какъ ты могъ допустить, чтобы ему разставили такія сѣти? Обѣдъ, нарочно для этого устроенный! . . . . Боже мой какъ я ненавижу всю твою Полицію.» Тогда Бонапарте, засмѣявшись сказалъ ей: «Ну спи, спи! . . . Занимайся твоими тряпками: женщины ничего не понимаютъ

ютъ въ дѣлахъ Правительства.» Когда я ушелъ то было около двухъ часовъ утра.

Проспавъ нѣсколько часовъ я увидѣлъ Перваго Консула, который былъ со мною болѣе чѣмъ когда либо любезенъ и я увидѣлъ, что на эту *минуту* всѣ облака разсѣялись.

Разсказанное мною представляетъ новое доказательство невѣроятной нескромности Наполеона и непреодолимой его охоты объявлять обвиняемымъ имена ихъ доносчиковъ; надобно признаться, что Іосифъ при этомъ случаѣ игралъ ролю, не очень приличную будущему Королю!....

ГЛАВА XIV.

Воспоминанія.—Народные клики и голосъ Іозефины.—Учрежденіе Правительства въ Піемонтѣ.—Французскій языкъ въ Піемонтѣ. — Цизальпинская Консульта. — Правительство вмѣсто Республики. — Дѣятельность Перваго Консула.—Назначеніе Келлермана.—Надпись на почетныхъ саблях.—Награды Рейнской арміи. — Медаль. — Резервная армія.—Притворная скромность.—Генералъ Цахъ. — Приготовленія къ празднеству.—Година 14 Іюля.—Подписка.—Памятникъ Дезе.—Знамена Маренгскія, Италіянскія и Рейнской арміи.—Рѣчи въ Марсовомъ храмѣ. — Маренгскіе солдаты и картина Жерара.—Празднество столѣтія.—Гробница Тюренна въ Инвалидномъ домѣ.—Счастливая ораторская находка.—Одинъ изъ лучшихъ дней Наполеона.

Отъ одного предмета такъ легко увлекается къ другому, особенно когда описываемыя происшествія связываются между собою соотношеніями, что почти самъ того не замѣтишь,

привелъ себя въ необходимость обратиться къ эпохѣ, существовавшей прежде той, къ коей принадлежатъ событiя, описанныя мною въ предъидущихъ главахъ. Особенно эта глава, предупреждаю читателя, будетъ чрезвычайно неправильна, ибо мнѣ хочется помѣстить въ ней нѣкоторыя отдѣльныя воспоминанiя, оставшiяся назади и такъ сказать, забытыя мною на пути, уже пройденномъ. Такимъ образомъ напримѣръ, поощренный заговоръ Арены, привелъ меня къ покушенiю 3 Нивоза, а намекъ о Фуше въ его поискахъ, долго безполезныхъ, завлекъ меня въ воспоминанiя о знаменитомъ сочиненiи, однимъ изъ послѣдствiй коего было удаленiе Луцiана; и я ничего не успѣлъ сказать о нѣкоторыхъ подробностяхъ, послѣдовавшихъ за великимъ днемъ при Маренго.

Народъ рѣдко принимаетъ существенное участiе въ государственныхъ событiяхъ; онъ видитъ ихъ проходящими мимо глазъ его съ холоднымъ равнодушiемъ и наслаждается праздниками, даваемыми ему Правительствомъ, только какъ зрѣлищемъ, о причинахъ коего онъ даже не доискивается. Не такъ было по возвращенiи нашемъ изъ Маренго: радость была всеобщая, живая, сильно чувствуемая не только первыми двумя сословiями общества, но всѣми; а любовь, которую со всѣхъ сторонъ изъявляли Первому Консулу, была искренна: какъ онъ

былъ счастливъ! и съ какимъ восхищеніемъ онъ сказалъ мнѣ однажды, пришедъ отъ раз да: «Бурієнъ, слышишь ли ты гулъ этихъ кл ковъ, еще продолжающихся; онъ столько п пріятенъ для меня, какъ голосъ Іозефины; ка я счастливъ и какъ я горжусь любовью тако народа!»

Въ продолженіе послѣдняго своего пребы нія въ Миланѣ, Бонапарте учредилъ новое пр вительство для Піемонта; съ тѣхъ поръ он возъимѣлъ сильное желаніе присоединить эт богатую, плодоносную землю къ Французск владѣніямъ на томъ основаніи, что нѣкоторы изъ Піемонтскихъ областей принадлежали п когда Лудовику XIV. Этотъ Монархъ былъ ед ственный изъ Королей, къ которому Перв Консулъ питалъ истинное уваженіе; онъ сказалъ мнѣ однажды говоря объ немъ: «Если Лудовикъ XIV и не родился Королемъ, то он все былъ бы великимъ человѣкомъ, но онъ з зналъ людей; онъ не могъ знать ихъ; и пр томъ, онъ никогда не былъ несчастливъ!» Он очень удивлялся твердости воли престарѣлы Монарха, который не упалъ духомъ и скор хотѣлъ погребстись подъ развалинами Мона хіи, чѣмъ согласиться на постыдныя усл послѣ того какъ онъ повелѣвалъ Государ Европы. Я помню, что Первый Консулъ бы очень доволенъ, когда изъ представленныхъ е

разныхъ предметахъ донесеній, онъ увидѣлъ въ Казалѣ и въ нѣкоторыхъ долинахъ, какъ напримѣръ въ Пиніеролѣ, въ Латурѣ и Люцернѣ замѣтно еще много слѣдовъ тѣхъ временъ, когда эти земли принадлежали Франціи и что тамъ сохранилось употребленіе Французскаго языка; онъ уже становился защитникомъ прошедшаго и ему не угодилъ бы тотъ, который сталъ бы при немъ бранить прежнихъ Королей Франціи.

Первый Консулъ учредилъ для управленія Пiемонтомъ Консульту, коей членовъ, какъ можно себѣ представить, онъ выбралъ изъ Пiемонтцевъ, показавшихъ себя приверженцами Франціи. При этомъ учрежденіи онъ говорилъ, что *дастъ тѣмъ Пiемонтцамъ новое доказательство пріязни и правоты Французскаго народа.* Послѣ сего онъ избралъ Генерала Дюпона въ Предсѣдатели Консульты съ титломъ Чрезвычайнаго Министра Французскаго Правительства. При этомъ случаѣ мнѣ пріятно заявить тайный шагъ, который сдѣлалъ тогда Бонапарте къ ниспроверженію Республики: написавъ черновой актъ о назначеніи Генерала Дюпона, я по обыкновенію поставилъ: Чрезвычайный Министръ *Французской Республики.* «Нѣтъ, нѣтъ,» сказалъ онъ мнѣ, «напиши вмѣсто Республики—*Правительства.*»

По пріѣздѣ въ Парижъ, Первый Консулъ за

удовольствіе себѣ поставилъ ознаменовать свое присутствіе очевидными доказательствами своей невѣроятной дѣятельности; а посему на другой день по его прибытіи было издано множество указовъ; послѣ чего онъ занялся наградами: назначилъ Келлермана Дивизіоннымъ Генераломъ, что по всей справедливости слѣдовало бы сдѣлать на полѣ сраженія и роздалъ почетныя сабли, приказавъ сдѣлать на нихъ эту, лестную для него надпись: БИТВА ПРИ МАРЕНГО ПОДЪ ЛИЧНЫМЪ ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМЪ ПЕРВАГО КОНСУЛА.—ДАНА ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ РЕСПУБЛИКИ ГЕНЕРАЛУ ЛАННУ. Еще четыре почетныя сабли были даны Генераламъ Виктору, Ватрену, Гардану и Мюрату; а потомъ множество другихъ сабель, не столь богатыхъ, было жаловано другимъ Офицерамъ, равно и почетныя ружья и шомпола для рядовыхъ, отличившихся при Маренго или въ Рейнской арміи; ибо Бонапарте былъ слишкомъ хитеръ для того, чтобы не включить Офицеровъ и солдатъ, сражавшихся подъ предводительствомъ Моро въ число тѣхъ, коимъ онъ назначалъ національныя награды; онъ даже приказалъ выбить медаль въ память вступленія Французовъ въ Минхенъ. Но въ тоже время какъ печатали о Маренго и о краткомъ Италіянскомъ походѣ официяльныя басни, и—что достойно замѣчанія—между тѣмъ какъ съ преувеличеньями объ

сывались событія, все это прикрывали притворною скромностью, оставя побѣдоносной Марсигской арміи негромкое названіе *резервной арміи*. Посредствомъ этой искусной предосторожности сохранялась честь Конституціи. Первый Консулъ ее не нарушилъ; если онъ и воевалъ, если и отваживался на все, то это было только случайно, ибо онъ не предводительствовалъ другою арміею кромѣ резервной, которую однакоже предъ выступленіемъ въ походъ онъ привѣтствовалъ именемъ *Большой Арміи*; да и кто могъ въ этомъ сомнѣваться, когда Бюлетени о томъ свидѣтельствовали? Правду сказать, я не постигалъ какъ Бонапарте, съ понятіями столь высокими, столь обширными,—могъ прибѣгать къ такимъ пустымъ, къ такимъ мелкимъ уловкамъ, столь малоспособнымъ обмануть людей, хоть нѣсколько прозорливыхъ.

Иностранцы, даже плѣнные, были предметомъ расчетливаго вниманія Наполеона. Я помню, что однажды вечеромъ онъ сказалъ мнѣ: «Бурiеннь, напиши къ Военному Министру чтобы онъ выбралъ на Версальской оружейной фабрикѣ пару отличныхъ пистолетовъ и отослалъ бы ихъ отъ моего имени къ Генералу Цаху. Онъ сегодня у меня обѣдалъ и очень хвалилъ нашу оружейную фабрику; я хочу чтобы у него осталось объ ней что нибудь на память; а при-

томъ это принесетъ пользу; объ этомъ станутъ говорить и можетъ быть слухи дойдутъ въ Вѣну. Napinin.»

Едва вѣсть о Маренгской битвѣ достигла Парижа, какъ Луціанъ Бонапарте, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ занялся приготовленіями къ празднеству, случившемуся въ самую годину 14 Іюля и долженствовавшему напомнить собою первую Федерацію. Выше было сказано, что этотъ праздникъ и день 1 Вандеміера были единственными, которые сохранило Консульское Правительство. Дѣйствительно съ давняго времени Франціи не представлялось столь много надеждъ и восторгъ Французовъ обнаруживался при Первомъ Консулѣ съ величайшею живостью. Однакожъ, посреди радостныхъ порывовъ, причиняемыхъ побѣдою и надеждами на миръ, было мѣсто и огорченію; слава Дезе, геройскій его характеръ, смерть его, баснословныя слова, ему приписанныя и считаемыя публикою истинными,—все это приводило къ чувствамъ скорби о герое Арабовъ, о праведномъ Султанѣ, о другѣ Консула. Посему вознамѣрились открыть подписку для сооруженія ему національнаго памятника.

Здѣсь я не могу удержаться, чтобы не сдѣлать замѣчанія о разницѣ того времени, о которомъ я говорю, съ тѣмъ, въ которое мы живемъ. Мы видѣли что Франція наградила почти миліономъ, дѣтей одного изъ своихъ вели-

чайшихъ ораторовъ, краснорѣчиваго защитника общественной свободы; а на памятникъ героя Дезе, едва набралось въ Парижѣ по подпискѣ двадцать тысячъ франковъ. Не знаю какимъ случаемъ остались у меня въ бумагахъ эти подписные листы. Въ заглавiи перваго я вижу Луцiана, подписавшагося на сто франковъ; а самый щедрый подписчикъ есть Г. Делессеръ на 150 франковъ. Я нахожу тамъ скромный луйдоръ Пасторета и Генерала Даву. Правда что Луцiанъ подписалъ еще и на второмъ листѣ 600 франковъ; встрѣчаю тутъ и себя въ слѣдъ за Г-жею Бонапарте: она подписалась на 500, а я на 120 франковъ. Эта скупость подписчиковъ, о которой мнѣ очень позволено говорить, потому что я самъ находился въ числѣ ихъ, не представляетъ ли странной противоположности съ патрiотическою щедростью, послѣдовавшею за смертью Генерала Фуа: я только сблизилъ между собою эти два событiя; пусть кто хочетъ выводитъ изъ нихъ заключенiя. Впрочемъ бѣдность памятника, сооруженнаго Генералу Дезе на Дофинской площади свидѣтельствуетъ о маломъ усердiи подписчиковъ. Первый Консулъ былъ этимъ недоволенъ и назвалъ именемъ Дезе новую набережную, которая была съ торжествомъ заложена 14 Iюля.

Въ этотъ день, было чрезвычайное стеченiе народа на Марсовомъ Полѣ и въ Марсовомъ

Храмѣ, какъ продолжали еще называть церковь Инвалиднаго Дома. Луціанъ произнесъ рѣчь о благонадежномъ положеніи Франціи, въ сравненіи со страшною годиною ужаса и съ постыдными временами Директоріи. Ланнъ былъ удостоенъ заслуженной имъ чести представить Правительству знамена, взятыя при Маренго; при этомъ представленіи сказалъ рѣчь, приличную его благородной и правдолюбивой искренности. Другія рѣчи были также произнесены Адъютантами Массены и Лекурба. Съ большою торжественностью роздали медали пяти инвалидамъ, признаннымъ товарищами ихъ, самыми достойными сего отличія. Послѣ сего Первый Консулъ сказалъ въ присутствіи своихъ молчаливыхъ товарищей:

«Знамена, представленныя Правительству предъ народомъ сей обширной столицы, свидѣтельствуютъ о геніѣ Главнокомандующихъ Моро, Массены и Бертье; о военныхъ талантахъ Генераловъ, ихъ сподвижниковъ и о храбрости Французскихъ солдатъ.

«Возвратясь въ лагери, скажите солдатамъ, что къ эпохѣ 1-го Вандеміера, въ которую мы празднуемъ годину Республики, народъ Французскій ожидаетъ—или мира или, буде непріятель противопоставитъ оному непреодолимыя препоны—новыхъ знаменъ, плодовъ новыхъ побѣдъ.»

Послѣ этого обращенiя Перваго Консула къ солдатамъ отъ имени народа, и въ которомъ онъ взвалилъ на Бертье славу Маренго,—своды храма огласились гимномъ, коего льстивые стихи были сочинены Г. Фонтаномъ, и коего музыка свидѣтельствовала о талантѣ Мегюля, бывшемъ тогда въ полной своей силѣ. Но при этомъ праздникѣ всего достопримѣчательнѣе было—ни поэзiя, ни музыка, ни даже льстивое краснорѣчiе Луцiана, а прибытiе на Марсово Поле послѣ церемонiи въ Инвалидномъ домѣ, Консульской Гвардiи, возвратившейся изъ Маренго. Я смотрѣлъ изъ окна Военной Школы и никогда не забуду сотрясенiя, такъ сказать электрическаго, огласившаго воздухъ радостными кликами при ея появленiи. Эти солдаты прошли мимо Перваго Консула не въ красивыхъ мундирахъ, какъ въ день смотра: отправясь съ поля сраженiя по погашенiи огней на другой день, они прошли Ломбардiю, Пiемонтъ, гору Сенисъ, Савоiю и Францiю въ двадцать девять дней; они явились украшенные утомленiемъ отъ дальняго пути, съ лицами загорѣвшими отъ Iюньскаго солнца Италiи, и съ тѣмъ разстройствомъ одежды и вооруженiя, которое свидѣтельствовало объ участiи ихъ въ смертномъ бою. Хотите ли вы имѣть о нихъ понятiе? вы можете увидѣть вѣрный образецъ ихъ въ первомъ Гренадерѣ, котораго Жераръ поставилъ

на одной сторонѣ своего Аустерлицкаго сра-
женія.

Въ эпоху этого празднества, то есть въ по-
ловинѣ Іюля, Первый Консулъ не могъ ду-
мать, чтобы умѣренныя условія, предложенныя
имъ послѣ побѣды, не были приняты Австріею.
И такъ въ надеждѣ мира, по всему казавшагося
вѣроятнымъ,—онъ созвалъ въ первый разъ по-
слѣ учрежденія Консульскаго Правленія, Депу-
татовъ изъ Департаментовъ и назначилъ сро-
комъ ихъ съѣзда въ Парижъ первое Вандеміеръ
день, разграничивавшій истекавшее столѣтіе и
великій вѣкъ, долженствовавшій начаться. Хо-
я и не много имѣю сказать объ этомъ праз-
нованіи столѣтія, но не отдѣлю онаго по-
вѣствованіемъ о другихъ происшествіяхъ от
празднества, мною описаннаго.

Тѣло великаго Тюренна, коему Лудовикъ XIV
воздалъ почесть, помѣстивъ знаменитую его
гробницу между Королевскими гробами въ Сен-
Денисскомъ склепѣ, было оттуда исторгнуто
въ святотатственную эпоху разрытія могилъ.
Бренные его остатки, перемѣшанные съ дру-
ми костями, долгое время валялись на чердакѣ
Врачебной Школы. Г. Ленуаръ, по вдохновенію
и по любви къ изящнымъ искуствамъ, извлекъ
оные изъ сего неприличнаго забвенія и поме-
стилъ ихъ въ прежнюю гробницу Тюренна въ
Музеѣ Малыхъ Августиновъ. Бонапарте возна-

вѣрился поручить охраненіе оныхъ ветеранамъ Римской славы, соорудивъ надъ ними мраморный памятникъ, въ коемъ слава Тюренна не имѣетъ нужды. Это были новые узы, коими онъ соединялъ прошедшія времена Франціи со своею собственною будущностью и онъ разумѣлъ, что чувства, внушенныя Французамъ торжественною почестью, возданною памяти Тюренна и восторженныя ораторскими преувеличеніями счастливой мысли перенесенія тѣла его въ Инвалидный Домъ,—расположатъ Департаментскихъ Депутатовъ къ принятію съ бо́льшимъ восторгомъ вѣсти о мирѣ, которую онъ надѣялся имъ сообщить.

Однакоже переговоры не приняли еще того благопріятнаго оборота, коего ожидалъ Первый Консулъ. Извѣстія, сообщенныя имъ со всевозможнымъ искуствомъ и осторожностью чрезъ посредство Луціана, были выслушаны съ безпокойствомъ; но Луціанъ оставилъ къ концу своей рѣчи въ запасѣ одну изъ тѣхъ ораторскихъ выходокъ, которыхъ Первый Консулъ столь любилъ внезапное и неожиданное дѣйствіе. Пространно описавъ усилія Правительства къ пріобрѣтенію мира, изобразивъ увертки Австріи и обвинивъ пагубное вліяніе Англіи,—онъ вдругъ возвысилъ голосъ и съ нѣкоторою торжественностью прибавилъ: «Сей часъ, въ ту самую минуту, какъ Консулы выходили изъ дворца Пра-

вительства—прибылъ курьеръ съ депешею, которую Первый Консулъ повелѣлъ мнѣ вамъ сообщить.» Послѣ сего онъ прочиталъ ноту, извѣщающую что Австрійское Правительство соглашается отдать Франціи три крѣпости Ульмъ, Филипсбургъ и Ингольштадтъ. Отдача этихъ трехъ мѣстъ подавала надежду къ скорому заключенію предварительныхъ условій; вѣсть сія была принята съ восторгомъ и чрезъ нея, этотъ день, долженствовавшій быть вовсе не радостнымъ, содѣлался однимъ изъ лучшихъ дней Перваго Консула.

ГЛАВА XV.

Австрія, связанная Англіею.—Г. Сен-Жюліенъ въ Парижѣ.—Порученіе Дюрока. — Прерванное перемиріе. — Уступка трехъ крѣпостей.—Г. Отто въ Лондонѣ.—Требованіе отдѣльнаго договора.—Обратный взглядъ на Италію.—Лихоимство.—Затрудненія при сдачѣ Генуи.—Умѣренность Перваго Консула.—Переходъ чрезъ Минчіо и чрезъ Дунай.—Перемиріе на сухомъ пути и на морѣ.—Отсроченный миръ.—Гогенлинденская битва. — Радость Наполеона.—Госпожа Моро въ Тюліери.—Женскіе толки.—Госпожа Гюло въ Мальмезонѣ.—Холодность Наполеона.—Г. Кобенцель въ Парижѣ.—Люневильскій Конгресъ.—Кларкъ. — Искусный отвѣтъ Г-на Марс.

Перемиріе, заключенное въ слѣдствіе Маренгской битвы; потомъ нарушенное и опять возстановленное,—продолжало сохраняться нѣсколько времени между арміями Рейнскою, Италіянскою и Императорскими войсками; но Австрія,

связанная полученнымъ ею денежнымъ вспомоществованіемъ двухъ миліоновъ фунтовъ стерлинговъ, не могла договариваться о мирѣ безъ соучастія Англіи; она не теряла еще надежды начать снова счастливую войну

Однакожъ Г. Сен-Жюліенъ подписалъ въ Парижѣ предварительныя условія, но Вѣнскій дворъ не утвердилъ оныхъ; и Дюрокъ, посланный Наполеономъ въ Вѣну для представленія сихъ условій на утвержденіе Императору, не былъ пропущенъ чрезъ Австрійскіе аванпосты. Этотъ неосторожный поступокъ, слѣдствіе всемогущества Англіи, по справедливости возбудилъ негодованіе Перваго Консула, представившаго доказательства наивеличайшей умѣренности и живѣйшаго желанія мира. Онъ говорилъ мнѣ: «Я имѣю нужду въ мирѣ для того чтобы устроить внутреннее управленіе (онъ не говорилъ: для пріуготовленія себѣ пути къ власти; Французы онаго желаютъ. Ты видишь предложенныя мною условія; побѣжденная Австрія получаетъ тоже что при Камио-Форміо: чего же ей еще надобно? Я могъ бы потребовать больше; но и не страшась неудачь 1799 года, я долженъ имѣть въ виду будущность. При томъ же спокойствіе мнѣ нужно для того чтобы устроить внутренность Государства и послать помощь въ Мальту и въ Египетъ. Но я не хочу быть обманутымъ . . . я скоро рѣшусь.»

Дѣйствительно Первый Консулъ, вознегодовавъ, послалъ къ Моро приказъ прервать перемирiе и возобновить непрiязненныя дѣйствiя если ему не отдадутъ мостовъ Рейна и Дуная, отдавъ ему Филлисбургъ, Ульмъ и Ингольштадтъ; тогда Австрiйцы предложили договориться съ Францiею на новыхъ основанiяхъ. Англичане хотѣли было участвовать въ Конгрессѣ, но Первый Консулъ не иначе на то соглашался какъ съ тѣмъ чтобы они подписали отдѣльное перемирiе и перестали дѣйствовать за одно съ Австрiею.

Въ предъидущей Главѣ сказано, что Первый Консулъ получилъ 25 Сентября извѣстiе о занятiи трехъ крѣпостей; это былъ день, назначенный имъ въ его окончательныхъ предложенiяхъ Англiи для возобновленiя непрiязненныхъ дѣйствiй: но на эту минуту онъ удовольствовался снисходительностью Австрiи; ибо Держава сiя, въ надеждѣ на поддержку отъ Англiи, спрашивала у него, на какихъ условiяхъ ей слѣдуетъ договариваться.

Г. Отто былъ въ Лондонѣ съ порученiемъ касательно размѣна плѣнныхъ, а между тѣмъ переговаривался съ Австрiею. Англiя и слышать не хотѣла о перемирiи на морѣ, подобномъ тому, которое Францiя заключила на сухомъ пути съ Австрiею. Она ссылалась на то, что въ случаѣ разрыва, Францiя найдетъ въ этомъ мор-

скомъ перемиріи болѣе выгодъ чѣмъ Австріи. Затрудненіе и медленность сношеній, дѣлали эти причины вѣроподобными. Первый Консулъ соглашался принять отъ Англіи другія предложенія и допустить ее къ Люневильскимъ переговорамъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы она заключила съ нимъ *договоръ* безъ посредства Австріи. Англія въ этомъ отказала, послѣ чего уже никакъ не могли сойтиться. Наскучивъ неизвѣстностью и разными увертками Австріи, покорствовавшей Англійскому вліянію, Бонапарте почувствовалъ что продолжительность такого положенія вещей непремѣнно обратится къ вреду его и прервалъ перемиріе: онъ соглашался на довольно пожертвованій, не совмѣстныхъ съ успѣхами его въ Италіи. Надежда скораго мира одна только могла заставить его забыть необъятныя выгоды, доставленныя ему побѣдою. Опишемъ въ короткихъ словахъ прошедшее.

Первый Консулъ бросилъ взоры на положеніе Италіи, на вооруженіе и продовольствіе. Онъ хотѣлъ всегда быть наготовѣ противъ дѣятельныхъ козней Англіи и противъ двуличности враговъ своихъ. Бонапарте, изъ присланныхъ ему донесеній съ негодованіемъ узналъ, что не только, подъ самыми пустыми предлогами снабдили продовольствіемъ крѣпости Италіи, но что въ слѣдствіе того безпорядка и лихоимства

ними отличалось Правительство Директорiи, соблазнъ дошелъ до такой степени, что продали часть того, что оставили въ нихъ Австрiйцы тогда какъ крѣпости сiи вдругъ достались во власть Маренгскаго побѣдителя. Многiя лица, сильно подозрѣваемыя въ участiи въ нихъ безпорядкахъ, были отозваны и лишены мѣстъ своихъ. Самыя сильныя мѣры были приняты для того, чтобы исправить это зло и воспрепятствовать его возобновленiю. Солдатъ, справедливо недовольный тѣмъ, что послѣ одержанныхъ имъ побѣдъ, съ нимъ также дурно поступаютъ, какъ и въ то время, когда невѣжество и незнанiе подвергали его неудачамъ,— съ удовольствiемъ увидѣлъ, что дѣятельное, честное управленiе положитъ конецъ его бѣдствiямъ.

Если послѣ Маренго, Первый Консулъ показалъ взыскательность касательно исполненiя заключенныхъ условiй, то обстоятельства, происшедшiя при сдачѣ Генуи, могли подать ему нѣкоторыя причины къ неудовольствiю.

Въ отдачѣ Генуи дѣйствительно произошла нѣкоторая задержка: Князь Гогенцоллернъ, котораго Меласъ оставилъ тамъ Губернаторомъ съ значительнымъ отрядомъ войскъ, не могъ рѣшиться такъ скоро выйти побѣжденнымъ изъ крѣпости, въ которую Генералъ Меласъ столь еще недавно вступилъ побѣдителемъ.

Когда Массена явился предъ Генуу для того, чтобы принять ее вновь въ свое владѣніе, то Князь отказалъ сдать ему оную. Надобно было обратиться къ Генералу Меласу. Правота, показанная этимъ Генераломъ въ столь многихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, тутъ не измѣнилась. Онъ приказалъ Князю Гогенцоллерну немедленно исполнить договоръ, угрожая подвергнуть его послѣдствіямъ, которыя могъ навлечь отказъ его. Пришлось повиноваться и итти по той же дорогѣ, по которой шла уже Австрійская армія, то есть отступить за Минчіо. Первый Консулъ закрылъ глаза на это затрудненіе.

Не только не уваживъ умѣренности, которой Первый Консулъ не переставалъ представлять доказательства,—Австрія и Англія казалось увеличили только свою смѣлость. Съ этой минуты былъ отданъ приказъ возобновить наступательныя дѣйствія въ Германіи и въ Италіи и тогда-то война опять началась.

Перевѣсъ фортуны долго былъ сомнителенъ. Послѣ неудачи, Австрія обѣщала; послѣ успѣха она уклонялась отъ своего обѣщанія; но наконецъ фортуна объявила себя за Францію. Французскія арміи въ Италіи и въ Германіи перешли—одна чрезъ Минчіо, а другая чрезъ Дунай и знаменитая Гогенлинденская битва довела Французскіе аванпосты за десять миль

отъ Вѣны. Эта побѣда доставила миръ, ибо, слишкомъ хорошо наученный прошедшимъ, первый Консулъ не хотѣлъ и слышать о перемирiи до тѣхъ поръ, пока Австрiя не согласится на заключенiе отдѣльнаго договора: довершенная до послѣдней крайности Австрiя, принужденною нашлась уступить и оставила Англiю. Британскiй кабинетъ, хотя и давшiй два милiона фунтовъ стерлинговъ денежнаго пособiя,—согласился на это разлученiе.

Великобританiя была къ сему преклонена положенiемъ, въ которое послѣднiе успѣхи Моро привели Австрiю и слишкомъ было очевидно, что дальнѣйшее сопротивленiе могло довести послѣднюю до вѣрной гибели, что было бы противно ея выгодамъ.

Англiя, какъ выше видѣли, требовала допущенiя къ Люневильскимъ переговорамъ. Первый Консулъ на это соглашался; но замѣтивъ, что Англiя старается только обмануть его, онъ потребовалъ, чтобы она прекратила непрiязненныя дѣйствiя съ Францiею, также какъ сдѣлала Австрiя. Первый Консулъ весьма разсудительно ссылался на то, что такое перемирiе неопредѣлительное на твердой землѣ, будетъ болѣе неблагопрiятно для Францiи, чѣмъ продолжительное перемирiе на морѣ причинило бы вреда Англiи. Все это отсрочило

заключеніе предварительныхъ условій до 1801, а миръ до 1802 года.

Легко себѣ представить живѣйшее нетерпѣніе Перваго Консула въ продолженіе увертокъ Австріи и козней Англіи; ему извѣстны были всѣ замыслы, устроиваемые для возстановленія Бурбоновъ. А посему можно посудить какъ велика была его радость, когда Гогенлинденская битва, всею тяжестью своею наклонила на его сторону вѣсы фортуны (*). При этихъ то, еще сомнительныхъ обстоятельствахъ, Моро одержалъ 3 Декабря 1800 года эту достопамятную побѣду, положившую конецъ недоумѣніямъ Вѣнскаго кабинета.

6 Декабря Первый Консулъ получилъ извѣстіе о Гогенлинденской побѣдѣ. Это было въ Суботу: онъ пріѣхалъ изъ театра въ ту минуту, какъ я вручилъ ему депешу; радость его была такъ велика, что онъ вспрыгнулъ и упалъ на меня, что помѣшало ему повалиться на полъ. Я долженъ сказать что онъ не ожидалъ столь важнаго послѣдствія искусныхъ движеній Рейнской арміи. Эта побѣда давала новый вѣсъ

(*) Накануне Гогенлинденскаго сраженія, Моро ужинал[illegible] своими Адъютантами и со многими Генералами; ему [illegible] посятъ депешу. Прочитавъ ее, онъ хоть и не имѣлъ [illegible] вычки хвастать, а сказалъ своимъ гостямъ: «Меня [illegible] щаютъ о движеніи, сдѣланномъ Барономъ Краемъ. Я [illegible] го только и желалъ. Завтра мы возьмемъ у него де[illegible] тысячъ человѣкъ.»—Моро взялъ у него сорокъ тысячъ [illegible] множество знаменъ.

переговорамъ его о мирѣ и рѣшила открытiе Люневильскаго Конгресса, происшедшее 1 числа слѣдующаго Генваря мѣсяца.

При вѣсти объ одержанiи Гогенлинденской побѣды, Госпожа Моро поспѣшила во дворецъ дабы увидѣть Перваго Консула и Госпожу Бонапарте. Она являлась туда неоднократно не будучи приглашена. Въ послѣднiй разъ прiѣхала она съ матерью своею Г-жею Гюло. Долгое время ждала она тщетно и наконецъ, сбираясь уже уѣхать, мать ея не могла скрыть своей досады и сказала очень громко въ гостиной при мнѣ и при многихъ другихъ домашнихъ Наполеона, что *женѣ Гогенлинденскаго побѣдителя неприлично такимъ образомъ ждать.* Эти рѣчи дошли куда слѣдовало. Г-жа Моро въ скоромъ времени отправилась къ мужу своему въ Германiю. Г-жа Гюло, черезъ нѣсколько времени послѣ того, опять прiехала въ Мальмезонъ просить о производствѣ старшаго своего сына, въ послѣдствiи умершаго, который служилъ во флотѣ. Iозефина очень хорошо приняла Г-жу Гюло и пригласила ее остаться обѣдать также какъ и Господина Карбоне, ея знакомаго, сопровождавшаго ее въ Мальмезонъ. Первый Консулъ, увидѣвшiй ее только за обѣдомъ, обошелся съ нею весьма сухо, говорилъ съ нею очень мало и послѣ обѣда оборотился къ ней спиною. Это поведенiе такъ было разительно, что Iозефина, всегда прево-

сходная, сочла обязанностью оправдать Перваго Консула, сказавъ что онъ *озабоченъ неприбытіемъ курьера, котораго замедленіе его тревожило.*

Бонапарте не питалъ никакой непріязни къ Моро потому что онъ его не боялся; и послѣ Гогенлинденскаго сраженія, онъ лучше о немъ отзывался, не скрывая даже что онъ многимъ ему былъ обязанъ въ этомъ важномъ случаѣ; но онъ не могъ терпѣть семейство жены его, которое онъ называлъ толпою проныръ.

Какъ бы то ни было, а по назначенія города Люневиля мѣстомъ для Конгресса, Первый Консулъ послалъ Іосифа договариваться съ Графомъ Лудвигомъ Кобенцелемъ. Іосифъ встрѣтилъ Графа на дорогѣ, ѣхавшаго въ Парижъ для того чтобы вывѣдать расположеніе Французскаго Правительства и сдѣлать первый приступъ къ переговорамъ. Іосифъ воротился съ нимъ туда обратно. Переговоривъ съ Первымъ Консуломъ касательно мира, они на другой же день отправились въ Люневиль, куда Бонапарте назначилъ Губернаторомъ Генерала Кларка, который непремѣнно хотѣлъ чѣмъ нибудь быть и не переставалъ его мучить. Это, очень пустое назначеніе его удовлетворило.

Черезъ день по полученіи этого благопріятнаго извѣстія, Г. Маре привезъ по обыкновенію около четырехъ часовъ къ Первому Кон-

слу для подписанiя бумаги, составленныя по опредѣленiю Совѣта. Подписывая и не поднимая головы, Первый Консулъ сказалъ Г-ну Маре, котораго службою онъ былъ доволенъ и который стоялъ по правую его сторону съ бумагами. «Богатъ ли ты Маре? — Нѣтъ Генералъ. —Тѣмъ хуже: надобно быть независимымъ.— Генералъ, я хочу зависѣть только отъ васъ.» Тогда Первый Консулъ, взглянувъ на Маре, сказалъ: «Гмъ! не дурно!» А когда Статсъ-Секретарь вышелъ, то Бонапарте замѣтилъ мнѣ: «Маре не глупъ: онъ искусно отвѣчалъ.»

ГЛАВА XVI.

Миръ между Франціею и Австріею.—Неудачные обороты Іосифа Бонапарте на Биржѣ.—Счастливый и странный союзъ Талейрана.—Пересылка чрезъ почту.—Необходимость имѣть хорошій столъ.—*Эдуардъ въ Шотландіи.*—Вліяніе дѣвицы Конта.—Снисходительность Цензуры.—Неудовольствіе Наполеона.—*Передняя.*—Лакейскія ливреи и Гревская площадь.—Исключеніе со сцены нѣсколькихъ піесъ.—Бонапарте въ Сен-Кантенѣ.—Я остаюсь въ Парижѣ.—Возвращеніе Перваго Консула.—Пароходы.—Фултонъ.—Ложное мнѣніе Наполеона.—Смерть Императора Павла I-го.—Уничтоженные замыслы.—Новыя мысли о Польшѣ.—Дюрокъ въ Петербургѣ.—Отвергнутое предложеніе.—Смерть Аберкромби.—Истина и льстецы.

---

9 Февраля 1801, черезъ шесть недѣль послѣ открытія Люневильскаго конгресса, миръ былъ подписанъ между Австріею и Франціею. Плодъ

побѣдъ при Маренго и при Гогенлинденѣ, миръ сей возстановилъ Францiю въ то почетное положенiе, которое разстроили: Правительство Пентархiи, его слабость, неспособность и неудачи 1799 года. Миръ сей, названный въ договорѣ, по обыкновенiю *вѣчнымъ*, продолжился четыре года: и это еще очень много.

Iосифъ Бонапарте, производя Люневилѣ переговоры для Францiи,—занимался на Биржѣ извлеченiемъ выгодъ изъ возвышенiя курса, долженствовавшаго, по его мнѣнiю произойти черезъ этотъ миръ. Люди, болѣе искусные, знавшiе подобно ему тайну, продали свои фонды въ ту минуту, какъ была прiобрѣтена увѣренность о мирѣ, а Iосифъ накупилъ множество ихъ для того чтобы продать съ барышемъ при подписанiи мира. Но новость распространилась и курсъ упалъ; потеря Iосифа была значительна и онъ не могъ удовлетворить обязательствамъ, въ которыя вовлекли его, жадные и глупые расчеты: онъ обратился къ брату, который не хотѣлъ и не могъ дать ему необходимую сумму. Наполеону однакожъ очень было больно видѣть старшаго своего брата въ такомъ затрудненiи и онъ спросилъ у меня что дѣлать. Я отвѣчалъ, что не знаю; но предложилъ ему обратиться къ Г. Талейрану, отъ котораго онъ часто получалъ хорошiе совѣты; онъ это сдѣлалъ. Г. Талейранъ

сказалъ ему съ обыкновеннымъ своимъ хладнокровіемъ: «Какъ! только то? это ничего не значитъ. . . . совершенно ничего не значитъ; тутъ нечего и безпокоиться; стóитъ только поднять курсъ фондовъ.—Но деньги! — Деньги не трудно достать; заложите что нибудь въ Заемную Контору и вы получите деньги для того чтобы поднять цѣну фондовъ; они возвысятся, Іосифъ продастъ ихъ и получитъ барышъ. Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія.» Все удалось какъ предвидѣлъ Г. Талейранъ. Я долженъ здѣсь сказать однажды навсегда, чтобы имѣть настоящее понятіе о всѣхъ разговорахъ Г. Талейрана,— надобно знать его способъ выраженія, непринужденность, непоколебимое хладнокровіе, неизмѣнныя черты лица недоступныя никакому волненію и обширный умъ его. Разсказъ, а тѣмъ еще менѣе тисненіе, не въ состояніи передать всѣхъ этихъ оттѣнковъ.

Въ продолженіе Конгресса, Первый Консулъ, узнавъ, что курьеры возятъ множество разныхъ вещей а въ особенности лакомыя рѣдкости для стола главныхъ сановниковъ, отдалъ приказаніе, чтобы впредь курьеры не возили ничего кромѣ депешей. Въ тотъ же вечеръ Камбасересъ вошелъ въ комнату, гдѣ мы были одни съ Первымъ Консуломъ, который заранѣе смѣялся надъ тѣмъ, какъ будетъ тужить объ этомъ его товарищъ. «Что тебѣ нужно, Камбасерес

въ такой необыкновенный часъ?—Я прiѣхалъ просить для себя исключенiя на счетъ приказа, отданнаго Почтдиректору. Какъ теперь прiобрѣтать себѣ друзей, если не станешь угощать ихъ рѣдкими блюдами? Вамъ самимъ извѣстно, что управленiе, большею частью производится посредствомъ хорошихъ обѣдовъ.»—Бонапарте очень смѣялся и наконецъ сказалъ, потрепавъ его по плечу: «Утѣшься, мой бѣдный Камбасересъ и не сердись; курьеры будутъ по прежнему возить твои индѣйки съ трюфелями, твои Страсбургскiе пироги, Маннцскiе окорока и куропатки.»

Кто бывалъ на обѣдахъ у Камбасереса и у нѣкоторыхъ другихъ особъ, кто слыхалъ, что почти всѣ разговоры тогдашняго времени имѣли предметомъ роскошь этихъ обѣдовъ и изысканность блюдъ, кто знаетъ, съ какими расчетами дѣлались приглашенiя,—тотъ убѣдится въ сильномъ влiянiи, производимомъ хорошимъ обѣдомъ на политическiя дѣла. Не ужели умъ и мнѣнiя зависятъ отъ желудка? Камбасересъ не ошибся, чтобы могло существовать хорошее правительство безъ отличнаго стола и полагалъ славу свою (ибо у всякаго есть своя слабость) въ томъ, чтобы во всемъ Парижѣ и даже въ Европѣ хвалили его кухню: для него, пиръ, заслужившiй всеобщую похвалу, былъ *Маренго* и *Фридландъ*.

Въ концѣ Февраля дали во Французскомъ Театрѣ, представленіе *Едуарда въ Шотландіи*, сочиненія Дюваля; Роялисты и Эмигранты толпою бросились въ театръ, и сдѣлали множество примѣненій къ Бурбонамъ. Піеса имѣла большой успѣхъ: она его заслуживала. Когда *Едуардъ въ Шотландіи* былъ одобренъ Театральною Дирекціею, то ожидали затрудненій со стороны Цензуры касательно дозволенія его представить. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сначала не очень былъ расположенъ дать оное. Г-на Шанталя поручили убѣждать Г-ну Маре и дѣвицѣ Конта, которая восхищалась этою піесою. Ее дѣйствительно нельзя было похулить не показавъ себя человѣкомъ безъ вкуса и безъ всякихъ чувствъ. Въ продолженіе этихъ кулисныхъ переговоровъ, Первый Консулъ отправился въ Сен-Кантенъ для того чтобы осмотрѣть тамошній каналъ и извлечь изъ него хоть какую либо пользу. И такъ піеса была сыграна во время его отсутствія. Я оставался въ Парижѣ и писалъ къ нему по два раза въ день. Я посылалъ къ Первому Консулу противорѣчащія донесенія объ этой піесѣ: одни полагали что должно запретить представленіе оной, считая ее опасною по примѣненіямъ, къ которымъ она давала поводъ; другіе, въ числѣ коихъ я находился,—совѣтовали ему оставить піесу на театрѣ, не обращая вниманія на всѣ эти пре-

мѣненія, которыми наполнены столь многія комедіи и трагедіи; ибо принявъ систему запрещеній, слѣдовало бы обезобразить всѣ наши образцовыя произведенія или никогда не представлять ихъ. Первый Консулъ, по возвращеніи своемъ, склонялся было къ послѣднему изъ этихъ мнѣній, согласному съ дозволеніемъ, даннымъ его Министромъ. Онъ приказалъ вторично представить *Едуарда въ Шотландіи*; я поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ; онъ былъ недоволенъ многочисленными рукоплесканіями, произведенными разными намеками: дѣйствительно эти рукоплесканія были не неумышленны и слишкомъ продолжительны. Приписавъ ихъ своему присутствію, онъ принялъ строгій видъ. Я замѣтилъ ему, что эти же самыя рукоплесканія раздавались и въ первое представленіе, на которомъ я находился.—«Это ужъ слишкомъ, говорю я тебѣ; не хочу чтобы ее играли.» И сѣвъ въ карету онъ началъ ворчать: «Какъ эта Цензура глупа, что одобрила такую піесу! За чѣмъ дозволять представленіе политическихъ піесъ не спросясь у меня? Видано ли это гдѣ нибудь. Я не хотѣлъ чтобы играли *Охоту Генриха IV*, а ты согласишься, милый мой, что тутъ большая разница.» Покричали, но безполезно и мнѣ кажется, что Г. Дюваль былъ принужденъ выѣхать изъ Франціи.

Черезъ нѣсколько времени послѣ *Едуарда въ*

Шотландіи, представили въ Комической Оперѣ піесу, подъ названіемъ *Передняя*. Нашли будто бы въ ней есть намеки на Консуловъ. Вопервыхъ одинъ изъ лакеевъ говорилъ: *Я на службѣ*; другой отвѣчалъ: *И я также, мы сотоварищи*. Въ донесеніяхъ было прибавлено что передразнивали ухватки Перваго Консула; наконецъ что лакейскія ливреи въ піесѣ были насмѣшливымъ подражаніемъ Консульскимъ мундирамъ.—«Вотъ сказалъ мнѣ Первый Консулъ, «піеса подъ парукъ *Едуарду*; цензура ни за чѣмъ не смотритъ. Это не можетъ такимъ образомъ продолжаться.»

Шапталь утверждалъ что онъ вовсе не зналъ объ этой піесѣ: открылось что ее разсматривалъ одинъ изъ низшихъ чиновниковъ. Г. Арно, извѣстный столь выгоднымъ образомъ, былъ тогда Начальникомъ Отдѣленія въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ; упреки обращались нѣсколько на него. Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели, его родственникъ, избавилъ его посредствомъ своего вліянія отъ небольшихъ нападковъ, возбуждаемыхъ противъ него Камбасересомъ. Первый Консулъ приказалъ осмотрѣть ливреи лакеевъ *Передней*.—«Если тутъ въ самомъ дѣлѣ есть подражаніе, то одѣть ихъ въ эти ливреи на Гревской площади и потомъ палачу изорвать оныя.»

Бонапарте хотѣлъ было излить свое негодованіе противъ Г. Дюпати, автора піесы; но заблужденіе скоро обнаружилось: піеса была со-

чинена до Консульства и ливреи оной не имѣли никакого подобiя съ Консульскою одеждою. Г. Дюпати возвратился въ Парижъ и опять прiобрѣлъ милостивое расположенiе, котораго ему никогда не слѣдовало бы лишаться.

Эту самую пiесу сыграли опять чрезъ долгое послѣ того время подъ названiемъ *Пикаро и Дiего.*

Эти два происшествiя побудили льстецовъ просить о запрещенiи многихъ изъ нашихъ образцовыхъ произведенiй;—они не хотѣли ни *Меропы,* ни *Танкреда,* ни *Тартюфа,* ни *Смерти Цесаря,* ни начальныхъ стиховъ трагедiи *Гераклiй.* Поручили нанятымъ для сего стихотворцамъ сдѣлать странныя перемѣны въ пiесахъ великихъ поэтовъ и *Гераклiй* явился на сцену изувѣченный. Не хотѣли прогнѣвить властелина, возбуждая въ публикѣ участiе къ изгнанникамъ и огорчить вновь возстановленное духовенство, позоря ханжество. Пiеса, коей представленiе Первый Консулъ наиболѣе любилъ была: *Цинна,* по причинѣ длинной и прекрасной въ ней рѣчи противъ народной власти.

Первый Консулъ бралъ съ собою въ Сен-Кантенъ государственныхъ людей, способныхъ дать ему хорошiе совѣты. Я спросилъ у него будетъ ли этотъ каналъ когда либо приведенъ къ окончанiю или онъ всегда будетъ только по-

сить одно имя канала? «Я все осмотрѣлъ,» отвѣчалъ онъ мнѣ, «и былъ подъ сводомъ. Вездѣ все обрушивается потому что ничего не кончено; мнѣ даже показалось, что при этой постройкѣ не было никакого опредѣлительнаго плана. Надѣюсь, что отданныя мною приказанія прекратятъ недоумѣніе, въ которомъ находятся касательно проведенія этого канала.»

Въ началѣ 1801 года Фультонъ представилъ проэктъ свой о пароходахъ (*). Я настаивалъ, чтобы Первый Консулъ приказалъ надлежащимъ образомъ разсмотрѣть его. «Вотъ еще,» возразилъ онъ, «всѣ эти выдумщики, всѣ эти изобрѣтатели проэктовъ—или плуты или мечтатели: не говори мнѣ объ этомъ.» Я замѣтилъ ему, что Фультонъ только возобновитель изобрѣтенія, уже извѣстнаго; что Франклинъ еще въ 1788 году писалъ къ одному доктору, своему пріятелю: «что на счетъ физическихъ наукъ «на ту минуту нѣтъ ничего новаго кромѣ суда, движимаго паровою машиною, которое ходитъ противъ теченія. Полагаютъ что устроеніе онаго можетъ быть приведено въ простѣйшій видъ и усовершенствовано такъ, что принесетъ всеобщую пользу;» что открытіе этой силы сдѣлано очень уже давно и что не слѣ-

(*) Видя теперь многочисленные пароходы, доставляющіе удобное сообщеніе между Европою и Америкою, можно посудить, справедливо ли было назвать попытки и опыты Фультона замыслами плута или мечтателя.

довало безъ разсмотрѣнія отвергать старинную выдумку, не приведенную еще въ исполненіе. Онъ и слышать не хотѣлъ. Такимъ образомъ было на нѣсколько времени отложено предпріятіе, долженствовавшее имѣть столь великое вліяніе на промышленость и на систему мореплаванія. Это самое обстоятельство часто возобновляется; не должно слишкомъ недовѣрять людямъ, представляющимъ новыя изобрѣтенія; никто не принуждаетъ насильно принимать ихъ выдумки, но ничто не оправдываетъ отказъ разсмотрѣнія оныхъ.

Фультонъ уѣхалъ въ Америку и употребивъ въ пользу всѣ свѣдѣнія, пріобрѣтенныя имъ въ Англіи и во Франціи, онъ черезъ пять лѣтъ послѣ того построилъ въ Нью Іоркѣ первый пароходъ, коего опытъ былъ удаченъ. Мы бы могли многими годами прежде воспользоваться этимъ способомъ мореходства, принесшимъ столь много пользы промышлености.

Императоръ Павелъ I скончался въ ночи съ 24 на 25 Марта сего года. Извѣстіе о его смерти сильно огорчило Перваго Консула и, повинуясь тяжкому чувству, возбужденному въ немъ кончиною сего Государя, долженствовавшею имѣть столь большое вліяніе на его политику, онъ тотчасъ приказалъ мнѣ послать объявленіе объ оной для напечатанія въ Монитёрѣ.

Дружественныя отношенія между Императо-

ромъ Павломъ и Наполеономъ, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе утверждались. Бонапарте говорилъ мнѣ: «Я былъ увѣренъ, что совокупно съ Русскимъ Царемъ нанесу смертельный ударъ владычеству Англичанъ въ Индіи; смерть его разрушаетъ всѣ мои замыслы.»

Система его относительно Россіи, перемѣнилась по кончинѣ Павла. Мысль о войнѣ съ этимъ Государствомъ безпрестанно ему представлялась и конечно тогда уже вкореняла въ головѣ его замыселъ роковаго похода въ Россію.

Дюрокъ былъ посланъ въ Петербургъ поздравить ИМПЕРАТОРА Александра съ восшествіемъ на престолъ. Онъ прибылъ въ Петербургъ 24 Маія. Извѣстно сколько Дюрокъ, бывшій тогда еще очень въ молодыхъ лѣтахъ, нравился Первому Консулу. Холодный, скромный, честный, осторожный, онъ никогда не безпокоилъ Наполеона своими просьбами. Онъ мало былъ расположенъ о комъ либо ходатайствовать или испрашивать для кого либо милости; но я долженъ отдать ему справедливость, что онъ с жаромъ защищалъ права всякаго, если оня казались ему непризнаваемыми. Дюрокъ также с благородствомъ и силою отвергалъ обвиненія, когда былъ убѣжденъ въ ихъ лживости. Эти нравственныя качества, соединяясь съ привлекательною наружностью и съ пріятнымъ обхожденіемъ, дѣлали его отличнымъ человѣкомъ.

Въ продолженіе 1801 года произошло пагубное учрежденіе особыхъ судилищъ (tribunaux spéciaux) не оправдываемое, ни важностью, ни опасностью обстоятельствъ. Въ этотъ же годъ возстановлена Африканская компанія, утвержденъ Люнедильскій договоръ, увеличившій выгоды, пріобрѣтенныя уже Франціею отъ Кампо-Формійскаго трактата и, чрезъ посредство Луціана, заключенъ миръ между Испаніею и Португаліею. Говоря объ этомъ мирѣ, я долженъ сказать, что Португалія, желая получить Оливенцу съ принадлежащими къ оной землями, предложила одну рукою Наполеону черезъ меня, восемь милліоновъ, если онъ будетъ содѣйствовать своею властью къ отдачѣ этого города Португаліи. Онъ съ негодованіемъ отвергнулъ это предложеніе, объявивъ что никогда не согласится предавать честь за деньги: а его обвиняли будто бы онъ принялъ въ Пассеріано этого рода предложеніе, которое какъ въ ту эпоху видѣли, вовсе даже не было ему сдѣлано. Тѣ, которые обвиняли его въ такомъ лихоимствѣ, конечно мало знали непреклонность нравъ его въ этомъ отношеніи.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1801 года, однажды вечеромъ была получена въ Мальмезонѣ Англійская *Придворная Газета*, въ которой объявлялось о бѣгствѣ высадки въ Египетъ арміи подъ предводительствомъ Аберкромбія; о данномъ Англичана-

ми сраженіи и о смерти сего Генерала. Я тотчас перевелъ эту статью и представилъ ее Первому Консулу въ полномъ убѣжденіи, что эта новость очень огорчитъ его. Важность сего извѣстія, заставила его усомниться въ истинѣ онаго: покрайней мѣрѣ онъ по наружности это показалъ. Всѣ присутствовавшіе при томъ Офицеры и Адъютанты начали единогласно тоже утверждать, особенно Ланнъ, Бессіеръ и Дюрокъ. Они вѣроятно думали угодить Первому Консулу, который сказалъ мнѣ шутливымъ голосомъ: «Ты вѣрно не знаешь по Англійски; а притомъ ты всегда скорѣе готовъ вѣрить дурнымъ вѣстямъ, чѣмъ хорошимъ.» Слова сіи и одобрительная улыбка этихъ господъ меня разсердили и я съ досадою сказалъ: «Какъ, Генералъ, вы можете думать, что Англійское Правительство станетъ офиціяльно объявлять о событіи, столь важномъ и столь необычайномъ, что даже вы сами усомнились въ истинѣ онаго. Вы хотите, чтобы Правительство обязанное къ себѣ уваженіемъ, рѣшилось лгать передъ Европою о такихъ вещахъ, которыхъ истина не можетъ долго время оставаться неизвѣстною! Случилось ли хоть разъ чтобы такое важное извѣстіе, какъ это, оказалось ложнымъ, будучи объявлено въ *Придворной Газетѣ*? Что ни говорятъ эти господа, а я считаю его справедливымъ и смѣхъ ихъ, къ несчастію меня не разувѣритъ.» Пос-

сдѣланныхъ оптимистами и льстецами еще нѣсколькихъ колкихъ замѣчаній, Первый Консулъ всталъ и сказалъ мнѣ: *Пойдемъ, Буріеннъ, пойдемъ работать.* Идучи же изъ гостиной въ библіотеку, онъ прибавилъ: «Вотъ ты какой: какъ можно сердиться за такую бездѣлицу? Боже мой! я слишкомъ вѣрю этому извѣстію, я слишкомъ его боялся; но они хотятъ сдѣлать мнѣ удовольствіе показывая видъ что въ этомъ сомнѣваются. Дай имъ волю: ты ихъ знаешь.— Если такъ, то прошу у васъ прощенія; но я думаю лучше доказать вамъ мою привязанность говоря вамъ то что я считаю за истину: вы сами приказываете ни минуты не медля докладывать вамъ дурныя вѣсти. Гораздо хуже будетъ скрывать ихъ отъ васъ.»

ГЛАВА XVII.

Царское дѣйствіе.—Лудовикъ Бурбонъ и Марія-Луиза Испанская.—Основаніе Королевства Этрурскаго.—Графъ Ливорнскій въ Парижѣ. — Данныя Министрами празднества.—Изящный вкусъ Г. Талейрана. — Первый пріѣздъ Графа Ливорнскаго въ Мальмезонъ.—Разборчивая внимательность Наполеона.—Представленіе *Эдипа*.—Сужденіе Наполеона о Королѣ Этрурскомъ.—Жена, вразумляющая своего мужа.—Праздникъ Г-жи Монтессонъ.—Неудовольствіе Перваго Консула.—Отъѣздъ Короля и Королевы во Флоренцію.—Дурной пріемъ. — Переговоры съ Папою.—Мнѣніе Бонапарте о вѣрѣ.—Кардиналъ Гонзальви.—Молебенъ въ Соборѣ Богородицы.—Неприличія въ церкви. — Безвѣріе Консульскаго двора.—Отзывъ Ожеро.—Первая обѣдня въ Сен-Клу.—Обѣдня во внутреннихъ покояхъ. — Г. Талейранъ разрѣшенъ отъ духовнаго обѣта.—Назначеніе меня въ Государственный Совѣтъ.

Прежде возложенія на чело свое двухъ царскихъ вѣнцевъ, Бонапарте счелъ полезнымъ для своей политики надѣть корону на главу При-

ра и даже Принца Бурбонскаго дома. Ему очень пріятно было пріучать Французовъ видѣть Королей. Послѣдствія покажутъ, что онъ давалъ скипетры также какъ и свою довѣренность, т. е. условно, будучи всегда готовъ разрушить свое собственное дѣло, когда оно становилось преполою къ исполненію его честолюбивыхъ замысловъ.

Въ Маѣ 1801 года, Инфанта Испанская, Марія Луиза, третья дочь Карла IV и Инфанты Пармской, пріѣхала въ Парижъ. Инфантъ Лудовикъ Бурбонъ, старшій сынъ Герцога Пармскаго, отправился въ 1798 году въ Мадритъ съ тѣмъ, чтобы вступить въ бракъ съ Маріею-Амиліею, сестрою Маріи-Луизы. Но Принцъ влюбился въ сію послѣднюю. Годой благопріятствовалъ этой склонности и употребилъ всю власть свою къ устроенію этого брака. Рожденному черезъ шесть лѣтъ послѣ того сыну дали имя Короля Испанскаго— Карлъ-Лудовикъ. Франція занимала Герцогство Пармское, которое по условіямъ, подписаннымъ Луціаномъ Бонапарте, долженствовало перейти къ сей державѣ по смерти царствующаго Герцога. Франція, со своей стороны, уступала Принцу, сыну Герцога Пармскаго, Великое Герцогство Тоскану. Испанія заплатила по условію значительную сумму. Чрезъ нѣсколько времени по объявленіи сего договора Дону Лудовику и его

супругѣ, они оставили Мадритъ и поѣхали чрезъ Францію; Принцъ принялъ имя Графа Ливорнскаго. Изъ всѣхъ донесеній того времени видно, что въ продолженіе путешествія, имъ оказывалось всевозможное уваженіе. Тогда еще не предвидѣли, что семейство ихъ нѣкогда сдѣлаетъ эту же самую поѣздку но со всѣмъ при иныхъ обстоятельствахъ, которыя, скрываясь въ будущемъ, долженствовали произвесть временное ниспроверженіе Дома, который въ ту эпоху давалъ Государя Тосканѣ. Помнятъ блистательныя празднества, данныя въ Парижѣ юнымъ супругамъ. Въ особенности отличался пиръ, данный Г. Талейраномъ въ Нёльи (*). Журналы того времени наполнены подробностями, которыя нынѣ не будутъ уже имѣть той же занимательности.

Всѣ согласились что на праздникѣ, данномъ 8 Іюня, царствовала та изящность, то благородство и простота, та незамѣтная во всемъ изысканность, наконецъ то согласіе въ цѣломъ, которые были видны во всемъ, что дѣлалъ Г. Талейранъ. Юному Королю были также даны прекрасные праздники Министромъ Внутрен-

(*) Прекрасный домъ, тогда имъ занимаемый, принадлежалъ въ послѣдствіи Г-жѣ Мюратъ. Нынѣ соединенные Нёльи и Виліе, составляютъ безподобное помѣстье, принадлежащее Герцогу Орлеанскому. Оно такъ украшено, что его нельзя узнать, не смотря на то что и Г-жа Мюратъ сдѣлала для онаго значительныя издержки.

лихъ Дѣлъ и Министромъ Военнымъ; этотъ послѣднiй былъ данъ въ день Маренгской битвы. Король и Королева Этрурскiе нѣсколько разъ прiѣзжали обѣдать въ Мальмезонъ. Король однажды упалъ тамъ въ обморокъ: онъ приписывалъ этотъ недугъ слабости желудка, но люди его шептали, что у него падучая болѣзнь.

При первомъ посѣщенiи, которое Графъ Ливорнскiй долженствовалъ сдѣлать Первому Консулу въ Мальмезонѣ, Наполеонъ вышелъ на минуту изъ своего кабинета. Онъ хотѣлъ посмотрѣть хорошо ли приготовлена зала для принятiя Принца. Онъ почти тотчасъ воротился назадъ и со встревоженнымъ видомъ, съ досадою сказалъ мнѣ: «Бурiеннъ, вообрази себѣ какъ они глупы? они было повѣсили на глаза Принцу картину, на которой я изображенъ указывающимъ съ высоты Альпъ на Ломбардiю и повелѣвающимъ завоевать оную. Я тотчасъ приказалъ ее снять: это было бы слишкомъ неприлично.»

Одна изъ картинъ изображала Перваго Консула лежащаго на снѣгу и спящаго на вершинѣ Альпъ предъ Маренгскою битвою.

Прiѣздъ Графа Ливорнскаго въ Парижъ принесъ славы первымъ годамъ владычества Наполеона, *который*, какъ вездѣ говорили, *жаловалъ Короли, а самъ не хотѣлъ быть онымъ.*

При представленіи Эдипа, съ восторгомъ рукоплескали извѣстному стиху Филоктета, выражающему туже мысль:

J'ai fait des Souverains, et n'ai pas voulu l'être.

Первый Консулъ, по возвращеніи изъ театра, не скрывалъ своего удовольствія: онъ думалъ видѣть въ этихъ рукоплесканіяхъ забвеніе изданной по его волѣ книжки.

Притомъже онъ не былъ равнодушенъ и къ пріему, сдѣланному публикою Государю, коронованному его рукою: это было началомъ привычки видѣть изгнаный изъ Франціи санъ. Онъ съ большимъ удовольствіемъ замѣчалъ дѣлаемыя новому Монарху привѣтствія и былъ очень любезенъ съ этими Августѣйшими особами. Этотъ Король, столь хорошо принятый, столь хорошо угощенный, хотя онъ былъ человѣкъ очень обыкновенной,—уѣхалъ наконецъ въ Италію. Я назвалъ его обыкновеннымъ человѣкомъ не потому чтобы я могъ сдѣлать такое объ немъ заключеніе изъ моихъ съ нимъ разговоровъ; но Первый Консулъ увѣрялъ меня, что онъ очень ограниченъ, что ему тягостно взять въ руки перо, что онъ думаетъ только о своихъ удовольствіяхъ; наконецъ что онъ бѣдный человѣкъ.

Однажды Первый Консулъ, проведя нѣсколько часовъ наединѣ съ двумя супругами, сказалъ мнѣ по возвращеніи домой: «Онъ мнѣ надоѣлъ

настоящiй автоматъ. Я ему сдѣлалъ множество вопросовъ и онъ ни на одинъ не могъ отвѣчать; онъ казалось совѣтовался со своею женою, которая сколько могла старалась разучлять его что слѣдуетъ отвѣчать.» Первый Консулъ прибавилъ: «Этотъ бѣдный Принцъ будетъ, самъ не зная что онъ тамъ будетъ дѣлать.» Я замѣтилъ ему что жаль ввѣрять такому Государю народъ Тосканы. Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Политика того требовала; а притомъ не грѣхъ показать молодежи, невидавшей Королей, каковы они.» Принцъ оправдалъ въ Тосканѣ мнѣнiе внушенное имъ о себѣ Первому Консулу.

Графъ Ливорнскiй былъ обязанъ природѣ и полученному имъ воспитанiю, за недостаткомъ способовъ, нами въ немъ замѣченный; онъ дѣйствительно былъ сущiй ребенокъ. Первый Консулъ зналъ черезъ своихъ приближенныхъ обо всѣхъ ребячествахъ Принца, дѣлаемыхъ имъ при посѣщенiи Мальмезона; самъ онъ видалъ ихъ, потому что всегда въ это время занимался. Я былъ свидѣтелемъ сожалѣнiя о томъ, что молодой человѣкъ, одаренный прекраснѣйшими наружными качествами, долженствовалъ управлять страною, столь часто прославленною ея Государями. О ничтожныхъ и странныхъ ребячествахъ Графа Ливорнскаго уже говорено, а потому я объ оныхъ не упоминаю. Первый Консулъ не страшился

новаго Короля для независимости Рима. Он часто думалъ о Цесарѣ и я помню, что онъ однажды сказалъ мнѣ: «Этотъ не перейдетъ черезъ Рубиконъ»

Первый Консулъ разсердился на тѣхъ, которые присутствовали на праздникѣ, данномъ Г-жею Монтессонъ. Какъ бывшій *другъ* дѣда Герцога Орлеанскаго и считая себя родственницею Инфанта Пармскаго, она сочла обязанностью угостить этого Принца, сдѣлавшагося Королемъ.

Дабы показать Королю Етрурскому еще болѣе уваженія, послѣ трехнедѣльнаго пребыванія его въ Парижѣ, Первый Консулъ вознамѣрился дать ему для сопровожденія Французскаго Генерала и избралъ для сего зятя своего Мюрата.

Новый Король новаго Королевства имѣлъ въѣздъ во Флоренцію 12 Апрѣля 1801 года; но пріемъ, сдѣланный ему Тосканцами, вовсе не походилъ на тотъ, который ему былъ оказанъ въ Парижѣ: народъ принялъ двухъ супруговъ, какъ Государей, противъ воли данныхъ ему Французами. Кратковременное Етрурское Королевство существовало едва шесть лѣтъ: Король умеръ 1803 года въ цвѣтѣ лѣтъ, а въ 1807-мъ, Королева была изгнана изъ своихъ владѣній, тѣмъ самымъ, который открылъ ей путь въ оныя.

Въ эту эпоху, довольно могущественная партія склоняла Наполеона прервать сношенія съ Папою и учредить Галиканскую Церковь, кото-

глава былъ бы во Францiи; думали польстить его честолюбiю намекнувъ ему на этотъ новый способъ могущества, который придалъ бы ему нѣкоторое сходство съ первыми Римскими Императорами. Но его понятiя не согласовались съ этимъ замысломъ. «Я увѣренъ,» сказалъ онъ мнѣ, «что часть Францiи сдѣлалась бы Протестантскою, особенно еслибъ я сталъ благопрiятствовать этому расположенiю; но я еще тверже того убѣжденъ что большая часть останется Католическою и будетъ съ наивеличайшимъ усердiемъ и ревностью бороться противъ раскола своихъ согражданъ. Я боюсь духовныхъ распрей, раздоровъ въ семействахъ и неизбѣжныхъ волненiй. Возстановивъ вѣру, которая всегда владычествовала въ этой странѣ и которая еще и теперь царствуетъ въ сердцахъ и предоставя меньшей части людей свободу вѣроисповѣданiй, я буду въ согласiи съ народомъ и удовлетворю всѣхъ.»

Первый Консулъ, разсудивъ какъ прозорливый мужъ, что возстановленiе вѣры будетъ большимъ пособiемъ для его Правительства, занялся съ начала 1801 года Конкордатомъ съ Папою Пiемъ VII. Оный былъ подписанъ въ слѣдующемъ Iюлѣ мѣсяцѣ. Потребно было время для соглашенiя.

Кардиналъ Гонзальви прiѣхалъ въ Iюнѣ мѣсяцѣ 1801 года въ Парижъ для постановленiя

условій съ Папою. Кардиналъ Капрара и Г. де Спина находились въ посольствѣ, присланномъ Его Святѣйшествомъ. При ономъ были также искусные богословы, между коими отличался Докторъ К***; онъ служилъ въ Папской Канцеляріи. Познанія его давали ему столь большой вѣсъ надъ его сотоварищами, что дѣло не иначе шло впередъ какъ по его соизволенію. Его задобрили титлами и обѣщаніемъ денегъ, и дѣла пошли успѣшнѣе. Конкордатъ былъ подписанъ 15 Іюля 1801 года и обращенъ въ законъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1802 года. Уполномоченными Перваго Консула были Іосифъ Бонапарте, Крете и Аббатъ Бернье, умершій Версальскимъ Епископомъ.

Молебенъ былъ отслуженъ въ Соборѣ Свят. Богородицы въ Воскресенье 11 Апрѣля; толпа была очень многочисленна; и большая часть присутствующихъ стояла. Обрядъ былъ пышенъ и блистателенъ; но кто посмѣетъ сказать что наружное благоговѣніе зрителей соотвѣтствовало этой пышности и блеску. Развѣ не пришло еще время для этой новизны? Развѣ этотъ переходъ былъ слишкомъ внезапенъ послѣ двѣнадцати минувшихъ лѣтъ? Какъ бы то ни было, а на лицахъ и въ тѣлодвиженіяхъ великаго числа изъ присутствовавшихъ при этой церемоніи, обнаруживалось болѣе нетерпѣнія и досады, чѣмъ умиленія и набожности, приличныхъ мѣсту, гдѣ они

находились: мѣстами раздавался ропотъ, показывавшiй неудовольствiе; шепотъ, который можно даже назвать разговорами, прерывалъ иногда Божественную службу; даже употребленныя при этомъ выраженiя мало отзывались умѣренностью. Наконецъ, не знаю отъ чего, голодъ овладѣлъ многими изъ присутствовавшихъ; они безпрестанно поворачивали головы, откусывая зубами шоколатъ; и я даже видѣлъ что нѣкоторые ѣли въ церкви хлѣбъ безъ всякихъ околичностей и вовсе не обращая вниманiя на происходящее.

Консульскiй дворъ былъ вообще очень ненабоженъ и это не могло быть иначе, ибо онъ составлялся изъ тѣхъ людей, которые наиболѣе содѣйствовали къ уничтоженiю вѣры во Францiи и которые, проведя жизнь свою въ походахъ, чаще входили въ церкви Италiи для того чтобы брать изъ нихъ картины, чѣмъ для того чтобы молиться. Тѣ, которые не будучи напитаны набожными понятiями, получили хорошее воспитанiе и были одарены тѣмъ здравымъ разсудкомъ, который внушаетъ намъ уважать въ другихъ вѣру, хотя нами и не раздѣляемую, не осуждали Перваго Консула и вели себя съ приличiемъ; но на дорогѣ изъ Тюлiери къ Собору, Ланнъ и Ожеро хотѣли выйти изъ кареты, когда увидѣли что ихъ везутъ къ обѣдни и только приказъ Перваго Консула воспрепят-

ствовалъ имъ это сдѣлать. И такъ они отправились въ церковь, а на другой день, когда Бонапарте спросилъ у Ожеро, какъ ему показалась церемонія: «Прекрасною,» отвѣчалъ Генералъ, «недоставало только миліона людей, которые убиты при уничтоженіи того что мы возставляемъ.» Бонапарте очень разсердился за этотъ отвѣтъ.

Въ продолженіе переговоровъ съ Папскимъ престоломъ, Бонапарте сказалъ мнѣ однажды: «Во всѣхъ земляхъ, вѣра полезна для Правительства; ее надобно употреблять для того чтобы дѣйствовать на людей: я былъ Магометаниномъ въ Египтѣ,—я Католикъ во Франціи. Относительно Полиціи, надобно чтобы вѣра въ государствѣ находилась совершенно въ рукахъ того, который имъ управляетъ. Многіе склоняютъ меня основать Галликанскую Церковь и сдѣлаться главою оной; но эти люди не знаютъ Франціи: еслибъ они знали ее, то поняли бы что большая часть ея обывателей, очень далеки отъ этого разрыва съ Римомъ. Надобно, чтобы Папа довелъ меня до крайности для того чтобы я на это рѣшился; но я не думаю чтобы это случилось.—Вы правы: вы помните, Генералъ, слова Кардинала Гонзальви: *Что Папа сдѣлаетъ все что захочетъ Первый Консулъ.* —И хорошо поступитъ; пусть онъ не думаетъ что имѣетъ дѣло со слабоумнымъ. Угадай чѣмъ

ли меня прельщаютъ: безсмертiемъ души моей. Но для меня безсмертiе состоитъ въ памяти, которую я по себѣ оставлю людямъ. Эта мысль побуждаетъ къ великимъ дѣламъ: гораздо лучше было бы не жить, чѣмъ не оставить никакихъ слѣдовъ своего существованiя.»

Тогда Перваго Консула очень уговаривали исполнить всенародно обязанности, предписанныя вѣрою, ссылаясь на необходимость подать другимъ великiй примѣръ. Послѣ одного изъ этихъ разговоровъ, онъ въ заключенiе сказалъ: «довольно и того, какъ есть; не требуйте отъ меня болѣе, вы ничего не получите: вы никогда не сдѣлаете изъ меня лицемѣра. Останемся при томъ что есть.»

Я читалъ въ сочиненiи, замѣчательномъ по многимъ отношенiямъ, что по случаю заключенiя Конкордата 15 Iюля 1801 года, Первый Консулъ, уничтоживъ Республиканскiй календарь, возстановилъ Грегорiанскiй. Это ошибка. Онъ не считалъ календарь дѣломъ вѣры. Указъ, предшiй опять въ употребленiе Грегорiанскiй календарь во Французской Имперiи, съ 11 Нивоза XIV года (1 Генваря 1806), былъ изданъ 29 Фруктидора XIII года (9 Сентября 1805), болѣе четырехъ лѣтъ послѣ Конкордата. Возстановленiе прежняго календаря не имѣло другой цѣли, кромѣ того, чтобы ввести насъ въ согласiе съ Европою въ предметѣ, столь тѣсно

связанномъ съ ежедневными сношеніями, которыя затруднялись новизною календаря декадъ.

Бонапарте наконецъ сталъ однакоже присутствовать у обѣдни и въ Сен-Клу возобновилось въ первый разъ это священнодѣйствіе прежнихъ временъ. Онъ приказалъ отслужить ее часомъ ранѣе назначеннаго времени для того, чтобы насмѣхавшіеся надъ этимъ, прибыли уже по окончаніи Божественной службы.

Когда Первому Консулу слѣдовало въ Воскресенье присутствовать у обѣдни, то ставили въ большой алтарь въ комнатѣ, находившейся подлѣ Наполеонова Кабинета. Эта комната, как я уже сказалъ, была молитвенною Анны Австрійской. Небольшой алтарь, который можно было выносить и помостъ съ одною ступенькою, возвратили оную прежнему ея назначенію. Въ продолженіе недѣли эта, комната служила для ванны. Въ Воскресенье отворяли въ нея дверь и Первый Консулъ, находясь въ своемъ кабинетѣ, слушалъ обѣдню. При этомъ насъ никогда не было болѣе трехъ или четырехъ человѣкъ: я почти всегда видѣлъ Перваго Консула работавшимъ во время службы, продолжавшейся не болѣе двѣнадцати минутъ. Журналы наперерывъ возвѣщали, что *Первый Консулъ слушалъ обѣдню въ своихъ покояхъ*. Лудовикъ XVIII часто слушалъ оную также въ своихъ покояхъ.

19 Іюля 1801 года, Папская грамата, разрѣшивъ Г. Талейрана отъ духовныхъ обѣтовъ, возвратила его къ свѣтской жизни; тогда онъ женился на Г-жѣ Грандтъ; все сдѣлалось безъ шума и безъ огласки. Одно это ужъ обстоятельство достаточно доказываетъ какъ это происшествіе было переиначено. Сказали будто бы Бонапарте, *сдѣлавшись Императоромъ* и желая возвратить нравамъ благопристойность, уничтоженную Революціею, рѣшился прекратить связь тѣсной связи Г. Талейрана съ Г-жею Грандтъ. Будто бы онъ говорилъ о бракѣ своему Министру, и сначала тотъ отказался; но когда Государь повелѣлъ, то надобно было повиноваться. Это возстановленіе Наполеономъ благопристойности нравовъ, чрезвычайно странно. Грамата была записана въ Государственномъ Совѣтѣ не прежде какъ 19 Августа 1802. Я окончу эту главу разсказомъ о происшествіи, непринадлежащемъ къ тому, что выше сказано, но собственно до меня касающемся: 9 Іюля 1801 года, Первый Консулъ наименовалъ меня Государственнымъ Совѣтникомъ, состоящимъ по особымъ порученіямъ. Г-жа Бонапарте, по благосклонности своей заказала для меня богатый мундиръ, отчасти *идеальный*; хотя мундиръ понравился Первому Консулу, который велѣлъ сшить себѣ такой же. Онъ

надѣвалъ его нѣсколько разъ и потомъ его оставилъ. Никогда со времени своего величія, онъ не былъ столь любезенъ и обязателенъ, какъ при этомъ случаѣ.

ГЛАВА XVIII.

Послѣдняя глава о Египтѣ.—Обращеніе къ прошедшему.—Адмиралъ Гантомъ.—Нерѣшительность.—ГГ. Пуссіельгъ и Доръ.—Средство угодить Наполеону.—Лесть Генерала Менну.—Письмо его къ Бонапарте.—Египетъ, замѣняющій Антильскіе острова.—Размышленія о торговлѣ. — Награды, данныя Менну.—Даву.—Причины непріязни его ко мнѣ.—Новая нескромность Наполеона.—Сожалѣніе Перваго Консула о томъ что онъ ввѣрилъ Менну главное начальство—Аберкромбій.—Брестскій флотъ.—Время, потерянное въ Средиземномъ морѣ.—Возвращеніе въ Тулонъ.—Упрямство Гантома. — Неспособность Менну. — Французъ-Турокъ. — Обманчивыя надежды Наполеона. — Выходъ изъ Египта, предвидѣнный Первымъ Консуломъ.—Суета завоеваній.—Г. Отто въ Лондонѣ.—Отсутствіе Талейрана.—Во время подписанныя предварительныя условія.

Въ послѣдній разъ, въ моихъ Запискахъ займусь я Египетскими дѣлами,—этимъ эпизодомъ жизни Наполеона, занявшимъ въ оной такъ

мало времени и такъ много мѣста. Изъ всѣхъ своихъ завоеваній, Бонапарте наиважнѣйшимъ считалъ это, потому что оно распространяло славу его имени на Востокѣ. Онъ на все покушался, онъ все бы сдѣлалъ для сохраненія этой колоніи. Въ письмѣ своемъ къ Генералу Клеберу, онъ говорилъ ему: «Вы столько же какъ и я умѣете цѣнить, сколь владѣніе Египтомъ важно для Франціи. Эта Турецкая Имперія, коей со всѣхъ сторонъ угрожаетъ гибель, *скоро рушится* и выходъ изъ Египта нашихъ войскъ былъ бы тѣмъ бо́льшимъ несчастіемъ, что мы увидимъ еще въ наше время эту прекрасную страну, доставшуюся въ какія либо другія Европейскія руки.» Но выборъ Гантома для отвезенія Клеберу пособій, не былъ удаченъ. Гантомъ привезъ Наполеона обратно изъ Египта и хотя Бонапарте былъ обязанъ за счастливое свое плаваніе единственно своимъ соображеніямъ, своему характеру и прозорливости, а онъ тѣмъ не менѣе сохранилъ къ Гантому склонность, которую очень естественно питать къ тому кто раздѣлялъ съ нами опасныя обстоятельства, и кто такъ сказать имѣлъ ихъ на своей отвѣтственности. Эта довѣренность, внушенная почетнымъ чувствомъ къ посредственности, не была вознаграждена. Гантомъ дурно услужилъ Наполеону своею нерѣшительностью и своимъ робкимъ плаваньемъ, какъ бы ощупью, по Средиземному Морю Бо-

парте,—пославъ ему приказъ плыть въ Египетъ и видя что онъ не выходитъ изъ Бреста, нѣсколько разъ говорилъ мнѣ: *Непостигаю что дѣлаетъ Гантомъ.*

Нерѣшительность Гантома; его увертки, прибытiе его въ Тулонъ, поздній его выходъ и обратный приходъ въ эту гавань 19 Февраля 1801 года, только за десять дней предъ тѣмъ какъ Адмиралъ Кейтъ явился предъ Александрiею съ Сиромъ Аберкромбiемъ, — совершенно ниспровергли всѣ планы пособій и подкрѣпленій, которыя Первый Консулъ старался переслать въ колонiю, угрожаемую близкою погибелью.

Первый Консулъ мечталъ еще въ это время, что множество Французскихъ семействъ отправится для возстановленiя образованности, наукъ и искуствъ въ странѣ, бывшей нѣкогда колыбелью оныхъ. Но нельзя не сознаться, что отъѣздъ его въ 1799 году приготовилъ потерю земли сей; а смерть Клебера и выборъ Мену ему въ преемники, рѣшили оную.

Письма, полученныя Наполеономъ предъ его отъѣздомъ, единогласно возвѣщали частные бунты, угрозы вторженiя и чрезвычайную нищету въ деньгахъ. Главноуправляющiй финансами писалъ къ нему 25 Iюля: «Казна закрыта: ничего болѣе не выдается.» Разстрѣливанья и насильственные налоги не могли уже помочь злу,

ибо всему есть конецъ и когда подсѣчешь дерево у корня, то нельзя ожидать плодовъ. Интендантъ Нуссіельгъ писалъ къ нему 6 Августа за нѣсколько времени до его отъѣзда: «Больше всего мучитъ меня то, что я не вижу никакихъ источниковъ откуда можно бы достать для арміи денегъ; никто не платитъ.» Доръ писалъ 15 Августа: «Поставщикъ мяса требуетъ уплаты за свою поставку; я могъ выдать ему очень мало денегъ; а онъ ужъ много поставилъ въ долгъ.» Вся переписка была въ этомъ смыслѣ. Самъ Главнокомандующій, имѣя нужду въ деньгахъ, писалъ 13 Августа за пятнадцать дней до своего отъѣзда, Дугѣ, Каирскому Коменданту: «Прикажите спросить всѣхъ Шейковъ, отъ чего они не платятъ податей. Если они не внесутъ ихъ къ 27 Августу, то лишатся головъ своихъ.» Все это нисколько уже не дѣйствовало; ибо противъ невозможности, даже угрозы смертью ничего не въ состояніи сдѣлать.

Однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ угодить Первому Консулу и пріобрѣсть его благорасположеніе было то чтобы неограниченно превозносить виды его на Египетъ и содѣйствовать къ обеспеченію владѣнія онымъ. Первымъ изъ этихъ средствъ Мену пріобрѣлъ его довѣренность. Съ перваго года вступленія въ Египетъ, онъ представлялъ ему мечты свои объ Африкѣ; говорилъ ему о Неграхъ Сенегала,

Мозамбика, Мегедiе, Марабу и другихъ варварскихъ странъ, которыя вдругъ преобразуются и просвѣтятся чрезъ овладѣнiе нами Египтомъ.

Вотъ любопытное письмо, которое Мену написалъ объ этомъ предметѣ Главнокомандующему:

Розетта, 5 Сентября 1798.

Я какъ нельзя больше чувствителенъ, Генералъ, къ обязательному письму, которое вамъ угодно было ко мнѣ написать. Будьте увѣрены что я ревностно буду пользоваться всѣми случаями угодить вамъ и содѣйствовать волѣ вашей къ водворенiю Французовъ въ Египтѣ. Я думаю что Египетъ долженъ замѣнить намъ Антильскiе острова, которые хоть и не совсѣмъ потеряны, но еще многiе годы, находясь въ безначалiи, будутъ для насъ безполезны. Здѣсь сахаръ, хлопчатая бумага, кофе, индиго и коренилъ, должны по моему мнѣнiю замѣнить всѣ прочiя произведенiя.

Изъ Египта вывезенъ сахарный тростникъ, распространившiйся въ Архипелагѣ, а оттуда въ Сицилiи, въ Испанiи, на островѣ Мадерѣ и въ Америкѣ. Вода необходима для воздѣлыванiя сего тростника, также какъ для риса. Слѣдовательно здѣсь все есть для развода въ большомъ объемѣ этого драгоцѣннаго произрастенiя.

«Что касается до кошенили, то стоитъ только «привезти сюда насѣкомое, оную производящее, «ибо смоковница, которымъ оно питается, ра«стетъ въ самыхъ безплодныхъ странахъ.

«Вамъ Генералъ принадлежитъ устроить за«веденія, которыя будутъ для Франціи гораздо «драгоцѣннѣе чѣмъ таковыя же, учрежденныя «на Антильскихъ островахъ. Англичане очень «это знаютъ и поэтому то стараются употребить «всѣ средства дабы уничтожить ваше заведеніе. «Притомъ же имъ извѣстно что Черное Море, «въ которомъ теперь они одни производятъ тор«говлю, непремѣнно сдѣлается нашею собствен«ностью; что оттуда до Индіи разстояніе не «слишкомъ велико; что торговля восточнаго бе«рега Африки, Мегедіе, Марабу, Мозамбика, мо«жетъ нѣкогда достаться въ наши руки; что га«вани Адерскаго берега и земель, зависящихъ «отъ Абиссиніи, будутъ непремѣнно нами посѣ«щаемы; что мы можемъ завести сношенія со «внутренностью Африки посредствомъ карава«новъ и можетъ быть найти средство къ соеди«ненію Нила съ Нигромъ въ Сенегаліи. Знаю «что все это еще отдаленно; но въ управленіи «должно заблаговременно видѣть впередъ и Ан«гличане, у которыхъ нельзя отнять того, что «они очень прозорливы, чрезвычайно дѣятельны «и имѣютъ много общественнаго ума,—видя что «они не могутъ и что не въ состояніи будутъ

ничего прямо противъ насъ сдѣлать, потому что мы можемъ долго оставаться въ Египтѣ безъ посторонней помощи, — употребятъ всѣ средства чтобы вредить намъ и вооружать противъ насъ враговъ въ Азіи, въ Константинополѣ и въ Варваріи. Вамъ же принадлежитъ Генералъ, и противъ всего этого взять мѣры. Извините мнѣ мое болтовство, но имѣйте въ виду одни только мои намѣренія, а въ особенности мнѣніе человѣка, страстнаго приверженца Египетскаго похода и который, для содѣйствія оному, готовъ дѣлать все, что вы ему прикажете.

«Дать новую жизнь и возстановить во всемъ блескѣ страну Сезострисовъ, Фараоновъ и Птоломеевъ, основать самую блистательную торговлю въ мірѣ, разрушить бо́льшую часть торговли Англичанъ посредствомъ заведенія нашихъ колоній въ Египтѣ — есть самая превосходная судьбина, предоставленная человѣку: дѣлать добро моя страсть; это можетъ быть второй томъ Аббата Сен-Пьера, но я пишу къ Бонапарте, а ему одному принадлежитъ составлять счастіе народовъ послѣ ихъ покоренія.»

Такими плоскостями до всего можно достигнуть; но надобно же дать долю и человѣческой слабости. Этому то ласкательству должно приписать благопріятный пріемъ, сдѣланный Первымъ Консуломъ Мену, даже по

возвращеніи его изъ Египта, который онъ чрезъ свою неспособность предалъ Англичанамъ. Первый Консулъ назначилъ его Губернаторомъ въ Піемонтъ. По просьбѣ моей, онъ далъ старшему моему брату мѣсто Генералъ-Комисара Полиціи въ этой землѣ. Я долженъ сознаться, что Первый Консулъ имѣлъ основательныя причины лишить его этого знака благорасположенія, который онъ употребилъ во зло.

Такимъ же образомъ льстя замысламъ Перваго Консула на счетъ Востока, Даву, по возвращеніи своемъ изъ Египта въ 1800 году, послѣ Эль-Аришскаго договора, вошелъ къ нему въ милость и если не заслужилъ, то по крайней мѣрѣ пріобрѣлъ его благорасположеніе; ибо въ эту эпоху Даву не имѣлъ еще никакихъ правъ на полученное имъ быстрое возвышеніе. Онъ безъ всякихъ постепенностей былъ сдѣланъ главнымъ Начальникомъ Гренадеровъ Консульской Гвардіи. Съ этого дня началась ненависть, которую питалъ ко мнѣ Даву: удивленный продолжительнымъ разговоромъ съ нимъ Наполеона, я сказалъ тотчасъ по его уходѣ Первому Консулу: «Какъ вы могли такъ долго пробыть съ человѣкомъ, котораго вы сами всегда называли скотиною? — *Я не зналъ его; онъ гораздо больше стóитъ, чѣмъ какова объ немъ идетъ молва; ты самъ перемѣнилъ объ немъ мнѣніе.*—Очень бы желалъ.» Первый

Консулъ,—какъ читателямъ уже извѣстно, очень нескромный,—поспѣшилъ пересказать Даву мое объ немъ мнѣніе. Ненависть его ко мнѣ угасла не прежде какъ съ его жизнью. Я буду еще нѣсколько разъ говорить въ обстоятельствахъ замѣчательныхъ и до сихъ поръ неизвѣстныхъ объ этомъ человѣкѣ, который, безъ всякихъ знаменитыхъ подвиговъ, безъ всякихъ правъ, вдругъ попалъ въ величайшую милость.

Первый Консулъ не забывалъ о своемъ любимомъ завоеваніи: оно было предметомъ его помышленій. Въ концѣ этого года вышли наконецъ изъ Бреста шесть кораблей и четыре фрегата, избранные изъ тѣхъ, которые были въ состояніи выйти въ море, какихъ у насъ не много уже имѣлось.

Всѣ обстоятельства при выходѣ этой эскадры казалось предвѣщали дурной успѣхъ экспедиціи. Ужасная буря встрѣтила ее при выходѣ изъ Брестскаго порта и надобно было въ морѣ исправлять многія поврежденія. Разсѣянная эскадра собралась у мыса Финистера, прошла проливъ и приблизилась не подвергшись никакой опасности къ окрестностямъ мыса Бона; но по непостижимымъ причинамъ, которыхъ и въ послѣдствіи не могли открыть,—мы узнали, что эскадра воротилась назадъ и вошла въ Тулонъ вмѣсто того, чтобы итти къ городу Александріи. Самыя пустыя отговорки были приведены

въ оправданіе этого непостижимаго поведенія. Говорили о превосходныхъ силахъ Англичанъ между Мальтою и Африкою, объ опасеніи, что невозможно будетъ выйти изъ Александрійской гавани, (въ которую нельзя войти); подъ предлогомъ причиненныхъ кораблямъ бурею небольшихъ поврежденій, привели ихъ обратно въ Тулонъ. Въ досадѣ и гнѣвѣ, Первый Консулъ приказалъ немедленно выйти опять въ море и потребовалъ вѣрнаго отчета о причинахъ, заставившихъ Гантома воротиться назадъ. Первому Консулу представили вышеупомянутыя жалкія причины. Хотя оныя и были совершенно опровергнуты, но упрямый Гантомъ, вопреки замѣчаніямъ и неудовольствію Перваго Консула, съ непонятнымъ упорствомъ отказался выйти опять въ море. По неволѣ пришлось думать о другихъ средствахъ къ спасенію Египта.

Первый Консулъ сдѣлалъ при этомъ второмъ предпріятіи, ощутительное улучшеніе, которое могло быть объяснено только его прозорливостью и живѣйшимъ его желаніемъ спасти колонію. Онъ приказалъ размѣстить на каждый изъ четырехъ кораблей и изъ четырехъ фрегатовъ, долженствовавшихъ, подъ начальствомъ Адмирала Брюйеса выйти изъ Рошфора съ тѣми, которые пришли изъ Лоріана, и итти разбудить заснувшаго въ Тулонѣ Гантома,—вся-

каго оружія людей, и всякаго рода снаряды. Эта предосторожность имѣла ту цѣль, что еслибъ дошло до мѣста хоть одно, два или три судна, то Египетъ получилъ бы всего помаленьку; а когда ничего нѣтъ то и это много.

Еслибъ Брюйесъ могъ присоединиться къ Гантому въ Тулонѣ, то тамъ собралось бы девятнадцать военныхъ судовъ, которыя могли перевезти въ Египетъ около 7500 человѣкъ и большую часть тѣхъ предметовъ, коимъ Бонапарте составилъ выше помѣщенный списокъ. Но все воспротивилось его отплытію: время года, вѣтръ, недѣятельность начальства и проч. Замедленіе сего выхода въ море, сдѣлало оный безполезнымъ; Французы вышли уже изъ Египта, какъ читатели тотчасъ увидятъ.

Первый Консулъ раскаивался нѣсколько въ томъ что онъ утвердилъ за Менну начальство, которое сей послѣдній принялъ на себя съ начала только по старшинству, послѣ злодѣянія Солеймана Гелеби; но онъ вознегодовалъ узнавъ въ послѣдствіи беспечность Менну и страсть его къ преобразованіямъ, которая заставляла его все перемѣнять, все уничтожать не созидая ничего путнаго и болѣе думать о сношеніяхъ съ Готентотами и съ областью Конго, чѣмъ о средствахъ къ сохраненію завоеванныхъ земель. Его жалкія мѣры обороны, совершенно безполезныя по ихъ недостаточному соглашенію, по-

казались Первому Консулу высшею степенью невѣжества. Забывъ всѣ правила стратегіи, коихъ Бонапарте давалъ ему такъ много примѣровъ, онъ послалъ противъ высадки Аберкромбія отдѣльные отряды, которые не выдержали встрѣчи съ непріятелемъ, между тѣмъ какъ, пославъ противъ Аберкромбія всѣ бывшія у него въ распоряженіи войска,—онъ могъ бы уничтожить Англійскую армію.

Великое удивленіе Менну къ Египетскому походу, сильная привязанность его къ этой землѣ, которой онъ странно принялъ вѣру назвавшись Абд-Аллою; усилія, которыя онъ, по мѣрѣ своихъ способностей, дѣлалъ къ сохраненію этой колоніи, восторгъ и совершенная преданность Наполеону, и лестныя, успокоительныя извѣстія, сообщаемыя имъ объ арміи, ослѣпили сначала Перваго Консула на счетъ неспособности Менну, котораго однакоже онъ хорошо зналъ; только это одно можетъ объяснить оказанное ему Наполеономъ предпочтеніе. Но я очень далекъ отъ того чтобы согласиться, какъ столь многіе твердили, будто бы эта колонія потеряна Франціею въ ту самую минуту, когда все наиболѣе содѣйствовало къ ея сохраненію. Приведенные мною отрывки изъ писемъ и частная переписка, перехваченная и обнародованная—явно опровергаютъ это мнѣніе. Представьте себѣ маленькую армію, теряющую съ каждымъ днемъ

ои силы чрезъ сраженiя, климатъ и болѣзни, ъ помощи, безъ подкрѣпленiй и почти въ возможности получить оныя; разбросанную обширной странѣ, посреди непокорнаго на-да, коего вѣра возбуждала политическую не-висть и вы убѣдитесь, что ничто не содѣй-ствовало къ сохраненiю этого дорогаго завое-нiя и ничто не подавало надеждъ что оное жно будетъ удержать.

Не побоялись напечатать, что эта несчаст-ая Египетская армiя, *лишась надежды возвра-ться въ Европу, потеряла къ тому и же-ніе.* Это одна изъ самыхъ грубыхъ лжей про-въ исторiи, которую можно было сдѣлать. сть спросятъ всѣхъ существующихъ еще астниковъ этого похода и не найдется ни од-го, который бы не отвѣчалъ: *Вамъ хорошо перь это говорить.* Пусть вспомнятъ письмо, торое Дезе писалъ ко мнѣ по прибытiи въ ионъ и то, которое получилъ отъ него Бо-парте.

Высокiя свѣдѣнiя, великая способность и со-ршенное знанiе воинскаго искуства завоевали пѣть;—глупость, ограниченность и неспособ-сть потеряли его. Что осталось изъ этого стопамятнаго похода? Уничтоженiе одной изъ восходнѣйшихъ нашихъ армiй, потеря на-ихъ лучшихъ Генераловъ, истребленiе нашего ота, Мальта и владычество Англичанъ въ

Средиземномъ морѣ. А что остается отъ онаго теперь? Ученое сочиненіе. Болтовня и сказки Геродота и бредни добраго Роллена, стоили гораздо меньше а были ничуть не хуже.

Нѣсколько времени уже Первый Консулъ опасался долженствовавшей скоро произойти отдачи Египта: послѣднія извѣстія, имъ полученныя были мало благопріятны и возбуждали предчувствіе о близкой бѣдѣ. Онъ объявлялъ народу противное, но истина тѣмъ не менѣе существовала. Въ это время очень важно было, чтобы извѣстіе о выходѣ нашихъ войскъ изъ Египта не пришло въ Англію прежде подписанія предварительныхъ условій, заключеніемъ коихъ Г. Отто занимался съ такою же дѣятельностью какъ и съ искуствомъ. Мы выставляли великимъ пожертвованіемъ отдачу этого завоеванія; но это пожертвованіе уничтожалось, еслибъ извѣстіе о происшедшемъ въ концѣ Августа, пришло въ Лондонъ прежде подписанія предварительныхъ условій, т. е. прежде 1 Октября. Первый Консулъ самъ отвѣчалъ на послѣднюю депешу Г. Отто, содержавшую въ себѣ копію съ предварительныхъ условій, въ томъ видѣ какъ согласилось на оныя Англійское Министерство. Ни эта депеша, ни отвѣтъ на оную, не были сообщены Г. Талейрану, бывшему тогда Министромъ Внутреннихъ Сношеній. Первый Консулъ, увѣренный въ великомъ искуствѣ и знаніи сего

нистра, никогда ничего не оканчивалъ въ
ломатiи не посовѣтовавшись съ нимъ—и онъ
ылъ правъ. Но въ этомъ случаѣ, я замѣтилъ
у что по случаю нахожденiя Г. Талейрана
я здоровья на Бурбонъ-д'Аршамботскихъ во-
ахъ,—пройдетъ четыре дiня пока получится
о отвѣтъ и что это замедленiе можетъ дать
ершенно другой видъ дѣлу. Я съ жаромъ
помнилъ ему что Египетъ близокъ къ паде-
ію. Онъ согласился на мое мнѣнiе и могу ска-
ть что очень хорошо сдѣлалъ, ибо извѣстiе о
вынужденномъ выходѣ нашихъ войскъ изъ
ипта, пришло въ Лондонъ на другой день по
писанiи предварительныхъ условiй. Г. Отто
писалъ къ Первому Консулу, что Лордъ Га-
бёри, объявивъ ему объ отдачѣ Египта, ска-
ть что онъ очень радъ тому что все конче-
; ибо ему невозможно было бы, по полученiи
й вѣсти договариваться на тѣхъ же основа-
ніяхъ. Дѣйствительно мы, *въ Парижѣ*, соглаша-
ись на добровольный выходъ изъ Египта, что
ило нѣкоторую цѣну для Англiи; а между
мъ Египетъ былъ уже очищенъ по договору,
мьстѣ заключенному. 30 Августа 1801 го-
войска наши окончательно очистили Египетъ,
го завоеванiе, столь дорого стоившее, сдѣла-
ись чрезъ это для насъ безполезнымъ или
ще сказать, тяжкимъ.

ГЛАВА XIX.

Самая достославная эпоха Франціи.—Пожертвованія Перваго Консула для заключенія мира.—Скрытные помыслы Англіи.—Мальта уступленная и удержанная. — Бонапарте и Англійскіе журналы.—Ненависть Перваго Консула къ свободѣ тисненія. — Жалобы Британскому Правительству на Англійскіе журналы.—Пельтье и журналъ *Двусмысленный* (l'Ambigu).—Письмо Г. Аддингтона къ Первому Консулу.—Равнодушіе Англійскихъ Министровъ къ журнальной брани.—Тяжба Наполеона съ Пельтье.—Безполезное осужденіе.—Генералъ Леклеркъ.—Сен-Доминговская экспедиція.—Тщетная попытка противъ независимости Негровъ.—Туссенъ-Лувертюръ.—Смерть его.—Ложные слухи.—Смерть Леклерка.—Суровость Генерала Рошамбо.

Эпоха Аміенскаго мира должна быть считаемъ самою достославною эпохою для Франціи. Не исключаю изъ сего, ни временъ побѣдъ Лудовика XIV, ни блистательнѣйшихъ годовъ Имперіи.

Консульская слава была чиста въ эту эпоху; она имѣла въ виду однѣ только лестныя награды; между тѣмъ какъ глаза, хоть не много привыкшіе видѣть внутренность дѣлъ, могли легко усматривать великія бѣдствія подъ лаврами Имперіи.

Предложенія, сдѣланныя Первымъ Консуломъ съ тѣмъ, чтобы достигнуть мира, доказывали что онъ дѣйствительно желалъ онаго. Онъ чувствовалъ, что свершивъ въ самомъ началѣ своего управленія столь желаемое дѣло, онъ тѣмъ пріобрѣтетъ любовь и признательность Французовъ. Не нужно инаго доказательства его чувствъ, кромѣ сдѣланнаго имъ какъ сказано предложенія отдать Египетъ Султану и возвратить всѣ гавани Венеціянскаго залива и Средиземнаго моря тѣмъ Державамъ, которымъ онѣ принадлежали; отдать обратно Мальту Ордену; и даже срыть укрѣпленія, если Англія сочтетъ это полезнымъ для своихъ выгодъ. Въ Индіи у нея оставался Цейланъ; а себѣ просилъ онъ мысъ Доброй Надежды и все то, что Англичане взяли въ Западной Индіи.

Англія, рѣшившаяся удержать Мальту, свой форпостъ Гибральтаръ въ Средиземномъ Морѣ и мысъ Доброй Надежды, свой каравансарай Индіи, показала сговорчивость касательно перваго острова, объявивъ что можно будетъ устроить это такъ чтобы сдѣлать оный независимымъ отъ

Великобританіи и Франціи; но мы навѣрное знали, что это одна только приманка; что какъ бы это ни было устроено, а Англія удержитъ у себя Мальту, ибо морская Держава не отдастъ островъ повелѣвающій Средиземнымъ Моремъ. Не упоминаю о переговорахъ касательно Американскихъ острововъ; острова сіи, по моему мнѣнію, не слишкомъ для насъ важны; они стоятъ намъ дороже того что приносятъ; и отойдутъ отъ насъ, подобно какъ по прошествіи извѣстнаго времени все то, что называется колоніями, отойдетъ отъ державъ, имъ владѣющихъ. Наша колоніяльная система нелѣпа: она заставляетъ насъ платить за колоніяльныя произведенія почти вдвое противъ того что за нихъ платятъ наши сосѣды.

Когда Лордъ Гакесбёри согласился очистить Мальту съ тѣмъ условіемъ, что она будетъ независима отъ Франціи и отъ Велокобританіи, то онъ вовсе непомышлялъ объ исполненіи сего уговора; онъ очень мало заботился о Правительствѣ Ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго и ему бы слѣдовало внизу своей ноты сдѣлать приписку: *Мы удержимъ Мальту вопреки вамъ.* Я не переставалъ твердить Наполеону что, на мѣстѣ Англичанъ, онъ также бы сдѣлалъ и рѣшительно предсказалъ ему что этотъ островъ будетъ главною причиною разрыва мира. Онъ думалъ также какъ и я; но на ту минуту главно-

ло состояло въ томъ чтобы заключить миръ и въ этомъ отношенiи, я отъ чистаго сердца съ имъ соглашался. Ниже увидятъ что война возникла съ сего острова; что Англичане, стѣсненные въ своихъ обстоятельствахъ и доведенные до необходимости отдать островъ, на основанiи предварительныхъ условiй, станутъ уклоняться, крючкотворствовать и наконецъ потребуютъ чтобы Мальта была отдана подъ покровительство Короля Неаполитанскаго, т. е. подъ покровительство Державы; состоящей въ полной у ея зависимости и которой она—какъ будто своей области,—насылала повелѣнiя; это по правдѣ сказать, была слишкомъ ѣдкая насмѣшка.

Теперь я долженъ заняться ссорою Перваго Консула съ Англiйскими журналами и представить новое доказательство *любви* его къ свободѣ тисненiя. Однакожъ свобода тисненiя однажды доставила ему живѣйшее удовольствiе. Всѣ англiйскiе журналы провозгласили радостные восторги, обнаруженные въ Лондонѣ по случаю съѣзда Генерала Лористона, который привезъ съ собою на утвержденiе предварительныя условiя. Всякой помнитъ чувства, возбужденныя во Францiи этимъ прекращенiемъ непрiязненныхъ дѣйствiй: торговля, которая существуетъ только въ мирѣ, пробудилась; надежда близкаго и всеобщаго мира, повсюду распространила веселiе. Первый Консулъ всегда былъ открытымъ

врагомъ свободы тисненія и держалъ всѣ журналы въ желѣзныхъ рукахъ. Онъ часто при мнѣ говаривалъ: *Если я спилу съ нихъ узду, то три мѣсяца не удержу у себя власти.* Онъ имѣлъ это же мнѣніе касательно всѣхъ общественныхъ правъ. Молчаніе, налагаемое имъ на Францію, хотѣлъ онъ распространить и на Англію, но не могъ. Онъ былъ раздраженъ бранью, которою осыпали его Англійскіе журналы и сатиры, а въ особенности журналъ *Двусмысленный* (l'Ambigu), издаваемый Пельтье, который былъ въ Парижѣ редакторомъ *Дѣлнй Апостоловъ*. *Двусмысленный* былъ безпрестанно наполняемъ самыми жестокими нападками на Перваго Консула и на Французскій народъ вообще, что конечно дѣлало большую честь Французу, издателю онаго. Бонапарте никогда не могъ привыкнуть, подобно какъ привыкли Англичане, презирать журнальныя обиды; онъ отвѣтствовалъ рѣзкими статьями, помѣщаемыми въ *Монитёрѣ* и поручилъ Г-ну Отто подать офиціяльную ноту противъ этой системы клеветы и ругательствъ, которую онъ полагалъ дозволяемою Англійскимъ Правительствомъ. Кромѣ сего офиціяльнаго дѣйствія, онъ лично обратился къ Г. Аддингтону, Канцлеру Казначейства, прося его поддержать это, сдѣланное имъ требованіе и постараться принять законныя мѣры противъ вольности сочиненій, на которыя онъ жа-

вался. Дабы не пропустить время къ удовлетворенiю ненависти своей противъ свободы книгопечатанiя, онъ избралъ для сего самую минуту подписанiя предварительныхъ условiй. Г. Аддингтонъ отвѣчалъ Первому Консулу, собственноручно, длиннымъ письмомъ, которое ему перевелъ. Англiйскiй Министръ сильно опровергалъ всѣ доводы Наполеона противъ свободы тисненiя; онъ соглашался въ томъ что употребленiе оной во зло дѣлалось иногда бываетъ: но Англiйская Конституцiя предоставляла каждому свободу писать что угодно на собственный страхъ и отвѣтственность. Преступленiе, сдѣланное сатирою, въ Англiи наказывается равно также какъ и всякое другое преступленiе или злодѣйство, инымъ образомъ совершенное. Г. Аддингтонъ сознавался, что этого рода преступленiя избѣгали иногда строгости законовъ; но помочь этому нѣтъ средствъ и трудно найти ихъ,—говорилъ онъ;—ибо невозможно коснуться свободы тисненiя, которая существуетъ въ нашихъ правахъ.—Г. Аддингтонъ объявлялъ, что ни одинъ Министръ не посмѣетъ завести о этомъ предметѣ рѣчь въ Парламентѣ, и что никто не сочтетъ себя для этого довольно сильнымъ; ибо эта свобода слишкомъ дорога Англичанамъ. Далѣе онъ замѣтилъ Первому Консулу, что хоть онъ и чужестранецъ, а имѣетъ полное право принесть жалобу свою въ судъ, но

что ему слѣдуетъ ожидать перепечатанія въ тяжебномъ дѣлѣ всѣхъ соблазнительныхъ статей, на которыя онъ жаловался.

Онъ убѣждалъ его предать глубочайшему презрѣнію всѣ эти дрязги не обращая на нихъ, подобно ему и многимъ другимъ, нималѣйшаго вниманія. — Могу похвалиться тѣмъ что я въ сколько содѣйствовалъ къ предупрежденію этой соблазнительной тяжбы.

На ту минуту дѣло такъ и осталось; но послѣ Аміенскаго мира, Первый Консулъ приказалъ позвать предъ судъ Пельтье, редактора *Двусмысленнаго*, издаваемаго съ прежнею необузданностью. Пельтье имѣлъ защитникомъ знаменитаго Макинтоша, который какъ разсказываютъ, обнаружилъ при произведеніи дѣла, величайшее краснорѣчіе. Не смотря на то Пельтье былъ обвиненъ. Это осужденіе, сочтенное въ общемъ мнѣніи торжествомъ, не было приведено въ исполненіе, ибо вскорѣ произошелъ разрывъ между двумя землями. Прискорбно думать, что эта чрезмѣрная наклонность къ брани Англійскихъ журналовъ и сатиръ, содѣйствовала конечно столькоже, а можетъ быть и болѣе чѣмъ великія политическія выгоды, къ возобновленію непріятненныхъ дѣйствій. Многія вещи показались бы очень удивительными, еслибъ всегда можно было видѣть ихъ изнанку.

Я упомянулъ прежде о разрывѣ Аміенскаго

говора для того, чтобы не раздѣлять того, о мнѣ нужно было сказать о ненависти Бонапарте къ свободѣ тисненія; возвращаюсь къ концу 1801 года,—эпохѣ Сен-Доминтской экспедиціи.

Продиктовавъ мнѣ почти цѣлую ночь наставленія для этой экспедиціи, Первый Консулъ окликнулъ Генерала Леклерка и сказалъ ему при мнѣ: «Вотъ тебѣ инструкціи и прекрасный случай обогатиться. Поѣзжай и не докучай мнѣ больше безпрестанными требованіями денегъ.» Дружба Наполеона къ сестрѣ его Полинѣ, очень содѣйствовала къ избранію имъ этого *славнаго способа обогатить ея мужа.*

Экспедиція вышла изъ портовъ Франціи 14 декабря 1801 года; она прибыла къ Мысу 1 Февраля 1802. Пагубныя послѣдствія оной извѣстны, но люди никогда не исцѣлятся отъ охоты къ такимъ нелѣпымъ предпріятіямъ.

Данныя Леклерку наставленія все предвидѣли, но тяжко было видѣть, что выборъ одного изъ самыхъ молодыхъ и самыхъ неспособныхъ генераловъ арміи не оставлялъ никакой надежды на успѣхъ предпріятія. Должно полагать, что никакая другая причина не содѣйствовала преклоненію Перваго Консула, кромѣ желанія избавиться отъ зятя, чрезвычайно ему непонравившагося, доставя ему съ тѣмъ вмѣстѣ средство къ обогащенію. Первому Консулу, не

очень расположенному къ этой экспедиціи, можетъ быть слѣдовало бы болѣе подумать о трудности покушенія, силою покорить эту колонію. Доводы противъ этой экспедиціи, часто мною повторяемые, его колебали; онъ одобрялъ ихъ: но непостижимая власть, которую имѣли надъ нимъ члены его семейства, продолжала господствовать.

Это предпріятіе, задуманное внезапно, въ минуту досады, и основанное на невѣрныхъ обманчивыхъ предположеніяхъ, — показалось мнѣ великою ошибкою; никто въ то время не заключалъ объ ономъ благопріятно; можно было держать сто противъ одного, что развязка онаго будетъ пагубна и фортуна въ этотъ разъ, совершенно оставила Наполеона; ибо эта экспедиція, неблагоразумно предпринятая, стоила намъ прекрасной арміи и большихъ сокровищъ; она навлекла ему упреки тѣхъ современниковъ, которые не все хвалятъ; и по счастію такіе еще существуютъ. Она не избѣгнетъ упрековъ потомства, если оно этимъ займется.—На первые расходы для этого предпріятія употребили деньги, принадлежавшія казнѣ морскихъ инвалидовъ. Это грабительство не принесло счастія. Черезъ долгое время послѣ этой попытки, наконецъ продали колонію за нѣкоторую сумму Неграмъ; и очень хорошо

бы сдѣлали, еслибъ они заплатили; но этому не бывать.

Сен-Доминтская экспедицiя есть одна изъ большихъ ошибокъ, сдѣланныхъ Наполеономъ; всѣ тѣ, съ которыми онъ совѣтовался, отклоняли его отъ оной. Онъ счелъ нужнымъ оправдаться гласомъ историковъ своихъ острова Св. Елены; но успѣлъ ли онъ въ томъ, сказавъ имъ, что *онъ былъ принужденъ уступить мнѣнiю своего Государственнаго Совѣта?* Такой ли онъ былъ человѣкъ, чтобы предлагать вопросъ о мнѣнiи разсужденiю Государственнаго Совѣта и покоряться политикѣ какого либо совѣта.

Бонапарте продиктовалъ мнѣ къ Туссену письмо, въ которомъ онъ говорилъ ему самыя почетныя вещи и дѣлалъ ему самыя пышныя обѣщанiя: ему посылали обратно двухъ его сыновей, воспитывавшихся въ Парижѣ; ему предлагали званiе Вице-Губернатора; онъ долженъ былъ содѣйствовать распоряженiямъ къ подчиненiю Сен-Доминга Францiи. Туссенъ, страшась быть обманутымъ Французами и, вѣроятно движимый честолюбивыми причинами, рѣшился воевать, показавъ сначала склонность къ соглашенiю. Туссенъ обнаружилъ довольно искусства; но прежде чѣмъ климатъ, опустошительныя его дѣйствiя и время, уменьшили французскую армiю,—Туссенъ не въ состоянiи былъ устоять противъ войска свѣжаго, много-

численнаго и знающаго ратное дѣло. Онъ сдался на договоръ и удалился въ селеніе, изъ котораго не могъ выѣзжать безъ дозволенія Леклерка. Мнимый умыселъ заговора со стороны Черныхъ, подалъ поводъ къ обвиненію Туссена; онъ былъ взятъ и отосланъ во Францію.

По привезеніи его въ Парижъ, въ первыхъ числахъ Августа, его предварительно посадили въ Тампль, а потомъ заключили въ замокъ Жу. Плѣнъ его былъ очень суровъ и ему мало оказывали облегченій. Такое содержаніе, помыслы о прошедшемъ, разлученіе со свѣтомъ, лата его и новый для него климатъ, ускорили смерть его, происшедшую черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по прибытіи его во Францію. Распространенные слухи о неестественной смерти, причиненной будто бы ядомъ, не нашли себѣ вѣры; я долженъ сказать, что Туссенъ писалъ къ Первому Консулу; но я никогда не видалъ приписанныхъ Туссену выраженій: *Первый человѣкъ изъ Черныхъ, къ первому человѣку изъ Бѣлыхъ.* Бонапарте признавалъ въ немъ энергію, храбрость и большое искуство. Я увѣренъ, что онъ съ удовольствіемъ бы увидѣлъ, еслибъ сношенія съ островомъ Сен-Доминго кончились инымъ образомъ, а не похищеніемъ и ссылкою.

Можетъ быть другой, будучи на мѣстѣ Леклерка, успѣлъ бы склонить Туссена къ соглашенію истинныхъ выгодъ колоніи и правъ человѣче-

ства съ требованіями Франціи, которыя время и обстоятельства сдѣлали умѣренными. Сен-Домингу скорѣе былъ нуженъ примиритель, чѣмъ завоеватель. Леклеркъ сначала предпочелъ было переговоры, но скоро перемѣнилъ свою систему: желтая лихорадка, похитившая Леклерка, погубила въ арміи много людей; побѣги до чрезвычайности усилились. Рошамбо заступилъ мѣсто Леклерка по старшинству, также какъ Мену послѣ Клебера. Мену потерялъ Египетъ чрезъ свое неискуство и чрезъ свои восточныя дурачества; а Рошамбо лишился колоніи чрезъ суровость своего характера. Начальствуя доведенною до совершеннаго ничтожества арміею, онъ хотѣлъ посредствомъ насилія, могущаго быть названнымъ даже безуміемъ, покорить взбунтовавшихся Негровъ, которыхъ можно было привести къ повиновенію, развѣ одною только кротостью. Рошамбо сдался въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1803 года Англійской эскадрѣ. Такъ кончилась эта роковая экспедиція, положившая конецъ притязаніямъ покорить силою землю, которая завоевала себѣ независимость. Не въ состояніи будучи оную у нея исторгнуть, ей продали оную. Но заплатитъ ли она? Я уже отвѣчалъ что нѣтъ.

ГЛАВА XX.

Первые признаки болѣзни Наполеона.—Внезапная встрѣча въ коридорѣ.—Любовное свиданіе.—Бракъ Гортензіи.—Тайное совершеніе онаго.—Равнодушіе Перваго Консула къ обрядамъ вѣры.—Предпочтеніе къ Дюроку.—Переписка, въ коей я былъ посредникомъ.—Происки Іозефины.—Рѣшеніе Наполеона въ пользу Дюрока.—Перемѣна положенія.—Утѣшеніе Дюрока.—Новая ошибка острова Св. Елены.—Тюилерійскій кабинетъ и будуаръ.—Ложь и явное опроверженіе.—Могущество клеветы.

Бонапарте часто чувствовалъ сильныя боли и я теперь не сомнѣваюсь, судя по свойству его страданій, что онѣ тогда уже были произведены зародышемъ недуга, отъ котораго онъ умеръ на островѣ Св. Елены. Боль, на которую онъ всегда жаловался, наиболѣе мучила его въ

ночь, когда онъ диктовалъ мнѣ наставленія
нералу Леклерку; я очень поздо проводилъ
о въ спальню; мы только что выпили по
шкѣ шоколату, который мы пили всякой
зъ, когда работа наша продолжалась за часъ
полуночи. Онъ всегда безъ огня отправлялъ
вверхъ въ свою спальню. Я держалъ его
ль руку: едва миновали мы маленькую лѣст-
цу, которая вела въ коридоръ, какъ его силь-
толкнулъ человѣкъ, бѣгущій опрометью къ
стницѣ. Первый Консулъ не упалъ потому
о я поддержалъ его. Пришедъ въ спальню,
ы нашли Іозефину проснувшуюся: она слы-
ала шумъ и очень перепугалась. По произве-
нію немедленнаго изслѣдованія открылось
о это былъ просто человѣкъ, бѣжавшій съ
бовнаго свиданія и который по глупости,
поздалъ уйти. Часовой, стоящій у дверей
льни, объявилъ, что какъ этотъ человѣкъ бѣ-
лъ изъ комнаты, обратясь къ ней спиною
что и не могло быть иначе), то онъ счелъ
о за служителя, который торопился куда
будь по своей должности. Можно себѣ пред-
вить, что это свиданіе болѣе уже не проис-
дило, покрайней мѣрѣ въ Мальмезонѣ; не со-
ли нужнымъ взять другой предосторожности
кромѣ того что получше освѣтили коридоръ
тѣмъ эти ночныя посѣщенія прекратились.

7 Генваря 1802 года, наканунѣ отъѣзда на Консульту въ Ліонъ, свершился бракъ дѣвицы Гортензіи съ Лудовикомъ Бонапарте. Какъ въ эту эпоху не былъ еще возобновленъ обычай соединять съ гражданскимъ договоромъ духовный обрядъ,—то бракосочетаніе было свершено священникомъ въ маленькомъ домикѣ улицы Побѣды. Бонапарте также приказалъ освятить духовнымъ обрядомъ бракъ Каролины, заключенный за два года предъ тѣмъ только въ присутствіи Мера. Самъ онъ не послѣдовалъ этому примѣру, по неизвѣстной мнѣ причинѣ. Имѣлъ ли онъ уже тогда мысль о разводѣ, который сдѣлался бы затруднительнѣе при утвержденіи брака духовнымъ обрядомъ? или это было слѣдствіемъ равнодушія къ самому себѣ, котораго онъ не имѣлъ къ другимъ? это конечно не могло быть опасеніе что его обвинятъ въ слабости, когда онъ возобновлялъ этотъ старинный обрядъ для сестры своей и падчерицы; немногія слова, мною тогда отъ него слышанныя, доказали, что онъ въ этомъ отношеніи былъ совершенно равнодушенъ.

Наполеонъ, говоря на островѣ Св. Елены о Лудовикѣ и о Гортензіи, сказалъ: «Вступая въ бракъ они любили другъ друга. Они сами этого желали. Впрочемъ этотъ бракъ былъ слѣдствіемъ происковъ Іозефины, которая находила въ немъ свои выгоды.»—Постараюсь предста-

ъ въ настоящемъ видѣ обстоятельства, нѣ-
лько переиначенныя.

Лудовикъ и Гортензія вовсе не любили другъ
га; это достовѣрно. Первый Консулъ очень
рошо это зналъ, равно какъ и сильную склон-
ть Гортензіи къ Дюроку, который не пла-
ъ ей такою же взаимностью. Первый Кон-
ъ соглашался соединить ихъ, но Іозефинѣ
ль не нравился этотъ бракъ и она всяче-
старалась воспрепятствовать заключенію
го. Она часто со мною объ этомъ разсужда-
но нѣсколько поздо: она говорила, что ея
шурина явные враги ея; что я самъ ви-
ъ ихъ козни и что мнѣ извѣстно, что нѣтъ
ріятностей, которыхъ бы она отъ нихъ
переносила. Все это дѣйствительно бы-
мнѣ извѣстно; она безпрестанно пов-
ла мнѣ, что въ случаѣ свершенія пред-
агаемаго брака, у нея не будетъ никакой
поры; что Дюрокъ значилъ что нибудь
ьственно чрезъ дружбу Наполеона; что онъ
имѣлъ ни состоянія, ни знатности и не пріо-
ѣлъ еще славы: что онъ не могъ служить
подпорою противъ извѣстной непріязни
тьевъ Наполеона; что ей надобенъ былъ для
щаго кто нибудь попадежнѣе. Она прибав-
а что мужъ ея очень любитъ Лудовика; что
ибъ ей посчастливилось соединить его со
ею дочерью, то онъ сдѣлался бы сильнымъ

перевѣсомъ противъ клеветы и гоненій другихъ ся шуриновъ. Я отвѣчалъ ей, что она слишкомъ долго скрывала отъ меня свои расположенія; что я тѣмъ охотнѣе обѣщалъ молодымъ людямъ мои услуги, что зналъ благопріятное для нихъ мнѣніе Перваго Консула, который часто говаривалъ мнѣ: «Пусть жена моя что хочетъ дѣлаетъ, а они другъ другу пара и непремѣнно женю ихъ: я люблю Дюрока, онъ благороднаго происхожденія; вѣдь я отдалъ за Каролину за Мюрата, а Полину за Леклерка; почемужъ мнѣ не отдать Гортензію за Дюрока, который славный малой. Онъ очень стóитъ другихъ; и притомъ онъ ужъ Дивизіонный Генералъ. Противъ этого союза ничего нельзя сказать. Притомъ же я имѣю другіе виды на счетъ Лудовика.» Разговаривая съ Г-жею Бонапарте я прибавлялъ, что дочь ея заливалась слезами, когда ей говорили о бракѣ съ Лудовикомъ.

Первый Консулъ послалъ Дюроку патентъ на чинъ Дивизіоннаго Генерала съ особымъ куръеромъ, отправленнымъ въ Голландію, чрезъ которую новому Генералу слѣдовало проѣзжать на возвратномъ пути изъ Петербурга, куда, какъ я уже сказалъ, онъ былъ посыланъ для поздравленія Императора Александра съ восшествіемъ на престолъ. Первый Консулъ сдѣлалъ эту пріятную нечаянность Дюроку

ло въ той увѣренности, что бракъ состоится. продолженіе этого отсутствія Дюрока, переписка молодыхъ любовниковъ шла чрезъ мои ки съ ихъ согласія; я почти всякой вечеръ алъ на биліардѣ съ дѣвицею Гортензіею, которая очень хорошо играла. Когда я потихоньсказывалъ ей, что *у меня есть письмо*, то игра тотчасъ прекращалась и она бѣжала въ ю комнату, куда я приносилъ ей письмо. аза ея наполнялись слезами и она долгое мя не сходила опять въ гостиную, куда я жде ее являлся. Все это нисколько ей не могло; Іозефинѣ надобна была въ *семьѣ* оппротивъ *семьи*. Видя что она твердо на это ылась, я далъ себѣ слово не препятствоть ея видамъ, которыхъ я не могъ осуждать; замѣтилъ ей, что я ужъ болѣе не въ сояніи молчать и соблюдать нейтралитетъ въ ихъ небольшихъ распряхъ. Она повидимому довольствовалась.

Въ продолженіе бытности нашей въ Мальконѣ, козни продолжались. Умолчу о подробностяхъ оныхъ, ибо это были все тѣже ны, таже нерѣшительность. По возвращеніи шемъ въ Тюліери, дѣла были въ томъ же ложеніи, но всѣ вѣроятности казалось благоріятствовали Дюроку. Я даже ужъ поздравлялъ о, но онъ холодно принималъ мои поздравленія. Въ короткое время Госпожа Бонапарте

успѣла все перемѣнить. Непремѣнно желая выдать дочь свою за Лудовика, она склонила Перваго Консула къ своимъ мыслямъ, убѣжденіями, просьбами, искуствомъ, ласками и всѣми способами, которые она такъ хорошо умѣла употреблять. Первый Консулъ вошелъ 4 Генваря послѣ обѣда въ нашъ кабинетъ, гдѣ я занимался. «Гдѣ Дюрокъ?—Онъ вышелъ, я думаю въ Оперу.—Когда онъ возвратится домой, то скажи ему что я обѣщалъ отдать за него Гортензію и что онъ на ней женится. Но я хочу чтобы это сдѣлалось не позже какъ черезъ два дня. Я даю ему пять сотъ тысячъ франковъ и назначаю его Начальникомъ осьмой Военной Дивизіи. Онъ отправится на другой день послѣ своей свадьбы въ Тулонъ съ женою и мы будемъ жить врознь. Не хочу имѣть при себѣ зятя. Такъ какъ мнѣ хочется это кончить, то скажи мнѣ сегодняже, будетъ ли онъ согласенъ. — Не думаю.—Ну такъ она выйдетъ за Лудовика.—Захочетъ ли она? — Она будетъ должна.» Первый Консулъ объявилъ мнѣ это съ досадою, показывавшею что у него произошла какая нибудь семейная ссора и что наскучивъ этимъ дѣломъ, онъ рѣшился предложить свои окончательныя условія дабы больше объ немъ не слыхать Дюрокъ воротился домой въ одиннадцатомъ часу вечера. Я пересказалъ ему отъ слова до слова предложеніе Перваго Консула.—

Если такъ, любезный другъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, *то онъ можетъ оставить у себя дочь свою; а я пойду къ . . . .*; и съ непостижимымъ для меня равнодушiемъ онъ взялъ шляпу и ушелъ. Первый Консулъ передъ тѣмъ какъ онъ легъ спать, былъ увѣдомленъ объ отвѣтѣ Дюрока, и Жозефина получила его согласiе на бракъ дочери ея съ Лудовикомъ; этотъ бракъ вскорѣ послѣ того свершился. Вотъ какъ дѣло произошло къ великому огорченiю дѣвицы Гортензiи и вероятно къ удовольствiю Дюрока; Лудовикъ допустилъ себя женить. Гортензiя до тѣхъ поръ сколько можно его избѣгала, всегда показывая ему равнодушiе, по крайней мѣрѣ равное отвращенiю, которое онъ къ ней обнаруживалъ. Эти чувства не перемѣнились.

Наполеонъ говоритъ на островѣ Св. Елены, что онъ хотѣлъ женить Лудовика на племянницѣ Г. Талейрана. Я тѣмъ меньше могу это отрицать, что Наполеонъ увѣрялъ меня что онъ имѣетъ на счетъ Лудовика другiе виды. Но я никогда не слыхалъ ни слова объ этой племянницѣ, ни отъ него, ни отъ Госпожи Бонапарте, ни отъ ея дочери; а напротивъ того, мнѣ казалось, что Первый Консулъ начиналъ уже тогда думать о союзахъ съ царскими Домами. Онъ выявлялъ иногда свое сожалѣнiе о томъ что сестры его поторопились выйти за мужъ. Читатели вспомнятъ, что это былъ тотъ самый

годъ, въ который учредилось пожизненное Консульство, служившее предвѣстіемъ Имперіи, а извѣстно, что позывъ на пищу приходитъ за ѣдою. Наполеонъ справедливо сказалъ товарищамъ своего изгнанія, «что этотъ бракъ былъ слѣдствіемъ происковъ Іозефины;» но не понимаю почему онъ ни слова не упомянулъ своимъ приближеннымъ о предположеніи своемъ выдать Гортензію за Дюрока, о ихъ любви и о своей первоначальной рѣшимости. Напрасно напечатали, будто бы Наполеонъ полагалъ согласить этимъ счастіе своей падчерицы со своею политикою; Гортензія не любила Лудовика и страшилась этого брака; почему нельзя было надѣяться для нея счастія и послѣдствія довольно это доказали. Что касается до политики Перваго Консула, то я не постигаю, какимъ образомъ она бы могла найти свои выгоды въ томъ, чтобы Лудовикъ женился на Гортензіи и во всякомъ случаѣ, эта великая политика, столь громогласно возвѣщавшая, что она неподчинена женскому вліянію, была бы покорною рабою происковъ Іозефины ибо тогда въ Тюлери, будуаръ часто былъ сильнѣе кабинета.

Здѣсь я съ удовольствіемъ пользуюсь случаемъ, самымъ явнымъ, самымъ положительнымъ образомъ опровергнуть гнусныя предположенія. Безстыдно лгали утверждавшіе, будто бы Бонапарте имѣлъ къ Гортензіи другія чувства кро-

тѣхъ, которыя свойственны вотчиму къ его дочерицѣ; ниже увидятъ что онъ сказалъ мнѣ этотъ счетъ; но никогда не должно отлагать опроверженiя столь подлой клеветы. Безсовѣстные писатели утверждали безъ доказательствъ, не только что Бонапарте находился въ преступной связи съ Гортензiею, но и будто бы онъ былъ отцемъ старшаго ея сына. Ложь, гнусная ложь! А между тѣмъ, слухъ объ этомъ былъ распространенъ вездѣ, какъ во Францiи такъ и въ цѣлой Европѣ. Неужели клевета имѣетъ столь могущественную прелесть, что подчинясь ей однажды, невозможно уже освободить-ся отъ ея ига?

ГЛАВА XXI.

Два президентства, возвѣщающія два престола.—Цизальпинская Консульта, собранная въ Ліонѣ.—Путешествіе безъ всякихъ предосторожностей. — Невѣжливость Кларка и неудовольствіе Перваго Консула.—Мальта и Англичане.—Мое безсмертіе по мнѣнію Наполеона. — Позволительная лесть.—Праздникъ у Г-жи Мюратъ.—Бонапарте, царь празднества и обхожденіе его съ дамами. — Наполеонъ беретъ къ себѣ въ кабинетъ дѣла о исключеніи изъ списка эмигрантовъ.—Жаркое преніе въ совѣтѣ объ имуществѣ эмигрантовъ.—Торжество Революціи.—Доказательство, взятое съ острова Св. Елены.

Первый Консулъ желалъ согласовать между собою правительства Цизальпинское и Французское Будучи главою одного, онъ считалъ необходимымъ дать другому Президента, который былъ бы ему угоденъ и самъ сдѣлался

ъ Президентомъ. Такимъ образомъ эти два
шенныя Президенства послужили ступенью
достиженія двухъ престоловъ. Нехотя на
гое время удаляться изъ Парижа и желая из-
нуть затрудненій поѣздки въ Миланъ, Бона-
е заставилъ особъ, назначенныхъ на совѣ-
нія, сдѣлать половину дороги: онъ созвалъ
въ Ліонѣ. Я сказалъ ему за нѣсколько
й до нашего отъѣзда: «Развѣ вамъ не было
пріятно опять увидѣть Италію, это первое
рище вашей славы, эту прекрасную сто-
у Ломбардіи, гдѣ вамъ оказывали такія по-
сти?—Конечно,» отвѣчалъ мнѣ Первый Кон-
ъ, «но поѣздка въ Миланъ заставила бы ме-
потерять драгоцѣнное время. Притомъ же
желательнѣе, чтобы это собраніе происхо-
во Франціи, а не въ Италіи; вліяніе мое
депутатовъ будетъ быстрѣе и вѣрнѣе въ
нѣ, чѣмъ въ Миланѣ. Притомъ же я очень
у радъ увидѣть тамъ благородные остатки
петской арміи, которые туда сберутся.»
Мы отправились 8 Генваря 1802 года. Сбираясь
хѣсть на престолъ Франціи, Бонапарте въ тоже
ся хотѣлъ приготовить Италіянцевъ къ воз-
женію на него нѣкогда Италіянской Короны,
подражаніе Карломану, котораго онъ заранѣе
талъ себя преемникомъ. Онъ видѣлъ въ санѣ
зидента Цизальпинской Республики большой
ть къ Королевству Ломбардовъ также какъ

позднѣе сего, въ назначеніи своемъ пожизненнымъ Консуломъ, онъ увидѣлъ рѣшительный шагъ ко Французской коронѣ. Титулъ Президента былъ безпрепятственно ему данъ 26 Генваря 1802 года. Поѣздка въ Ліонъ и совѣщанія были сдѣланы только для вида; но надобно было поразить мнѣніе громкими словами и торжественными дѣйствіями.

Покушенія, сдѣланныя на жизнь Перваго Консула, были причиною распространившагося слуха будто бы онъ въ эту поѣздку принялъ чрезвычайныя предосторожности для своего сохраненія. Я никакихъ не видалъ: онѣ были ему противны. Онъ очень зналъ и часто повторялъ что тотъ кто захочетъ пожертвовать своею жизнью, можетъ лишить его оной. Несправедливо говорено, будто бы стражи окружали его карету и были разставлены по всей дорогѣ; относительно предосторожностей, онъ ѣхалъ какъ обыкновенный путешественникъ. Я даже рѣдко видѣлъ оружіе у него въ каретѣ.

Въ это время, когда честолюбіе Наполеона съ каждымъ днемъ усиливалось, Генералъ Кларкъ позволилъ себѣ войти въ ложу Перваго Консула во Французскомъ Театрѣ и сѣлъ на первомъ мѣстѣ. Случилось что Наполеонъ пріѣхалъ въ театръ; но Кларкъ, едва привставъ, не уступилъ ему мѣста. Первый Консулъ пробылъ въ театрѣ очень короткое время и, возвратясь до-

ой, изъявилъ мнѣ сильное неудовольствiе на то обнаруженное Кларкомъ самолюбiе и чванство. Желая избавиться отъ человѣка, считаемаго имъ неумѣреннымъ льстецомъ и искуснымъ порицателемъ—онъ отправилъ его повѣреннымъ въ дѣлахъ къ новопожалованному Королю Этрурскому, и этотъ родъ ссылки наказалъ его за безразсудство; этимъ однакожъ ограничились всѣ *великiя неудовольствiя*, о которыхъ такъ много говорили. Въ послѣдствiи Генералъ Кларкъ опять вошелъ въ милость, что извѣстно и памятно Берлину.

25 Марта того же года, Англiя подписала въ Амiенѣ условiе о прекращенiи на четырнадцать мѣсяцевъ непрiязненныхъ дѣйствiй, которое назвали мирнымъ договоромъ. Статьи сего договора были таковы, что не обѣщали продолжительнаго мира: весьма очевидно напримѣръ было, что Англiя не выведетъ войскъ своихъ изъ Мальты, сiя Восточнаго Гибралтара; она это очень знала и статья, коею она соглашалась на отдачу сего острова Духовному Ордену, истребленному Наполеономъ, — очень мало ее затрудняла. Этотъ островъ Мальта долженствовалъ нѣкогда сдѣлаться одною изъ важнѣйшихъ причинъ разрыва Амiенскаго трактата, ибо Англiя хотѣла удержать его; но гордая Англiя, столь надменная до сихъ поръ противъ Перваго Консула, договаривалась съ нимъ какъ

съ *Главою Франціи*, а это для него много значило. Это еще болѣе утверждало власть его. Замѣтивъ, что я оцѣнилъ какъ слѣдуетъ выгоды, доставляемыя ему миромъ, онъ не скрылъ отъ меня чувствъ своихъ въ этомъ отношеніи.

Договоръ сей былъ сочтенъ Государственными людьми, даже въ Англіи, перемиріемъ, не могшимъ долго сохраниться; въ другихъ мѣстахъ повсюду были объ ономъ тѣхъ же мыслей.

Въ эту то эпоху, видя чрезъ сей миръ возрастающую свою славу и могущество, онъ сказалъ мнѣ однажды въ веселую минуту, потрепавъ меня по плечу въ одной изъ Мальмезонскихъ алей:—«Ну Буріенъ, ты будешь также безсмертенъ какъ я.—Отъ чего же это Генералъ?—А развѣ ты не Секретарь мой?—Скажите ка мнѣ имя Секретаря Александрова (*).» Онъ обернулся ко мнѣ и сказалъ улыбаясь: «*Гмъ! не дурно!.*» онъ подумалъ, что я говорю правду. Признаюсь что тутъ было немного лести, которая никогда ему не досаждала и въ этотъ день я не заслужилъ часто дѣланнаго имъ мнѣ упрека: *что я не довольно придворный, что я не довольно льстецъ.*

(*) Бонапарте не зналъ имени Александрова Секретаря, котораго звали Каллисоеномъ. Онъ писалъ Записки объ Александрѣ также, какъ я пишу о Наполеонѣ; но не смотря на это сходство, я столь же мало вѣрю безсмертію моего имени, сколь мало желаю онаго.

Госпожа Мюратъ, жившая въ Нёльи, сдѣлала для Бонапарте праздникъ, котораго онъ былъ кумиромъ. За роскошнымъ обѣдомъ послѣдовалъ вечеромъ спектакль. За большимъ столомъ сидѣли однѣ только дамы; мужчины помѣщались въ сосѣдней залѣ. Госпожа Мюратъ угощала съ большою пріятностью, посадивъ Перваго Консула противъ себя. Бонапарте ѣлъ скоро и ничего не говорилъ. Наконецъ, за десертомъ, онъ обратился къ каждой дамѣ съ вопросомъ, который ей годъ; дошедъ до Г-жи Буріеннъ, Наполеонъ сказалъ ей: «Что касается до васъ, ваши лѣта мнѣ извѣстны.» Вѣжливость его дальше не простерлась и дамы вовсе не остались имъ довольны.

На другой день послѣ этого праздника, очень ему надоѣвшаго въ то время, какъ Первый Консулъ прогуливался со мною въ Мальмезонѣ по любимой своей алеѣ, ему принесли множество Полицейскихъ донесеній, которыя всѣ были такъ глупы и скучны. Въ нихъ упоминалось о толкахъ, распространившихся въ Парижѣ по случаю недавно принятой имъ зеленой ливреи. Эти толки, какъ было сказано, происходили отъ того, что зеленый цвѣтъ принадлежалъ дому д'Артуа. На лицѣ у него показалось судорожное движеніе. *Что забрали себѣ въ голову эти скоты? они забавны! Развѣ я*

не стою Г-на д'Артуа? Они еще не то увидятъ; право они не отгадали!

До половины 1801 года, исключенія изъ эмигрантскаго списка, всегда были предлагаемы Министромъ Главной Полиціи. Первый Консулъ удостовѣрясь, что эти исключенія часто были дѣлаемы въ слѣдствіе сильнаго ходатайства, происковъ,—и даже за деньги, рѣшился сосредоточить эту работу у себя въ кабинетѣ; но другія дѣла замедливались чрезъ это скучное занятіе и не смотря на всѣ мои старанія, я не успѣвалъ дѣлать болѣе двѣнадцати или пятнадцати исключеній въ недѣлю; я нѣсколько разъ представлялъ ему это; но онъ сначала не обращалъ никакого на то вниманія. Тотчасъ послѣ молебна, отслуженнаго по случаю Конкордата и мира, я воспользовался въ Мальмезонѣ минутою его веселости и хорошаго расположенія для того чтобы вновь заговорить съ нимъ о всеобщемъ дозволеніи эмигрантамъ возвратиться въ свое отечество. «Вы примирили Французовъ съ Богомъ,» сказалъ я ему смѣясь, «примирите ихъ между собою. Никогда не существовало настоящихъ эмигрантскихъ списковъ; были только списки отсутствующихъ; доказательствомъ тому служитъ что изъ нихъ всегда вычеркивали и теперь всякой день вычеркиваютъ.» Эта мысль ему понравилась. «Хорошо, хорошо,» сказалъ онъ, «мы посмотримъ; но я хочу исключить изъ сего человѣкъ тысячу, принадле-

ыхъ къ знатнѣйшимъ фамилiямъ а въ осо-
ности тѣхъ, которые служили при Королѣ,
Принцахъ, или при прежнемъ Дворѣ (*).»
Я сказалъ въ Палатѣ Депутатовъ и съ удо-
льствiемъ здѣсь повторяю: «Въ проэктѣ Се-
скаго указа, который Первый Консулъ дик-
алъ мнѣ ночью, онъ исключалъ изъ воз-
та, только домы, занятые общественными
веденiями. Онъ не хотѣлъ платить за нихъ
капитала, ни даже за наемъ. Но кромѣ это-
исключенiя, онъ отдавалъ назадъ все, чѣмъ
дѣло Правительство и все что не перешло
третьи руки. При этомъ важномъ вопросѣ,
никогда не имѣлъ мысли коснуться прiо-
тенныхъ уже правъ. Онъ зналъ всю опа-
сть этого. Онъ даже возвращалъ остальную
ную часть конфискованныхъ фондовъ, за
ключенiемъ процентовъ за прошедшее время.
о была самая справедливая вещь, ибо Пра-
льство взяло эти фонды и пользовалось
центами, которыхъ оно не платило. Въ по-
дствiи эту безчестную конфискацiю варвар-
прозвали *слѣшенiемъ*. Это слово еще и
нѣ употребляется; оно выдумано для при-
тiя хитрости, обмана, грабежа, воровства,
соятельности и прочихъ финансовыхъ под-
стей, въ которыхъ часто бывало виновно
анцузское Правительство; слово которое

(*) Сенатскiй указъ уменьшилъ это число до половины.

должно бы встрѣчаться въ словарѣ у однихъ только варварскихъ народовъ. Что сказали бы о человѣкѣ, который укравъ мѣшокъ съ тысячью франками, положилъ бы его вмѣстѣ съ сотнею другихъ, такихъ же мѣшковъ и отвѣчалъ бы тому кто бы сталъ законно его требовать: *Мѣшокъ вашъ точно у меня; но я не могу узнать его, потому что онъ смѣшался съ другими.* — *Нельзя* отвѣчали требовавшимъ сего возврата, даже не изъ выгодъ а единственно по чувству справедливости — *нельзя узнать фондовъ.* Но были также конфискованные фонды Англичанъ, захваченные тѣмъ же закономъ этихъ ужасныхъ временъ; ихъ вѣроятно также не могли узнать, однакожъ ихъ вполнѣ возвратили и съ процентами. То что Англійскіе штыки легко пріобрѣли, было отказано превѣчной справедливости, этой дщери Неба, безъ которой всѣ Контитуціи никогда не были и никогда не будутъ ничѣмъ инымъ какъ чернымъ на бѣломъ.

Первый Консулъ, окончивъ свой проэктъ указа, созвалъ на другой день большой Совѣтъ. Оный составлялся изъ Министровъ, изъ двухъ Консуловъ и еще изъ пяти главнѣйшихъ Государственныхъ сановниковъ. Я былъ въ кабинетѣ, служившемъ библіотекою и смежномъ съ залою, въ видѣ шатра, въ коей происходили Совѣты. Разсужденіе было продолжительно и

во; я слышалъ все, ибо говорили очень мко; даже иногда кричали. Первый Консулъ льно оспоривалъ многочисленныя возраженія, аемыя противъ его проэкта; ему отвѣчали такимъ же жаромъ. Наконецъ, Революція ергла всякое возвращеніе. Она соглашалась звать обратно жертвъ своихъ, но хотѣла въ ке время удержать отнятое у нихъ.

Возвратясь въ свой кабинетъ, Первый нсулъ очень задумался о неудачномъ дѣй- ія на совѣтъ предложеннаго имъ проэкта. осмѣлился ему сказать: «Вы слишкомъ ны Генералъ, и можете видѣть что цѣль ша не достигнута и проэктъ не удался. казъ возвратить эмигрантамъ то, чѣмъ она еще владѣетъ, уничтожаетъ все, что и этой уступкѣ, призывъ эмигрантовъ ѣлъ бы въ себѣ высокаго, благороднаго и ликодушнаго. Не понимаю какъ вы могли тупить противорѣчію, столь неосновательному и столь жадному. «*Чортъ возьми*,» отвѣ- ть онъ мнѣ съ досадою, «*ты вѣрно самъ все шалъ. Революція имѣла большинство го- совъ въ совѣтѣ; что мнѣ было дѣлать; раз- я довольно силенъ для того, чтобы преодо- ть всѣ препоны?*—Генералъ, успокойтесь, я хочу васъ разсердить; но вы очень можете будущее засѣданіе воспротивиться этимъ лю- мъ.—Это было бы трудно,» отвѣчалъ онъ

нѣсколько укротясь. Повторяю тебѣ, что дѣла этого рода еще въ ихъ рукахъ; на все надобно время; впрочемъ, ничего еще не рѣшено: мы увидимъ. Всѣмъ извѣстенъ Сенатскій указъ 6 Флореаля X года (26 Апрѣля 1802) черезъ двѣ недѣли послѣ описаннаго мною разговора. Извѣстно, что дано этимъ Сенатскимъ указомъ; а выше показано, что желалъ дать глава Правительства; надобно было еще на этотъ разъ уступить Революціи; а безъ того Бонапарте настоялъ бы въ своемъ первомъ намѣреніи.

Это дѣло занимало Наполеона на островѣ Св. Элены. Онъ самъ говорилъ, «что онъ могъ (ему бы слѣдовало сказать, что онъ хотѣлъ), дать все; что онъ думалъ было такъ поступить и что онъ сдѣлалъ ошибку не исполнивъ этого. Чрезъ это ограниченіе, — прибавлялъ онъ, — уничтожилось все доброе дѣйствіе обратнаго призыва эмигрантовъ. Это ошибка, тѣмъ болѣе важная, что я думалъ объ этомъ; но я былъ одинъ окруженный противниками и шпіонами; всѣ были противъ этого, такъ что трудно себѣ представить; а между тѣмъ меня обременяли важныя дѣла, время текло и я былъ принужденъ имѣть наблюденіе по другимъ предметамъ.» Потомъ онъ говоритъ о синдикахъ, которыхъ онъ предполагалъ учредить. Я никогда ни слова объ этомъ не слыхалъ и разсказалъ дѣло какъ оно было; приведенное выше, это подтверждаетъ

Роялисты, сѣтующiе на оборотъ, который принимали общественныя дѣла, не удовольствовались ограниченною мѣрою возвращенiя эмигрантовъ. Друзья общественной свободы увидели оную нарушаемою дѣйствiями Перваго Консула и Правительственныхъ мѣстъ, которыя онъ держалъ въ совершенной у себя зависимости и которыя сами вызывались предлагать ему еще больше того. Никто не былъ доволенъ.

ГЛАВА XXII.

Порученіе Генерала Себастіани.—Любопытныя свѣдѣнія.—Недостатокъ способовъ.—Непріязненныя выраженія Себастіани противъ Англіи.—Лордъ Витвортъ. — Страданія Наполеона. — Предчувствіе. — Корвизаръ, врачъ Бонапарте и главный Императорскій медикъ. — Вліяніе Физическихъ болей на характеръ Бонапарте.—Изорваніе статьи, приготовленной для *Монитёра*.—Посольство въ Лондонъ.—Генералъ Андреосси.—Каламбуръ Г. Талейрана въ кабинетѣ Перваго Консула.—Расточительность Іеронима Бонапарте. —Строгое письмо его брата.—Письмо Іеронима.—Геліогабалъ въ маломъ видѣ.—Ненасытность братьевъ Наполеона. —Г. Колло.—Поставки для флота.—Финансовыя правила Перваго Консула.

Первый Консулъ былъ доволенъ поведеніемъ Генерала Себастіани при поѣздкѣ его послѣ Аміенскаго договора въ Константинополь для преклоненія Султана къ возстановленію мира съ Франціею.

Въ эпоху, о которой я говорю, т. е. до по-
ченія непріятнаго извѣстія объ отдачѣ Егип-
, это любимое завоеваніе очень его безпо-
ило; онъ все думалъ о Востокѣ, будучи увѣ-
нъ, что такой человѣкъ какъ Себастіани,
ѣхавъ сѣверную Африку, Египетъ и Сирію,
жетъ склонить Государей сихъ странъ къ
ѣнію, болѣе для него благопріятному, чѣмъ
, которое внушило имъ завоеваніе Египта и
ничтожить слухи, которые Англія распростра-
ла о положеніи Франціи. Миръ съ Оттоман-
кою Портою благопріятствовалъ этимъ сно-
еніямъ; Себастіани долженъ былъ наблю-
ть эти страны съ точностью, которую
ѣщали молодость и дѣятельность ума его.
онапарте не ошибся въ своемъ выборѣ; Се-
стіани объѣхалъ Варварійскія Державы, Еги-
тъ, Палестину и Іонійскіе острова. Вездѣ онъ
ревозносилъ могущество Бонапарте и унижалъ
глію. Онъ укрѣплялъ прежнія связи и заво-
лъ новыя съ главами каждой земли. Онъ
ъявилъ Правительству Іонійскихъ Острововъ
о оно можетъ надѣяться на могущественное
кровительство Франціи. Бонапарте, по моему
нію, ожидалъ слишкомъ много послѣдствій
ъ поѣздки отдѣльной и предпринятой съ
ставленіями, весьма неопредѣлительными. Не
отря на то однакоже, Себастіани извлекъ изъ
ой все, что было возможно и въ *Монитёрѣ*

можно найти занимательныя касательно сего подробности. Тайныя свѣдѣнія о средствахъ напасть съ успѣхомъ на Англійскія заведенія въ Индіи, были довольно любопытны, но недостаточны, дабы можно было надѣяться отъ оныхъ скораго успѣха; этотъ успѣхъ зависѣлъ отъ множества обстоятельствъ, которыхъ нельзя было предвидѣть.

Отрывокъ изъ донесенія Генерала Себастіани былъ наполненъ непріязненными выраженіями противъ Англіи. Въ немъ между прочимъ упоминалось, что съ шестью тысячами человѣкъ можно завоевать Египетъ и что Іонійскіе Острова были расположены свергнуть съ себя иго. Нѣтъ сомнѣнія, что обнародованіе этого донесенія ускорило разрывъ Аміенскаго мира. Англія прекратила всѣ переговоры о Мальтѣ, объявивъ что прежде возобновленія оныхъ, Король Великобританскій долженъ получить удовлетвореніе за то, что она сочла враждебнымъ поступкомъ. Она сильно опиралась на этотъ доводъ, справедливый или неосновательный, въ причинахъ, безпрестанно изобрѣтаемыхъ ею для оправданія разрыва Аміенскаго трактата, къ исполненію коего Англія всегда показывала мало готовности.

Тогда-то Бонапарте, пренебрегая обыкновенными формами, захотѣлъ имѣть частное свиданіе съ Лордомъ Витвортомъ, Англійскимъ По-

никомъ въ Парижѣ, и который былъ по-
днимъ Посломъ отъ Англiи въ Санктпетер-
бургѣ до разрыва, предшествовавшаго смерти
ператора Павла. Бонапарте надѣялся прекло-
ть его своими словами и оборотомъ, кото-
й онъ умѣлъ давать разговору; но ниже уви-
ть, что все было безполезно. Подписывая
ренскiй договоръ, Британское Министерство
ль знало, что оно его расторгнетъ, ибо тогда
е приняло твердую рѣшимость вѣчно бо-
ться съ необузданнымъ честолюбiемъ Напо-
на.

Съ начала 1802 года Бонапарте чувствовалъ
льную боль въ правомъ боку. Я часто ви-
ть въ Мальмезонѣ, что сидя за вечернею ра-
лою около полуночи, онъ облокачивался на
вую ручку своихъ креселъ, разстегивалъ
итье и жилетъ свой и болѣзненно вздыхалъ.
спрашивалъ его что съ нимъ и онъ отвѣчалъ
ъ: *Ахъ, какъ я страдаю!* И чрезъ нѣсколько
нутъ послѣ того, я отводилъ его въ спальню.
нѣсколько разъ бывалъ принужденъ поддер-
вать его на маленькой лѣстницѣ, ведущей
его внутренняго кабинета въ коридоръ
шихъ покоевъ. Въ эту то эпоху, онъ часто
говаривалъ: «Я боюсь, чтобы достигнувъ
рока лѣтъ мнѣ не сдѣлаться толстымъ об-
рою; я имѣю предчувствiе разтолстѣть.» Это
сенiе преждевременной тучности, очень его

безпокоило; но чрезвычайная его воздержность и физическое состояніе его тѣлосложенія не позволяли мнѣ раздѣлять его предчувствія. Я ошибся.

Мѣсяцевъ за шесть передъ этимъ, онъ спросилъ у меня, кто мой врачъ; я отвѣчалъ ему что Корвизаръ. «А какъ ты съ нимъ познакомился? —Братецъ вашъ Лудовикъ расхвалилъ мнѣ его; онъ вылечилъ его отъ извѣстной вамъ болѣзни и Лудовикъ имѣетъ къ нему большую довѣренность.»—Черезъ нѣсколько дней послѣ того, онъ взялъ къ себѣ Корвизара врачемъ а по прошествіи трехъ лѣтъ сдѣлалъ его Главнымъ Императорскимъ Медикомъ. Первый Консулъ скоро привыкъ къ этому искусному врачу и пока я при немъ находился, всегда съ удовольствіемъ съ нимъ разговаривалъ; открытое и веселое лицо его очень ему нравилось. Корвизаръ признавался ему что Медицина мало въ состояніи сдѣлать и что если она имѣетъ какую любовь власть, то болѣе чрезъ совѣты, чѣмъ посредствомъ лекарствъ.

Боли, которыя ощущалъ тогда Первый Консулъ, усиливали его раздражительность. Можетъ быть должно приписать этому расположенію многія дѣйствія этой эпохи его жизни; мысли его тогда, были не тѣ утромъ, что вечеромъ и онъ часто рвалъ поутру даже безъ малѣйшаго замѣчанія, бумаги, которыя онъ диктовалъ мнѣ

ью и самъ находилъ превосходными. Но-
ла, я бралъ на себя не отсылать какъ
желалъ въ туже ночь для напечатанія въ
нитёрѣ статей, которыя, будучи написаны
ъ вліяніемъ досады и вспыльчивости, могли
известь въ Европѣ дурное дѣйствіе. Когда
другой день онъ не видѣлъ статьи, то я
лался на слишкомъ поздній часъ или на
зданіе курьера. Но я замѣчалъ ему что
езъ это ничего еще не потеряно и что
тья можетъ быть помѣщена на другой день;
не тотчасъ отвѣчалъ мнѣ на это, но гово-
ъ мнѣ черезъ четверть часа послѣ того:
посылай мою статью въ *Монитёръ* не по-
авъ ее мнѣ.» Онъ бралъ ее, перечитывалъ,
вялся иногда тому, что онъ мнѣ ее про-
товалъ и въ шутку говорилъ, что я не до-
шалъ. «Это не очень хорошо, не правда ли?
Право не знаю. — О нѣтъ, это вовсе никуда
годится; какъ ты думаешь?» Покачавъ не-
го головою, онъ рвалъ бумагу. — Однажды
прислалъ мнѣ въ два часа ночи (мы нахо-
мсь тогда въ Тюлiери) своей руки записку
дующаго содержанія: «*Бурiенну*. Напиши къ
ре, чтобы онъ вычеркнулъ изъ ноты, кото-
ю Флёрiё вчера читалъ въ Трибунатѣ, выра-
ніе касательно Косты и по возможности
гчилъ бы всю статью.» Эта перемѣна про-
шла (какъ часто случалось) въ слѣдствіе

сдѣланныхъ мною ему замѣчаній, которыя онъ сначала съ досадою отвергнулъ.

Послѣ Аміенскаго мира, Первый Консулъ занялся назначеніемъ Посланника въ Англію; не знаю почему онъ бросилъ взоры на Генерала Андреосси. Я дозволилъ себѣ нѣсколько замѣчаній противъ этого выбора, который казался мнѣ несоотвѣтствующимъ важности порученія; онъ отвѣчалъ мнѣ: «Это еще не рѣшено, я переговорю съ Талейраномъ.» Въ тотъ же вечеръ Г. Талейранъ пріѣхалъ съ нимъ работать; мы находились въ Мальмезонѣ. Зашла рѣчь о назначеніи въ Англію Посланника, и Первый Консулъ, назвавъ нѣсколько человѣкъ, сказалъ: «Мнѣ хочется назначить Андреосси.» Г. Талейранъ, не очень расположенный къ этому выбору, отвѣчалъ ему съ хитрымъ, лукавымъ видомъ: «Вы хотите назначить *также Андре* (André aussi)! Кто жъ такой этотъ Андре? — Я говорю вамъ не объ Андре, а объ Андреосси; развѣ вы его не знаете; вотъ еще! Андреосси, Артиллерійскій Генералъ — Андреосси! а да правда, Андреосси; я объ немъ и не подумалъ: я перебиралъ въ умѣ дипломатовъ и не находилъ его между ними. Да, правда, такъ, такъ, онъ въ Артиллеріи.» Тогда Первый Консулъ началъ говорить объ Андреосси въ такомъ смыслѣ, чтобы показать Г. Талейрану, что онъ назначаетъ этого Артиллерійскаго Генерала По-

шпикомъ въ Лондонъ. Онъ отправился туда о заключеніи Амісенскаго мира въ 1802 году воротился черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, едва нѣвъ время тамъ устроиться. Ему немного мъ было дѣла; это пришлось кстати: онъ ничего не сдѣлалъ.

Въ 1802 году Іеронимъ былъ произведенъ ъ Мичмана и находился въ Брестѣ, позволяя бѣ дѣлать расходы, очень превышавшіе его стояніе. Онъ часто давалъ на мое имя векселя, которые Первый Консулъ съ большою досадою уплачивалъ. Одно изъ писемъ, въ которомъ Іеронимъ описывалъ мнѣ свои удовольствія и даваемые ему праздники, а потомъ сообщалъ мнѣ, что онъ далъ на мое имя вексель ъ семнадцать тысячъ франковъ, возбудило нѣвъ Перваго Консула. Онъ написалъ къ нему:

«Я читалъ письмо твое, господинъ Мичманъ. Пора тебѣ быть на твоемъ корветѣ и учиться обязанностямъ званія, которое должно быть поприщемъ твоей славы.

«Умри въ молодости, я утѣшусь; но не потерплю, чтобы ты прожилъ шестьдесятъ лѣтъ безъ славы, безъ пользы для отечества, не оставивъ слѣдовъ своего существованія; лучше было бы вовсе не существовать.—Парижъ 6 Мессидора X года (27 Іюня 1802). *Мичману Іеронилу.*

Извѣстно исполнились ли желанія Перваго

Консула. Это письмо совершенно опровергаетъ напечатанное въ біографіяхъ, будто бы Іеронимъ Бонапарте отправился въ 1801 году *Лейтенантомъ* съ Сен-Доминтскою экспедиціею. Іеронимъ отправился на *Копчикѣ* (Epervier) по полученіи письма отъ своего брата; онъ былъ въ Сен-Піеррѣ 6 Ноября и тогда уже получилъ Лейтенантскій чинъ. Онъ написалъ ко мнѣ изъ Сен-Піерра отъ 23 Ноября извѣщая, что онъ далъ на меня вексель въ двадцать тысячъ франковъ; вотъ письмо его:

Лейтенантъ Іеронимъ Бонапарте Командиръ Копчика.

«Предупреждаю тебя, любезный Буріеннъ, «что я далъ на твое имя заемное письмо въ «*двадцать тысячъ* франковъ; я писалъ объ «этомъ къ Первому Консулу съ послѣднимъ «судномъ и онъ вѣрно тебѣ ужъ объ этомъ «говорилъ.

«Я встрѣтилъ одного изъ твоихъ друзей въ «Сен-Піеррѣ: это Генералъ Кастелла, здѣшній «начальникъ; я прибылъ сюда 15 Брюмера и «провелъ только недѣлю въ Форъ-де-Франсѣ.

«Прощай, любезный Буріеннъ, обнимаю тебя.

I. БОНАПАРТЕ.»

«P. S. Всѣ Европейцы, любезный Буріеннъ «умираютъ въ этомъ краю. Съ моего корвета «убыло уже 23 человѣка: судно очень плохое: «по этому ты можешь судить, доволенъ ли

службою на *Копчикѣ*. Нынѣшнюю ночь я нимаюсь съ якоря и иду осматривать Анийскiе острова. Это продержитъ меня дней вадцать или тридцать въ морѣ. Прощай любезный Бурiеннъ, обнимаю тебя.»

Iеронимъ никогда не отвѣтствовалъ ожиданiямъ и желанiямъ своего брата, который весь звалъ его *повѣсою*. Читатели видѣли поведенiе его въ Мичманскомъ чинѣ. При первыхъ шагахъ своихъ на поприщѣ жизни, онъ горчалъ брата своего и семейство своими связями. Вестфалiя никогда не забудетъ, что онъ ылъ Королемъ ея и народъ его не даромъ розвалъ его *Гелiогабаломъ въ маломъ видѣ*.

Вообще Первому Консулу наскучили и надѣли безпрестанныя требованiя денегъ, дѣлаемыя его братьями. Дабы кончить на этотъ ветъ съ Iосифомъ, издерживавшимъ большiя ммы въ Морфонтенѣ, подобно Луцiану въ Римѣ, онъ отдалъ Г. Колло поставку съѣстныхъ припасовъ для флота, съ тѣмъ условiемъ, чтобы онъ изъ барышей своихъ выдавалъ Iосифу ежегодно по 1,500,000 франковъ. Луцiанъ устроилъ уже свои дѣла въ Испанiи. Думаю что эта поставка, хотя не много времени продолжавшаяся, доставила выгоды Iосифу. Но она дѣлалась пагубною для Г. Колло, по волѣ Перваго Консула, который однакоже никогда не имѣлъ причины на него жаловаться. Г-ну Колло

очень неисправно, очень дурно платили, дѣлая ему разныя прижимки и огорченія. Онъ этого не заслуживалъ. Первый Консулъ самъ объявилъ ему, что онъ будетъ каждый мѣсяцъ исправно получать деньги и что ему не нужно дѣлать *никакихъ расходовъ* по канцеляріямъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, даже я думаю около года, между тѣмъ какъ онъ не получилъ ни франка. Наконецъ съ большимъ трудомъ чрезъ посредство Жюно, но *не безъ расходовъ*, добился онъ свиданія съ Первымъ Консуломъ. Бонапарте сказалъ мнѣ, какъ онъ обыкновенно дѣлывалъ, если желалъ имѣть третьяго свидѣтеля: *Ты останешься*. Г. Колло пріѣхалъ въ Мальмезонъ: это было вечеромъ; онъ говорилъ съ Первымъ Консуломъ съ благородною твердостью, и сильно изложилъ ему свои жалобы на положеніе, въ которомъ его оставляли. Онъ доказалъ ему, что онъ поставилъ уже огромное количество припасовъ и не могъ еще ничего получить отъ флота. Онъ напомнилъ Первому Консулу обѣщанное ему при отдачѣ поставки для флота, по причинѣ опредѣленнаго имъ притомъ условія. Ему были должны нѣсколько милліоновъ за поставку, простиравшуюся отъ 20 до 24 милліоновъ. Наконецъ Г. Колло ясно далъ ему уразумѣть, что еслибъ не великое пожертвованіе, отъ него потребованное, то онъ

лдо съ меньшими издержками, получилъ уплату отъ флотскаго управленія. Что онъ сдѣлалъ этого потому, что самъ Бонапарте явилъ ему, что это будетъ безполезно и онъ даже почти запретилъ ему это: сдѣ-ъ пожертвованіе, онъ получилъ бы свои ьги. На это первый Консулъ отвѣчалъ ему сильною досадою: «Тьфу къ чорту! . . . за о вы меня принимаете? развѣ я Капуцинъ? бы должны дать сто тысячъ ефимковъ ре, сто тысячъ Дюроку, сто тысячъ Бу-ну, получить чрезъ нихъ удовлетвореніе и приходить надоѣдать мнѣ вашими бреднями. ченя на то есть Министры, чтобы пред-влять мнѣ отчеты. Я переговорю съ Декре: ъ все; оставьте меня и не докучайте мнѣ льше такими мелочами;» и послѣ этого очень ово его выслалъ. Я узналъ въ послѣдствіи, о не прежде какъ послѣ множество отказовъ, ижимокъ, трудовъ и безпокойствъ, Г. Колло путался изъ этого дѣла; онъ однажды ска-ъ мнѣ: «Боже мой! если ему такъ надобны и деньги, то пусть онъ потребуетъ у меня тать, я построю его; но пусть мнѣ вы-ть то, что мнѣ слѣдуетъ.» Во всемъ этомъ лѣ справедливость была на сторонѣ Г. Колло; ижимки съ другой стороны: надобно ска-ть правду.

ГЛАВА XXIII.

Вошедшая въ пословицу лживость бюлетеней.—Исторія по Монитёру. — Несправедливости Наполеона противъ славы.—Защита и сдача Мальты Генераломъ Вобуа.—Г. Дубле.—Поддѣльное письмо.—Безполезныя требованія и дѣйствія.—Учрежденіе Почетнаго Легіона.—Мое одобреніе.—Затрудненія въ Совѣтѣ и въ Правительственныхъ мѣстахъ.—Слабый перевѣсъ голосовъ.—Монархическія мысли Г. Талейрана.—Приверженцы наслѣдственнаго правленія.—Странная угрюмость Луціана. — Зародышъ пожизненнаго Консульства. — Предпочтеніе самовластія свободнымъ постановленіямъ. — Притворное смиреніе.—Ограниченія Сената.—Чрезвычайная щедрость Государственнаго Совѣта.—Принятіе одного изъ двухъ предложеній.—Запоздавшія Присутственныя Мѣста.—Г. де Ла-файетъ послѣ Маренго въ Тюльери.—Праздникъ, данный Американцамъ.—Письмо Г. Лафайета къ Первому Консулу.—Голосъ, поданной условно и съ оговоркою.

Желательно чтобы историкъ эпохи, до которой мы достигли, не довѣрялъ бюлетенямъ, депешамъ, потомъ и воззваніямъ, изданнымъ

полеономъ или происшедшимъ чрезъ его руки, основывался бы на источникахъ, болѣе достоверныхъ. Что касается до меня, то я считаю пословицу: *Лжетъ какъ бюлетень* столь же справедливою, какъ и то что *Дважды два четыре.*

Бюлетени всегда возвѣщали то, что Бонапарте желалъ выдать за *правду*; но дабы надлежащимъ образомъ судить о нихъ, надобно принимать въ соображеніе и другія, противорѣчащія онымъ показанія. Извѣстно, что мѣсто, откуда онъ издавалъ бюлетень свой, также считалось у него дѣломъ весьма важнымъ: онъ писалъ въ Москвѣ указы о театрахъ и о Бургскомъ быкѣ.

Офиціяльныя извѣстія почти всегда были изъяемы: ложь находилась, какъ въ объявленіяхъ о побѣдахъ, такъ и въ изложеніи неудачь и потерь. Исторія, написанная единственно на основаніи бюлетеней, переписки и офиціяльныхъ актовъ того времени, дѣйствительно была бы не что иное какъ романъ: читатели видѣли тому уже доказательства въ этихъ Запискахъ.

Другая вещь, которой я никогда не могъ постигнуть, состояла въ томъ, что Бонапарте, при его неоспоримомъ превосходствѣ, всегда старался унижать цѣну воинской славы другихъ: онъ часто говорилъ о явныхъ ошибкахъ съ тѣмъ, чтобы приписывать ихъ своимъ

Генераламъ, своимъ Министрамъ и покрывать тѣмъ свои собственные промахи. Извѣстно что безпрестанныя жалобы и опроверженія столь же сильныя, какъ и основательныя, были дѣлаемы Генералу Бонапарте касательно его несправедливыхъ и пристрастныхъ бюлетеней; неоднократно оспоривали донесенія, въ коихъ успѣхъ какого либо дѣла былъ приписываемъ человѣку, почти въ немъ неучаствовавшему а о томъ, кто начальствовалъ, не упоминалось ни слова. Жалобы Офицеровъ и солдатъ принудили однажды Генерала Ланюсса сдѣлать возраженіе противъ измѣненнаго въ бюлетенѣ его донесенія о весьма важной битвѣ съ Арабами и довольно значительной потерѣ, которая была представлена совершенно ничтожною ошибкою. Показаніе исправили; но и возраженіе было сдѣлано съ благородствомъ и силою.

Бонапарте овладѣлъ Мальтою, какъ всякому извѣстно въ двое сутокъ. Владычество въ Средиземномъ морѣ, которое Англичане пріобрѣли чрезъ Абукирское сраженіе, доставило имъ возможность выжидать съ ихъ многочисленными крейсерами, пока голодъ принудитъ къ сдачѣ Генерала Вобуа, Коменданта Мальты. Этотъ Генералъ, совершенно оставленный и лишенный всякаго сообщенія съ Франціею, заключилъ капитуляцію 4 Сентября 1800 года и сдалъ Англичанамъ второй Гибралтаръ Сре-

инаго Моря послѣ превосходной обороны, одолжавшейся около двухъ лѣтъ. Я долженъ ялъ напомнить эти событiя, относящiяся къ му, что слѣдуетъ ниже.

22 Февраля 1802 года нѣкто Г. Дубле, бывшiй Комисаромъ Французскаго Правительства Мальтѣ тогда какъ мы владѣли этимъ островомъ, пришелъ ко мнѣ въ Тюлiери. Онъ горьжаловался на перепечатаніе въ *Монитёрѣ* исьма, написаннаго имъ изъ Мальты Первому нсулу 20 Вантоза VIII года (9 Февраля 1800). поздравлялъ его,» сказалъ Г. Дубле, «съ 18-мъ номеромъ и изобразилъ ему положенiе Мальты, обуждавшее сильныя опасенiя. Въ *Монитёрѣ* печатали совсѣмъ тому противное и на это жалуюсь. Это подвергло меня въ Мальтѣ многимъ важнымъ неудовольствiямъ, и меня винили въ томъ, что я ложно представилъ настоящее положенiе этого острова, гдѣ я занималъ отъ правительства должность, придававшую вѣсъ словамъ моимъ.» Я отвѣчалъ ему, что не я редакторъ *Монитёра* и что ему не мнѣ слѣдовало обратиться. «Впрочемъ,» прибавилъ я, «дайте мнѣ копiю съ вашего письма, которое мнѣ трудно было бы у себя отыскать; доложу Первому Консулу и сообщу вамъ его отвѣтъ.» Дубле началъ искать письма у себя въ карманѣ и не нашелъ его. Извинившись передо мною, онъ сказалъ, что немедленно

пришлетъ мнѣ копію съ письма и повторилъ просьбу свою о томъ, чтобы я развѣдалъ отъ чего произошла эта ошибка. Въ тотъ же день онъ прислалъ мнѣ слѣдующее письмо:

ГРАЖДАНИНЪ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВѢТНИКЪ,

«Спѣшу исправить забывчивость мою сего«дня утромъ, покорнѣйше прося у васъ въ оной «извиненія. Вотъ письмо, которое я имѣлъ честь «писать къ Первому Консулу узнавъ въ Мальтѣ «о счастливомъ переворотѣ 18 Брюмера.

Мальта, 20 Вантоза, VIII года.

ДУБЛЕ, КОМИСАРЪ ФРАНЦУЗСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВЪ МАЛЬТѢ.

Гражданину Бонапарте, Первому Консулу Республики.

«ГРАЖДАНИНЪ КОНСУЛЪ,

«Не получая болѣе года отъ Французскаго «Правительства никакого отвѣта на мои много«численныя депеши, я возъимѣлъ сомнѣнія о «скребіи Республики, потому что вы не нахо«дились уже болѣе въ Италіи; но узнавъ что «вы возвратились въ Тулонъ, я воскликнулъ: «*Республика спасена!* Любовь моя къ ней и «удивленіе мое къ вамъ были для меня вдохно«веніемъ: такъ, вы оправдаете это предсказаніе

ибо всѣ добрые Республиканцы съ радостью повторяютъ: Онъ спасетъ, онъ утвердитъ Республику.»

«*Спѣшите также спасти Мальту: людей и продовольствiя; не должно терять времени* (*). Прiобрѣтенiе оной для Республики было ваше дѣло: ваша слава должна принять участiе въ томъ чтобы она у насъ осталась, а этого довольно для нашего успокоенiя.

«Поклонъ и почтенiе.

ДУБЛЕ.»

«P. S.» Если вы желаете, Гражданинъ Государственный Совѣтникъ, имѣть другiя объясненiя, то я готовъ сообщить вамъ ихъ словесно или письменно.

«Парижъ, 3 Вантоза X года.»

Вмѣсто словъ, означенныхъ мною косыми литерами, въ Монитёрѣ напечатано: *Илья его слушаетъ храбрымъ защитникамъ Мальты новое мужество; у насъ есть люди и продовольствiе.*

Незная причинъ такой странной перемѣны, я показалъ это письмо Первому Консулу. Онъ улыбаясь пожалъ плечами: «Не отвѣчай ему; онъ

(*) Достойно замѣчанiя что Дубле писалъ это черезъ семь мѣсяцевъ послѣ того какъ Бонапартé увѣрялъ Генерала Дезе въ депешѣ отъ 12 Августа 1799, что Мальта снабжена продовольствiемъ на *два года*. Къ чему послужила эта ложь? Мальта была взята голодомъ.

глупецъ, не вмѣшивайся больше въ это дѣло.»

Ясно было что нечего дѣлать. Но я вовсе не виноватъ въ томъ, что съ Г-мъ Дубле сыграли такую дурную шутку: я далъ почувствовать Первому Консулу какимъ непріятностямъ этотъ Комисаръ могъ чрезъ то подвергнуться. Я рѣдко видѣлъ чтобы печатали письма или донесенія точно въ томъ видѣ какъ оныя были присланы; и имѣлъ случай замѣтить сколько можно пріискать причинъ для оправданія такихъ подлоговъ. Когда однажды совратишься съ пути искренности и правдолюбія, то всѣ предлоги хороши для оправданія такого поведенія. Какую исторію написали бы, еслибъ справлялись съ однимъ только Монитёромъ!

По продолженіе Наполеонова Консульства на десять лѣтъ, онъ учредилъ 19 Маія Орденъ Почетнаго Легіона. За этимъ учрежденіемъ вскорѣ послѣдовало дворянство. Такимъ образомъ въ короткое время: Конкордатъ успокоилъ совѣсти и возстановилъ миръ въ Церкви; эмигранты были призваны обратно; продолженіе Консульства на десять лѣтъ приготовило Консульство по жизнь и Имперію и въ землѣ гдѣ не было больше никакихъ отличій, учредился Орденъ, долженствовавшій произвесть чудеса. Бурбоны, возстановивъ другіе уничтоженные Ордена, очень благоразумно оставили Орденъ Почетнаго Легіона.

Во многихъ обстоятельствахъ бывало что
вый Консулъ, поторопясь исполненiемъ сво-
ъ замысловъ, отдѣлывался въ случаѣ неудачи
ь что слагалъ вину на другаго, какъ
ъ поступилъ напримѣръ въ дѣлѣ сравненiя
ду Цесаремъ, Кромвелемъ и Бонапартс. Онъ
ъ всегда спѣшилъ, что можно бы объ немъ
зать, еслибъ онъ былъ садовникомъ, что онъ
тѣлъ видѣть плоды зрѣлыми прежде чѣмъ
рево отцвѣтало. Эта безразсудная торопливость
а было не сдѣлалась пагубною учрежденiю
четнаго Легiона, которое онъ имѣлъ у себя
головѣ съ тѣхъ поръ какъ увидѣлъ Ордена
петлицѣ и на груди Иностранныхъ Посланни-
въ. Онъ часто твердилъ: «Это будетъ полезно!
кiя вещи нужны для народа!»

изнаюсь, что я былъ ревностнымъ защит-
комъ учрежденiя во Францiи новаго Ордена,
о во всякомъ благоустроенномъ Государствѣ,
ва онаго долженъ стараться поощрять честь
ждан и дѣлать ихъ болѣе чувствительными
почетнымъ отличiямъ, чѣмъ къ денежнымъ
радамъ. Но въ тоже время я старался дать
чувствовать Первому Консулу, что онъ слиш-
ъ торопится; онъ меня не послушалъ и я
тою же откровенностью долженъ сознаться
о въ этомъ случаѣ, какъ ниже увидятъ, я
ро успокоился на счетъ послѣдствiя затру-

дисній, встрѣченныхъ имъ въ Совѣтѣ и въ Конституціонныхъ палатахъ.

4 Маія 1801 года, въ первый разъ было офиціяльно упомянуто въ Государственномъ Совѣтѣ объ учрежденіи Почетнаго Легіона, на счетъ коего воспослѣдовалъ указъ 19 числа тогожъ мѣсяца. Сопротивленіе оному было очень сильно и вся власть Перваго Консула, убѣдительность его доводовъ, большое вліяніе его положенія, не могли пріобрѣсть въ Государственномъ Совѣтѣ болѣе 14 голосовъ изъ 24. Тѣже чувства обнаружились и въ Трибунатѣ, гдѣ проэктъ сей имѣлъ только 56 голосовъ противъ 38; и почти таже соразмѣрность оказалась въ Законодательномъ Корпусѣ, гдѣ голоса были 110 противъ 166. Такимъ образомъ въ этихъ трехъ палатахъ, въ коихъ 394 человѣка подавали голоса, большинство оказалось всего только 78 голосами. Пораженный этимъ слабымъ перевѣсомъ, Первый Консулъ сказалъ мнѣ: «Ахъ! очень вижу, что предубѣжденія еще слишкомъ сильны; ты правъ, мнѣ бы слѣдовало подождать. Это дѣло не къ спѣху; а притомъ надобно сказать что ораторы этого проэкта дурно его защищали. Противящіеся же оному неправильно объ этомъ заключили.—Будьте покойны,» отвѣчалъ я ему; «конечно лучше было бы подождать; но дѣло сдѣлано и вы увидите что склонность къ отличіямъ еще не истребилась

входитъ въ составъ человѣка. Вамъ должно
дать важныхъ послѣдствiй отъ этого учреж-
; вы сами увидите.»

ъ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1802 года, Первый Кон-
устроилъ всѣ свои батареи для полученiя
пожизненнаго Консульства. Это, можетъ
, та изъ эпохъ его жизни, въ которую
наиболѣе употреблялъ лживость и при-
ство, называемыя простымъ народомъ Ма-
ельскими правилами; никогда еще хитрость,
, коварство и наружная умѣренность не
и употреблены съ бо́льшимъ талантомъ и
хомъ.

ъ Мартѣ мѣсяцѣ больше ни о чемъ не тол-
ли какъ о наслѣдственномъ правленiи и о
стiи: Луцiанъ былъ самымъ ревностнымъ
ространителемъ этихъ мыслей и постоянно,
сно разсѣвалъ свое ученiе. Недавно напом-
ъ я, что онъ, въ 1800 году, съ вѣдома своего
а, издалъ въ томъ же смыслѣ книжку, ко-
ю Бонапарте въ послѣдствiи неодобрилъ,
слишкомъ рано обнаруживающую его за-
ы и что онъ удалилъ изъ Францiи
на, сдѣлавъ его Посланникомъ въ Испанiю.
лейранъ, бывшiй всегда приверженцемъ
рхическаго правленiя, заставлялъ говорить
пейскiе кабинеты. Повторяли слова проч-
ь и порядокъ, долженствовавшiе въ по-
твiи уничтожить народныя права; а Бона-

парте называлъ *идеологами* или *террористами* искреннихъ друзей Конституціонной свободы. Госпожа Бонапарте мужественно противилась вліянію этихъ совѣтовъ, которые она считала пагубными для своего мужа. Этотъ послѣдній рѣдко и съ небольшою довѣренностью разговаривалъ съ нею о политикѣ и о государственныхъ дѣлахъ. *Пусть она шьетъ и вяжетъ*, твердилъ онъ всегда. Объ учрежденіи наслѣдственнаго правленія наиболѣе старались Луціанъ, Рёдереръ, Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели и Фонтанъ. Имъ содѣйствовало заключеніе съ Англіею мира, который, возстановивъ на время всеобщее спокойствіе, давалъ Первому Консулу возможность все предпринять.

Между тѣмъ какъ Первый Консулъ старался достигнуть престола Франціи,—братья его, въ особенности Луціанъ, обнаруживали странную спѣсь и притязанія. Вотъ одинъ, почти невѣроятный оныхъ примѣръ, котораго я былъ свидѣтелемъ.

Въ Воскресенье 9 Маія, Луціанъ, посѣтилъ Г-жу Бонапарте, которая спросила у него: «Отчего вы не пріѣхали ко мнѣ обѣдать въ прошедшій Понедѣльникъ?—Потому что для меня не было назначено мѣста; братья Бонапарте должны имѣть послѣ него первыя мѣста.—Что я слышу,» отвѣчала ему Г-жа Бонапарте? «Но если вы братъ Наполеона, то вспомните чѣмъ

ы были; у меня всѣ мѣста равны. Евгенiй никогда не сказалъ бы мнѣ такой глупости.»

Въ эту эпоху, когда пожизненное Консульство только что начинало зараждаться, совѣты текались со всѣхъ сторонъ для поощренiя наклонности Перваго Консула захватить неограниченную власть.

Свобода противилась этому и полагала преграды средствамъ, употребляемымъ имъ къ полному удовлетворенiю своей непомѣрной любви къ войнѣ и къ завоеванiямъ. Онъ говорилъ мнѣ: «Десятилѣтiе для меня недостаточно: я считаю его способнымъ къ возбужденiю безпрерывныхъ волненiй.» Онъ сказалъ мнѣ 7 Iюля 1801 года: «Вопросъ о томъ, будетъ ли Францiя имѣть Республику, еще подлежитъ сомнѣнiю; это рѣшится не прежде какъ черезъ пять или черезъ шесть лѣтъ.» Ясно что и этотъ срокъ казался ему слишкомъ долгимъ. Онъ могъ полагать Францiю своею собственностью или считать себя только уполномоченнымъ отъ народа и защитникомъ его правъ. Я былъ убѣжденъ въ томъ, что Первый Консулъ желалъ счастiя Францiи; но это счастiе было въ умѣ его неразлучно съ неограниченною властью, которую только одну онъ считалъ способною основать и утвердить оное; и я съ огорченiемъ увидѣлъ его избравшимъ первую дорогу. Друзья свободы, которые искренно желали поддержать

Правительство, пользующееся Конституціонною свободою, допустили склонить себя на продолженіе еще десятью годами власти сверхъ десяти лѣтъ, первоначально назначенныхъ Конституціею. Они принесли эту жертву славѣ и могуществу, бывшему оной послѣдствіемъ, вовсе не воображая, что они этимъ содѣйствуютъ кознямъ Бонапарте. Они крѣпко стояли на своемъ, но только на ту минуту и пожизненное Консульство было отвергнуто Сенатомъ, который прибавилъ лишь десять лѣтъ къ владычеству.

Первый Консулъ, увидѣвъ отложенною и можетъ быть на долго мечту своего честолюбія, скрылъ свое неудовольствіе съ тѣмъ глубокимъ искуствомъ, которымъ онъ обладалъ въ высшей степени когда не могъ сдѣлать иначе. Онъ далъ посольству, — присланному отъ Сената по случаю этого назначенія,—отвѣтъ приличный, но уклончивый и темный; и въ надеждѣ получить отъ народа больше чѣмъ онъ получилъ отъ Сената, объявилъ съ лицемѣрнымъ смиреніемъ: «Что онъ покоряется этому новому пожертвованію, если воля народа прикажетъ ему сдѣлать то, что опредѣлено Сенатомъ.» Таково было его благоговѣйное уваженіе къ волѣ народа, которую онъ скоро сбирался попрать ногами. Онъ показывалъ видъ, что не желаетъ получить себѣ власть

лаче какъ отъ народа, стараясь внушить, будто и онъ считаетъ ее незаконною безъ его одобренія.

Государственный Совѣтъ былъ приглашенъ въ чрезвычайное засѣданіе, въ Понедѣльникъ 0 Маія. Ему сообщили, не только Сенатскій указъ, но и коварный, искусный отвѣтъ Перваго Консула. Совѣтъ принялъ Сенатскій указъ только къ свѣдѣнію и занялся разсужденіемъ о томъ, въ чемъ будетъ состоять вопросъ, имѣющій быть предложеннымъ народу. Недовольствуясь предоставленіемъ Первому Консулу только на десять лѣтъ власти,—Государственный Совѣтъ разсудилъ, что должно ковать железо пока горячо и не останавливаться на такой прекрасной дорогѣ; а посему онъ опредѣлилъ, чтобы народу былъ предложенъ слѣдующій вопросъ: *Будетъ ли Первый Консулъ назначенъ по жизнь, и предоставится ли ему право назначить себѣ наслѣдника?* Это показывало большое пренебреженіе къ Сенатскому указу со стороны такой палаты, которая достоинствомъ и властью своею была гораздо ниже Сената, если только существовали въ это время достоинство и власть въ какомъ бы то присутственномъ мѣстѣ. Полицейскія донесенія также имѣли большое вліяніе на это заключеніе, ибо они единогласно говорили, что *Парижъ требуетъ пожизненнаго Консуль-*

ства съ правомъ назначенія наслѣдника. Отвѣтъ на эти два вопроса былъ взятъ какъ будто приступомъ; осаждающіе находились между собою въ согласіи, а осажденные были захвачены въ расплохъ. Пожизненное Консульство было опредѣлено единогласно; право назначенія наслѣдника, по большинству голосовъ. Но Первый Консулъ объявилъ, что онъ рѣшительно охуждаетъ послѣднюю изъ этихъ мѣръ, о которой съ его стороны даже не было и рѣчи.

Первому Консулу донесли о мнѣніи Государственнаго Совѣта; продолжая скрывать свой замыселъ къ достиженію самовластія и думая что ему слѣдуетъ для вида отвергнуть часть предлагаемаго ему, онъ вычеркнулъ изъ мнѣнія Государственнаго Совѣта статью, относящуюся къ назначенію наслѣдника, утвержденную только слабымъ перевѣсомъ голосовъ. Онъ однако же заранѣе уговорился о томъ со своими пріятелями, которые сдѣлали это предложеніе въ Сенатѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ и все было условлено. Но встрѣченное въ Сенатѣ сопротивленіе пожизненному Консульству а еще того сильнѣйшее—праву назначенія наслѣдника, хотя сіе сопротивленіе и не поддержалось большинствомъ голосовъ, заставило его поудержаться, и въ офиціяльныхъ своихъ отвѣтахъ, въ рѣчахъ и въ дружескихъ разговорахъ, онъ прикрылъ свою неудачу гром-

ли словами *великодушiя, безкорыстiя и умѣ-ности*. Ни одинъ умный человѣкъ не былъ ли обманутъ.

Какъ уже начинали въ это время мало за-ниться о формахъ, то новое опредѣленiе да-не было вновь представлено на разсужде-а между тѣмъ написали: *Государственный ѣтъ, слушавъ* и проч. Прекрасная вещь со-юденiе формы!

Какая странная борьба! Сенатъ, дающiй де-ть лѣтъ болѣе противъ того, что предоста-ла Конституцiя; Государственный Совѣтъ, ко-рый, по видимому изъ собственнаго побуж-нiя даетъ пожизненное Консульство, недо-льствуясь тѣмъ, предоставляетъ Консулу аво передачи власти, кому ему заблагораз-дится; а Первый Консулъ, принимая какъ дто съ принужденiемъ это пожизненное вла-чество, изъ притворной умѣренности отка-вается передать оное. Черезъ два или черезъ и года, изъ этой борьбы великодушiя, пред-женiй и отказовъ, произошло наисовершен-нѣйшее самовластiе.

Первый Консулъ, какъ выше сказано, самъ ключилъ изъ мнѣнiя Государственнаго Совѣта атью о назначенiи наслѣдника; но онъ въ нѣ заставлялъ дѣйствовать всѣхъ тѣхъ, ко-рые питали надежды войти въ довѣрiе, по-чить мѣста и деньги. Мы каждый день по-

лучали отъ недогадливыхъ Префектовъ и другихъ властей, не понимавшихъ происходящаго, печатныя статейки, ими перехватываемыя и обращаемыя къ источнику оныхъ. Въ этихъ статьяхъ, столь многочисленныхъ и столь разнообразныхъ по своему слогу и формѣ, выставлялись права Перваго Консула на признательность народа, еще торжественнѣе той, которую являло предоставленіе ему пожизненнаго Консульства.

При описаніи Кампо-Формійскихъ переговоровъ изложены всѣ подробности заключенія и освобожденія Ольмюцскихъ плѣнниковъ. Читатели помнятъ сколько Генералъ Бонапарте принялъ на себя труда въ этомъ дѣлѣ и какое онъ показалъ величіе духа; онъ самъ признавался что изъ всѣхъ его требованій, это было наитруднѣйшее для исходатайствованія на оное согласія. Изъ данной этими Государственными плѣнниками подписки видно, что они остались въ нейтральной землѣ, не желая изъявить своего одобренія мѣрамъ, принятымъ во Франціи послѣ 18 Фруктидора. Г. Лафайетъ имѣлъ свиданіе съ Первымъ Консуломъ послѣ Маренгскаго сраженія; Бонапарте болѣе двухъ часовъ продержалъ его у себя. Я помню что по уходѣ его, Первый Консулъ сказалъ мнѣ: «Изъ него нельзя ничего сдѣлать; онъ ничѣмъ не убѣждается и я объ этомъ жалѣю; это человѣкъ, ко-

го правила заслуживаютъ уваженiе, но онъ мъ и очень склоненъ къ преувеличеннымъ нiямъ.»

скорѣ послѣ того, въ первыхъ числахъ Сен-ря 1800 года, Г. Лафайетъ былъ пригла-ъ Iосифомъ на праздникъ, данный Америк-цамъ по случаю заключеннаго съ ними говаго и дружественнаго договора. Первый сулъ, которому все тогда удавалось и орый имѣлъ причины быть довольнымъ, дложилъ Г-ну Лафайету помѣстить его въ атъ. Г. Лафайетъ не принялъ этого пред-женiя, но продолжалъ видаться съ Первымъ суломъ, сохраняя съ нимъ сношенiя осно-ныя на взаимномъ уваженiи. Эпоха, въ ко-рую Бонапарте вознамѣрился прiобрѣсть по-женное Консульство, положила конецъ этимъ шенiямъ. Г. Лафайетъ не хотѣлъ допустить жизненнаго Консульства иначе какъ съ усло-мъ, чтобы политическая свобода была доста-но обеспечена и дабы оправдать свой от-ъ на вопросъ: *Будетъ ли Наполеонъ Консу-мъ на всю жизнь?* Г. Лафайетъ написалъ слѣдующее письмо:

Лагранжъ, 1 Прерiаля X года.

енералъ,

Если человѣкъ, обязанный вамъ признатель-стью и слишкомъ чувствительный къ славѣ того чтобы не любить вашу,—полагаетъ раниченiя при подачѣ въ вашу пользу сво-

«его голоса,—то эти ограниченія тѣмъ менѣ
«подозрительны, что никто не будетъ болѣ
«его радоваться увидѣвъ васъ по смерть пер
«вымъ сановникомъ свободной Республики. 18
«Брюмера спасло Францію и я былъ призван
«обратно въ слѣдствіе великодушныхъ вашихъ
«распоряженій. Консульская власть подъ рук
«водствомъ вашего генія произвела великія в
«щи; но менѣе однакоже великія, чѣмъ каково б
«детъ возстановленіе свободы. Невозможно чтоб
«вы Генералъ, принадлежа къ числу тѣхъ люде
«которые родятся вѣками,—захотѣли чтобы така
«Революція, столько побѣдъ и крови, столько стр
«даній и чудесъ, не имѣли для свѣта и для вас
«другихъ послѣдствій, кромѣ введенія самовласт
«наго Правительства. Французскій народъ слиш
«комъ хорошо узналъ права свои для того что
«бы невозвратно забыть оныя; но можетъ быт
«онъ теперь болѣе способенъ чѣмъ въ эпох
«своего броженія, съ пользою воспріять оныя
«—и вы, силою вашего характера и общест
«венной довѣренности; превосходствомъ ваших
«талантовъ, вашего существованія и судьбин
«можете—возстановивъ свободу, обуздать вс
«опасности, разсѣять всѣ безпокойства. И так
«патріотическія и личныя причины должен
«ствовали бы заставить меня желать учрежде
«нія для вашей славы постояннаго сана в
«Правительствѣ. Но правила, обязанности и вс

ла моей жизни побуждаютъ меня—прежде ѣмъ я подамъ въ пользу этого мой голосъ, достовѣриться что онъ будетъ утвержденъ на снованіяхъ, достойныхъ народа и васъ.»

«Надѣюсь что вы повѣрите Генералъ, нынѣ якъ и прежде, что къ постоянству моихъ по-итическихъ правилъ присоединяются искрен-ія желанія вамъ благъ и глубокое чувство ого, чѣмъ я вамъ обязанъ.»

«Почтеніе и поклонъ.

«*ЛАФАЙЕТЪ.*»

Къ этому письму былъ приложенъ слѣдую-щій голосъ:

Будетъ ли Наполеонъ Бонапарте Консуломъ всю жизнь?

«Не могу подать въ пользу такого сана мо-го голоса до тѣхъ поръ, пока политическая свобода будетъ достаточно обеспечена: тогда я подамъ мой голосъ за Наполеона Бонапарте.»

Первый Консулъ, какъ можно себѣ предста-вить, вовсе не былъ доволенъ сомнѣніями Г. Лафайета; онъ прочиталъ его письмо съ нетер-пѣніемъ и сказалъ мнѣ потомъ: «Я говорилъ тебѣ что Лафайетъ политическій мономанъ, фрамецъ; онъ меня не понимаетъ: я очень люблю ибо онъ честный человѣкъ. Я хотѣлъ сдѣлать его Сенаторомъ, онъ отказался. Тѣмъ хуже для него; я обойдусь и безъ его голоса.»

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

ПРИМѢЧАНІЕ. Приложенные при сей части документы, заключаютъ въ себѣ существенную занимательность. Вопервыхъ любопытно видѣть, въ какихъ покорныхъ выраженіяхъ Гамбургскій Совѣтъ извинялся предъ Консулами въ несчастномъ дѣлѣ Напперъ-Тенди и Блаквелл. Потомъ не безполезно показать донесеніемъ Луціана о Пританеѣ и докладомъ Г-на Талейрана о преобразованіи Дипломатіи во Франціи то, что хотѣли сдѣлать для устройства этихъ отраслей Правительства.

Мы приложили еще письмо Клебера какъ необходимое дополненіе къ тому, что Записки сіи заключаютъ въ себѣ любопытнаго о Египетскомъ походѣ; послѣ чего мы помѣстили также нѣсколько документовъ, касательно Марсіго, знаменитѣйшаго дня Консульства; и особенно въ бюлетенѣ объ этомъ днѣ читатели могутъ замѣтить нѣсколько офиціяльныхъ неправдъ, о которыхъ мы выше упоминали и которыя любопытно сличить съ истиною.

ИСТОРИЧЕСКІЯ

АМѢЧАНІЯ И ОБЪЯСНЕНІЯ.

РЕСЪ ВОЛЬНАГО ИМПЕРСКАГО ГОРОДА ГАМ-РГА КОНСУЛАМЪ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

ГРАЖДАНЕ КОНСУЛЫ,

Каковы бы ни были предубѣжденія, возбудившія ваше не-положеніе къ сановникамъ города Гамбурга, а они не мо-ъ не обратиться къ вамъ подъ покровительствомъ недавно ошедшихъ въ Парижѣ счастливыхъ событій. При видѣ це-го народа, предающагося самымъ лестнымъ, самымъ утѣши-льнымъ надеждамъ, вы позволите намъ покрайней мѣрѣ раз-ить оныя и возсылать обѣты о ихъ исполненіи.

Вы слишкомъ просвѣщенны и слишкомъ справедливы для то-чтобы не повѣрить искренности нашихъ чувствъ въ этомъ ошеніи и чтобы хоть на минуту усомниться въ участіи, при-маемомъ нами въ благоденствіи Французскаго народа.

Несчастный случай задержанія и выдачи четырехъ Ирланд-ъ, пагубный источникъ множества ошибокъ, гоненій и не-раведливостей, кажется раздражилъ Директорію до такой сте-ни что ей даже не благоугодно было замѣтить, сколь поведе-наше было неукоризненно и ознаменовано величайшимъ, мательнѣйшимъ уваженіемъ и осторожностью къ Правитель-у Республики.

Пагубное стеченіе самыхъ неизбѣжныхъ обстоятельствъ не волило намъ, правда, удовлетворить оному; но все однакоже азало ему, что это сдѣлалось противъ нашей воли и что и мы, въ продолженіе многихъ лѣтъ представляли убѣди-льнѣйшія доказательства привязанности нашей къ Республикѣ,

то покрайней мѣрѣ нельзя было счесть слишкомъ большою винною, если мы въ опасномъ, затруднительномъ случаѣ, понадѣялись на ея великодушіе и умѣренность.

«Однакожъ предъ людьми справедливыми и правдолюбивыми одни дѣла должны говорить и для того, чтобы представить вамъ оныя, мы принимаемъ вольность сообщить вамъ здѣсь самыя обстоятельныя подробности.

«Изъ этихъ четырехъ человѣкъ, именуемыхъ Напперъ-Тенди и Блаквелемъ, Моррисомъ и Петерсомъ, только два первые могутъ обращать на себя ваше вниманіе; прочіе двое Моррисъ и Петерсъ признаны Посольствомъ Республики настоящими Великобританскими подданными.

«Ни въ какомъ актѣ, ни въ какой офиціяльной бумагѣ не сказано чтобы эти двое Моррисъ и Петерсъ находились въ службѣ Республики или принадлежали оной какимъ бы то ни было образомъ по гражданскимъ или военнымъ отношеніямъ. Министръ даже не требовалъ имъ свободы поименно или вообще. Всѣ акты и Министерскія ноты ограничиваются яснымъ требованіемъ свободы двумъ человѣкамъ по имени Напперъ-Тенди и Блаквелю.

«Исторія не представляетъ примѣра, чтобы воюющая Держава считала себя въ правѣ покровительствовать въ нейтральномъ государствѣ признаннымъ подданнымъ ея непріятеля. Дабы это себѣ дозволить, надобно было, до сихъ поръ, чтобы они по-крайней принадлежали ей по узамъ гражданскимъ или военнымъ.

«Вы слишкомъ справедливы, Граждане Консулы и не вмѣните намъ въ преступленіе выдачу двухъ человѣкъ, которые безспорно принадлежали другой Державѣ и были совершенно чужды Республикѣ.

«И такъ единственно задержаніе и выдача Напперъ-Тенди и Блаквеля подлежатъ нашему разбору.

«Позвольте упомянуть здѣсь о предосторожности, которую гражданинъ Грувелль, Министръ Республики при Копенгагенскомъ Дворѣ, счелъ для нихъ нужною и которая, еслибъ ее употребило находящееся здѣсь Французское посольство, избавило бы насъ отъ многихъ хлопотъ и отъ всѣхъ бѣдъ, воздвигнутыхъ на насъ относительно ихъ страстями, заблужденіемъ и предубѣжденіями. Этотъ просвѣщенный Министръ, который ко-

слишкомъ уважалъ Копенгагенское Правительство для
тобы страшиться со стороны онаго какого либо преступ-
насилiя, счелъ однакоже ихъ подверженными такой точно
ости и требованiя Британскаго Правительства столь осно-
ными и законными, что для лучшаго сокрытiя ихъ отъ
дованiй и поисковъ Министра сего Двора, онъ призналъ
имъ дать имъ убѣжище въ своемъ собственномъ домѣ.

и прiѣзжаютъ сюда, употребивъ по непостижимому ослѣ-
о, хитрость, которая уже одна долженствовала подверг-
ихъ опасности. Они знаютъ и видятъ, что всѣ Республи-
ie Французы и всѣ состоящiе въ службѣ Республики поль-
я не только величайшею безопастностью въ нашемъ го-
но приняты въ ономъ съ отличiемъ и дружествомъ; — не
я на сiе они забываютъ то, чѣмъ они обязаны самимъ се-
воей безопасности, своему званiю, своей чести и прокра-
ются тайкомъ какъ преступники въ нашъ городъ подъ ло-
ш именами и званiями. Паннеръ-Тенди принимаетъ имя
са и сказывается купцомъ, прiѣхавшимъ изъ Филадельфiи;
ель, назвавшись Бартелеми Блакфирстомъ, также выдаетъ
а Американскаго купца.—Британскiй Министръ офицiаль-
ребуетъ взятiя подъ стражу и выдачи двухъ человѣкъ, под-
ихъ Короля Великобританскаго, называющихся Джонсомъ
мелеми.—Всѣмъ извѣстно что въ Германiи вообще не отка-
отъ требованiямъ Министровъ Иностранныхъ Дворовъ о
ѣ людей ихъ Государства. Гражданину Рейнгарду, Мини-
Республики была оказана съ нашей стороны таже го-
сть. Полицейскiй Офицеръ является сперва къ Джонсу и
вшись кто онъ такой, спрашиваетъ у него объ имени; онъ
ствуетъ что его зовутъ Джонсомъ. Въ слѣдствiе сего, ему
яютъ взятiе его подъ стражу по требованiю Англiйскаго
стра, какъ подданнаго Короля Великобританiи. Онъ даже
не сказываетъ о себѣ, и удерживая на себѣ личину,
ается безъ ропота, безъ всякихъ объясненiй и возраже-
тому чего требуетъ Британское Правительство. — При
находятъ шпагу съ Ирландскимъ гербомъ.

ъ послѣ этого было сомнѣваться въ справедливости объ-
iя, сдѣланнаго Британскимъ Правительствомъ? Какъ предпо-

лагать чтобы Офицеръ, состоящій въ службѣ Республики, до
волялъ себѣ носить шпагу съ Британскимъ гербомъ?

«Такимъ образомъ этотъ человѣкъ, по собственному его с
знанію называемый Джонсомъ, по собственному его сознан
купецъ и по неоспоримымъ обстоятельствамъ подданный Кор
ля Великобританскаго, самъ предается въ заключеніе по тр
бованію Министра сего Государя.

«Взятіе подъ стражу было объявлено тѣмъ же образомъ
съ тою же предосторожностью человѣку, назвавшемуся Бар
леми Блакфирстомъ. Не прежде какъ по объявленіи ему задр
жанія и когда онъ сдѣлался уже плѣнникомъ требовавшаго М
нистра,—онъ поздно снялъ съ себя подложное имя и вдру
вздумалъ выдать себя за Французскаго Офицера, не представл
однакоже тому никакого доказательства.

«Почти безполезно замѣчать, что если бъ чрезъ такія позд
и неудовлетворительныя показанія, люди могли избавляться о
взятія ихъ подъ стражу, то всякой, перемѣнивъ имя и зва
постарался бы избѣгнуть тѣмъ отъ самаго справедливаго и
коннаго задержанія.

«Французское Посольство въ слѣдъ за симъ потребовало
свободы, какъ Офицерамъ Республики, снабженнымъ патентам
Министръ не счелъ нужнымъ ввѣрить намъ этихъ патентовъ
даже не сообщилъ намъ съ оныхъ копій; между тѣмъ какъ
димо было бы полезно доставить намъ средство немедленно д
казать бумагами и завѣрить Британскому Правительству пост
лящія ихъ отношенія съ Республикою. Если же онъ счита
преимуществомъ своего мѣста право требовать полной вѣры с
лашному имъ офиціяльному объявленію, то ему бы слѣдова
покрайней мѣрѣ вспомнить, что этимъ онъ оправдывалъ так
выя же требованія Британскаго Министра.

«Сей послѣдній офиціяльно объявилъ ихъ подданными Вел
кобританіи; онъ сказалъ это первый и продолжалъ въ томъ на
стаивать. Онъ офиціяльно назначилъ имена, подъ которыми он
допустили взять себя подъ стражу. У Джонса нашли шпагу с
Британскимъ гербомъ. Позволительно ли намъ было, при та
кихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, отказаться вѣрить
офиціяльному объявленію Британскаго Министра и уважить
только показанія Министра Республики?

Англійскій Министръ, узнавъ о сопротивленіи Министра публики, началъ требовать выдачи этихъ людей съ бо́льшею ю, присовокупивъ къ тому жесточайшія угрозы и заставивъ ъ страшиться величайшаго гнѣва со стороны его Правительства.

Почтенные дипломаты утверждали, что всѣ эти обстоятельства и многіе примѣры въ исторіи, сильно склоняли въ пользу бованій Британскаго Правительства.

Между примѣрами, въ особенности ссылались на задержаніе ченитаго Тренка; который хотя и состоялъ въ службѣ Рос, но былъ взятъ подъ стражу въ Данцигѣ по требованію русскаго Министра и выданъ ему какъ подданный Пруссіи.

Не внявъ ни угрозамъ Англіи, ни всей силѣ ея убѣдительныхъ доводовъ, мы сочли что поступимъ наиболѣе удовлетворительнымъ для Франціи образомъ, предоставя рѣшеніе этого дѣла государю, который будучи соединенъ съ Республикою мирнымъ, дружественнымъ договоромъ, имѣлъ одинаковую съ нами тоду наблюдать и поддерживать правила самаго строгаго нейтитета.

Эти причины побудили насъ предоставить это дѣло на благосмотрѣніе Короля Прусскаго въ его качествѣ перваго Принца жне-Саксонскаго Округа и поручителя нейтралитета сѣверной Германіи.

Не намъ принадлежитъ, Граждане Директоры, разбирать чины, воспрепятствовавшія Королю рѣшить это дѣло Вамъ ьстно что, не взирая на наши убѣдительнѣйшія просьбы, Король продолжалъ оставлять его нерѣшеннымъ.

Императоръ Россійскій наконецъ принялъ въ немъ участіе и ограничился однѣми пустыми угрозами. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ безполезнаго нашего сопротивленія, мы должны были нести бремя самой суровой непріязни со стороны ссіи. Эскадры ея, владычествующія въ Сѣверномъ морѣ и ледъ устьемъ Эльбы, похищали у насъ корабли. Извѣстія, ъ же страшныя, какъ и достовѣрныя, заставляли насъ даже ояться, если не совершеннаго занятія нашихъ владѣній Русскими войсками, то покрайней мѣрѣ вѣрной высадки ихъ въ рестностяхъ и появленія ихъ какъ непріятелей предъ нашими ротами. Однакоже посреди сихъ безпокойствъ, долженствовав-

шихъ заставить насъ признать наше сопротивленіе совершенно безполезнымъ, и даже страшиться что даже подвергшись сами бѣдѣ, мы не успѣемъ спасти плѣнниковъ и удовлетворить тѣмъ Французское Правительство—ничего не было забыто для исходатайствованія покрайней мѣрѣ права удержать плѣнниковъ до заключенія мира. Мы просили о посредствѣ почти всѣхъ Державъ, но всѣ усилія оказались тщетными.

«Король Прусскій наконецъ объявилъ что ему неугодно рѣшить это дѣло. Такой неожиданный отказъ отъ столь великаго и столь могущественнаго Правительства послѣ столь долгаго и столь глубокаго молчанія въ такую притомъ эпоху, неизбѣжно долженствовалъ усилить и оправдать нашъ страхъ и открыть нашимъ глазамъ опасность далѣйшаго сопротивленія.

Императоръ, глава Имперіи, въ тоже время присоединился къ требованіямъ своихъ союзниковъ, не скрывая отъ нихъ, что наше сопротивленіе должно кончиться, если мы не хотимъ быть къ тому принужденными Конституціонными законами Имперіи.

«Не смотря на всѣ это мы сдѣлали еще послѣднюю попытку, предложивъ что мы будемъ просить Правительство Республики объ обмѣнѣ этихъ плѣнниковъ на другихъ значительныхъ особъ, взятыхъ въ плѣнъ у союзныхъ Державъ. Но эта попытка не имѣла дальнѣйшихъ послѣдствій, подобно какъ и все, до сихъ поръ нами сдѣланное.

«Мы однакожъ не вовсе отреклись отъ участія въ этомъ дѣлѣ и на сихъ дняхъ еще убѣдительно ходатайствовали у Британскаго Правительства о смягченіи жребія этихъ плѣнниковъ.

«Вотъ настоящія обстоятельства этого несчастнаго происшествія. Если вы разсмотрите ихъ безъ предубѣжденія, Гражданне Консулы, и примите въ надлежащее соображеніе осторожность, которую предписываетъ намъ наше затруднительное и весьма опасное положеніе, то вы легко убѣдитесь что намъ совершенно было невозможно, послѣ цѣлаго года безполезныхъ усилій, продолжать наше сопротивленіе.

«Наша погибель и совершенное уничтоженіе были бы неизбежнымъ онаго слѣдствіемъ и даже вовсе безъ всякой пользы, какъ то нами доказано. Единственное средство отъ того избѣгнуть состояло въ томъ чтобы ввѣриться Французскому великодушію.

Ласкаемъ себя надеждою что вы оправдаете, Граждане Консулы, возвратомъ вашей пріязни ту довѣренность, которую же незаслуженная нами строгость Директоріи не могла изгладить изъ сердецъ нашихъ и уповаемъ что въ мудрости вашей, образивъ зрѣло все, вы не поколеблетесь прекратить суровыя меры, принятыя и предписанныя Директоріею противъ нашего города (*).

Примите въ тоже время увѣреніе въ нашемъ глубочайшемъ почтеніи; дано съ приложеніемъ городской печати 16 Декабря 1799 года.

Бургомистръ и Сенатъ вольнаго Имперскаго города Гамбурга.

Ф. А. ВАГНЕРЪ, *Лицентіатъ и Главный Президентъ.*

ДОКЛАДЪ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ О ФРАНЦУЗСКОМЪ ПРИТАНЕѢ.

ГРАЖДАНЕ КОНСУЛЫ,

Французскій Пританеи замѣнилъ всѣ общественныя заведенія, которыя подъ названіемъ Коллегій, были посвящены въ Франціи народному образованію и составляли прежній Университетъ.

(*) Читатели видѣли какой повелительный отвѣтъ Бонапарте далъ Гамбургскому Сенату и какое было финансовое послѣдствіе этого дѣла.

«Послѣ жестокихъ потрясеній, уничтожившихъ столько другихъ заведеній, должно съ удовольствіемъ видѣть воздвигшееся такъ сказать посреди развалинъ, это послѣднее убѣжище для народнаго просвѣщенія; но чѣмъ сильнѣе чувствуешь его пользу, тѣмъ болѣе жалѣешь о томъ что несчастныя времена, поставившія столь великія препоны воспитанію во Франціи, дозволили сдѣлать только это слабое усиліе въ пользу онаго. Не смотря на постановленія, обеспечивающія молодымъ людямъ изъ Департаментовъ мѣста въ Пританеѣ, надобно сознаться что его вовсе нельзя считать мѣстнымъ заведеніемъ; а притомъ скудность доходовъ, назначенныхъ на его содержаніе и суммъ, отпускаемыхъ на оное Правительствомъ, весьма ограничиваютъ число получающихъ благодѣяніе воспитанія и не дозволяютъ образованію, тамъ даваемому, имѣть чувствительное вліяніе на многочисленное народонаселеніе Республики. Со времени уничтоженія сословія учителей, ученіе почти несуществуетъ во Франціи. Не потому чтобы вовсе не было въ Парижѣ или въ Департаментахъ многихъ Профессоровъ искусныхъ и усердныхъ къ успѣхамъ ихъ науки; но эти драгоцѣнные люди, разсѣянные и разогнанные, не подаютъ другъ другу никакой помощи и похожи на искры, которыя не будучи соединены на одномъ очагѣ, изливаютъ только слабый, мерцающій свѣтъ. Остроумныя теоріи, полезныя методы, проходятъ вмѣстѣ съ тѣми, которые изобрѣли оныя; никакія преданія не составляются, никакая система не передается: опытность искуснаго учителя не послужитъ къ проложенію пути его преемникамъ, никто нейдетъ по слѣдамъ его и такъ какъ практическая часть воспитанія не основывается болѣе на привычкѣ и на подражаніи, то каждый, вступая на поприще съ одними только своими понятіями, на первомъ шагу видитъ себя подверженнымъ недоумѣнію, неопытности и случайности своихъ собственныхъ попытокъ. У великаго народа, коего учрежденія тверды, народное воспитаніе должно согласоваться съ этими учрежденіями; основанія онаго не могутъ быть предоставлены случаю; опредѣленіе или измѣненіе оныхъ не должно зависѣть отъ людей: здѣсь вещь существуетъ прежде чѣмъ человѣкъ; она не получаетъ отъ него ни направленія, ни формы; напротивъ она должна сообщить ему образованіе по постоянной системѣ.

Пританей, въ томъ видѣ какъ онъ существуетъ, не въ со-
ніи достигать этой цѣли. 1-е Заведеніе только одно и по-
т можетъ принимать лишь весьма малое число воспитан-
ковъ. Изъ опытовъ извѣстно что число учениковъ въ какомъ
о училищѣ никогда не должно превосходить двухъ сотъ. 2-е
и ограничиться принятіемъ въ оное только имѣющихъ право
безденежное воспитаніе, то изъ сего произойдетъ что ребе-
нокъ, родившійся со счастливыми способностями и коего семей-
о пользуется честнымъ избыткомъ, будетъ лишенъ выгодъ об-
щественнаго воспитанія и приведенъ въ необходимость заниматься
въ родительскомъ домѣ или подъ руководствомъ частнаго
тавника—домашніе предразсудки и мѣстныя привычки, ко-
ыя нѣкогда отдѣлятъ его по нравамъ отъ прочихъ его соотче-
ственниковъ, удалятъ отъ дѣлъ и такъ сказать содѣлаютъ его
чуждымъ между его ближними и въ собственномъ его оте-
чествѣ.

Должно поспѣшить, Граждане Консулы, помочь этимъ не-
ствамъ и умножить общественныя учебныя заведенія, сколь-
нынѣ дозволяютъ обстоятельства до тѣхъ поръ, пока будетъ
можно сдѣлать число оныхъ соразмѣрнымъ съ потребностями
лочисленнаго народа, обитающаго на обширномъ простран-
ѣ земли. Можно бы напримѣръ раздѣлить Пританей на че-
тре Коллегіи, помѣстивъ одну изъ нихъ въ Парижѣ въ нынѣш-
ѣ зданіи Пританея; а прочія въ Фонтенбло, въ Версалѣ и
Сен-Жерменѣ; предоставя право на вступленіе въ оныя
исключительно неимущимъ дѣтямъ, военныхъ убитыхъ на полѣ
женія и гражданскихъ чиновниковъ, умершихъ на службѣ.

Годовые доходы Пританея и отпущенные сему заведенію въ
III году на поддержку 200,000 франковъ, употреблялись бы
содержаніе учениковъ, помѣщаемыхъ отъ Правительства;
дабы по возможности благопріятствовать распространенію
дѣній и просвѣщенія, можно дозволить принятіе въ эти за-
ренія постороннихъ пансіонеровъ съ ежегодною платою той
мы, которой стоитъ содержаніе каждаго воспитанника. Пла-
ію можно назначить тысячу франковъ для Парижа и во-
ть сотъ франковъ для другихъ Коллегій.

Въ послѣдствіе сего предлагаю вамъ, Граждане Консулы:

1-е Раздѣлить Пританей на четыре Коллегіи, коихъ число

можно послѣ увеличить, соразмѣрно съ воспитанниками.

2-е Опредѣлить въ каждой изъ этихъ Коллегій сто мѣстъ содержимыхъ отъ Правительства и исключительно предоставленныхъ бѣднымъ дѣтямъ, умершихъ на службѣ военныхъ гражданскихъ чиновниковъ.

3-е Дозволить принятіе въ эти Коллегіи воспитанниковъ с платою по 800 и по 1000 франковъ. Чрезъ это, Граждане Консулы, учредится во Франціи преобразованіе учебной части Общественныя награды обратятся на тѣхъ, которые всегда долженствовали бы быть предметами оныхъ и частные люди приобрѣтутъ средства воспитывать дѣтей своихъ въ постоянно учрежденныхъ школахъ; и это средство неограниченно; ибо по мѣрѣ поступленія своекоштныхъ пансіонеровъ, можно будет увеличивать число Коллегій.

ЛУЦІАНЪ БОНАПАРТЕ.

ДОКЛАДЪ Г. ТАЛЕЙРАНА О ПРЕОБРАЗОВАНІИ ДИПЛОМАТІИ ВО ФРАНЦІИ.

«Во всякомъ благоустроенномъ Государствѣ существуетъ духъ, свойственный каждой отрасли управленія. Духъ сей даетъ единство, единообразіе и энергію управленію дѣлами; онъ сообщаетъ преданіе обязанностей и поддерживаетъ чувство и исполненіе оныхъ; онъ привязываетъ и управленія и чиновниковъ, оныя составляющихъ къ Правительству, служащему цѣлью, къ которой направляются всѣ соревнованія, какъ къ источнику всѣхъ степеней отличія, коими всякой желаетъ воспользоваться.

«Революція, уничтоживъ прежнее Правительство, нашла упра-

, столь напитанныя духомъ, мною упомянутымъ, и
неизмѣнно направленныя къ цѣли, мною изображенной,
е въ состояніи будучи перемѣнить ни сего духа, ни сего
вленія,—она принужденною нашлась уничтожить всѣ су-
ствовавшія управленія; но при замѣнѣ оныхъ новыми учреж-
ніи, занялись одною только матеріяльною частью. Пред-
али что въ производствѣ дѣлъ все ограничивается про-
и законами и небольшимъ числомъ удобоисполнимыхъ пра-
и постановленій. Думали что усердіе есть вездѣ и можетъ
дѣлать; устранили вмѣстѣ съ прежнимъ порядкомъ вещей,
понятія іерархическія и духа сословій,—степени познаній,
и повышеній и права необходимой опытности. Не коле-
объявить, что одна эта причина, дѣйствуя вдругъ во всѣхъ
яхъ управленія, была достаточна для того чтобы заме-
ь эпоху ихъ образованія, чтобы поразить всѣ оныя непо-
ствомъ, безплодіемъ; чтобы повсюду содержать дѣла въ со-
ніи недоумѣнія, сборы въ неудовлетворительномъ положеніи,
оды въ злоупотребленіяхъ и безпорядкѣ, партіи въ безпре-
ной смѣлости и наглости а Правительство въ постоянной
мости и измѣнчивости.

Одинъ только духъ управленія, повсюду учрежденный въ
образныхъ видахъ смотря по обязанностямъ, налагаемымъ
ымъ управленіемъ,—можетъ все поставить на прежнія мѣста;
раждая неизмѣнно отношенія управленій всѣхъ отраслей
ли, и отношенія всѣхъ частей управленія на общей системѣ
нованія Государства, управленіе есть посредникъ, сближаю-
начальниковъ съ подчиненными и узелъ, связывающій ча-
ся выгоды съ общею пользою; оно есть точка соприкосно-
и союза между общественною и частною властью.

Одинъ только есть способъ учредить и утвердить въ каждомъ
вленіи духъ, оному свойственный: способъ сей состоитъ въ
темѣ повышеній, разсудительно и неизмѣнно исполняемой.

Управленіе, не имѣющее системы повышеній, не имѣетъ и
ющихъ чиновниковъ. Люди, въ ономъ служащіе, суть на-
ки, не видящіе предъ собою никакой цѣли, вокругъ себя
кого обеспеченія, а подъ собою никакихъ причинъ къ увѣ-
сти, никакихъ пружинъ соревнованія, никакого духа под-
ности.

«Въ такомъ управленіи не существуетъ никакого духа, ни кой чести званія; хоть и говорятъ въ немъ что любятъ Рес блику; но единственный способъ съ пользою любить ее, состо въ томъ чтобы имѣть привязанность къ тому положенію, которомъ ей служишь: и какъ безъ надежды къ повышен нельзя быть увѣреннымъ и на счетъ того положенія, въ ко ромъ находишься, то къ нему не возможно возъимѣть при занность.

«Система повышеній есть въ рукахъ Министра единствен оружіе, посредствомъ коего онъ можетъ отражать честолю вую неспособность, освобождаться отъ докукъ покровите ствующихъ оной, вводить въ силу опытность, таланты добро тели и подчинять важное право опредѣленія къ мѣстамъ—сп ведливости и разборчивости.

«Всякое управленіе имѣетъ степени. Правила каждаго у вленія распредѣляются по степенямъ его; изъ совокупно оныхъ составляетя общій духъ управленія.

«Вся сила управленія заключается въ его основныхъ пра лахъ: и такъ наблюденіе сихъ правилъ составляетъ душу, жиз энергію каждаго управленія а соглашенныя силы всѣхъ у вленій составляютъ совокупную силу Государства.

«Эта послѣдняя сила есть великій результатъ; но достиг онаго нельзя иначе какъ чрезъ заботливость о составных частяхъ. И такъ прежде всего должно озаботиться соблюдени основныхъ правилъ каждаго управленія и каждой степ онаго.

«Вотъ доказательство необходимости системы повыше Каждому должностному человѣку прежде всего слѣдуетъ на таться всѣми правилами своей службы; ему слѣдуетъ про всѣ степени оной; и по возвышеніи своемъ онъ долженъ о вить преемникамъ своимъ залогъ правилъ, который былъ ему ренъ, принимая самъ тотъ, который оставляютъ ему его предше венники;—словомъ сказать надобно чтобы тотъ же духъ бы сохраняемъ во всѣхъ степеняхъ, между тѣмъ какъ производс и повышеніе одушевляли бы служащихъ.

«Обращаюсь теперь къ системѣ, которая кажется мнѣ наи лѣе приличною для Департамента Внѣшнихъ Сношеній.

«Какъ система повышеній долженствуетъ быть учрежде

лѣе для того, чтобы утвердить жребій чиновниковъ чрезъ
нное существованіе духа и чести своего званія, привязы-
ихъ каждаго къ своему положенію, то слѣдуетъ сказать
емъ должны состоять духъ и честь чиновника, употребле-
въ Министерствѣ Внѣшнихъ Сношеній.»

ть всѣхъ чиновниковъ Республики требуется испытанный
отизмъ. Духъ и честь всѣхъ родовъ Государственной служ-
редполагаются заключающими въ себѣ это общее качество;
есть общее и не можетъ составлять отличительнаго свойства
то либо рода службы.

ъ составъ духа и чести той службы, которая составляетъ
метъ сей статьи, входятъ два разряда качествъ: душевныя
ственныя.

къ первому разряду принадлежатъ: 1. Осторожность; 2.
ожность; 3. Непоколебимое безкорыстіе; 4. Наконецъ, нѣко-
я возвышенность чувствъ, заставляющая постигать сколь
ма обязанность представлять свое отечество за границею и
сти внутри Государства его политическія выгоды.

во второмъ разрядѣ находятся: 1 склонность ума къ изу-
ю политическихъ сношеній; 2 необходимая способность къ
чтобы хорошо и быстро постигать предметы, ибо ни въ
й другой службѣ не встрѣчается столь внезапныхъ и не-
лящихъ отлагательства занятій. 3 Нѣкоторую обширность
понятіяхъ, ибо въ этой части, всѣ подробности относятся къ
ирному цѣлому.

Есть еще можетъ быть третій разрядъ качествъ, должен-
ющій присоединяться къ двумъ первымъ; я разумѣю здѣсь
относящееся къ искуству въ произвожденіи дѣлъ. Оно не-
одимо какъ внутреннимъ такъ и внѣшнимъ агентамъ упра-
нія; ибо если послѣднимъ поручается дѣйствовать, то первые
ѣе или менѣе участвуютъ въ даваемомъ имъ направленіи.
качество составляетъ особый разрядъ ибо оно есть слѣд-
е ума и характера.

Эти соединенныя и обработанныя качества составляютъ умъ
есть званія. Чрезъ оныя учреждаются между разными чи-
никами сношенія уваженія и пріязни; между начальниками
подчиненными сношенія привязанности, покровительства и
сновання; чрезъ нихъ же возбуждается въ чиновникахъ

вѣрность и уваженіе къ Правительству а въ сношеніяхъ публики со служащими, довѣренность и уваженіе.

«Министръ предлагаетъ систему повышеній, сообразную с духомъ сего доклада.

«По сему проэкту для политическихъ агентовъ будетъ четыр степени: 1. Секретари Посольства втораго разряда; 2. Таковые ж перваго разряда; 3. Полномочные Министры; 4. Посланники.— Въ Департаментѣ Внѣшнихъ Сношеній учредится учебное заведе ніе для молодыхъ людей, которыхъ въ послѣдствіи можно бы бы употреблять въ Канцеляріяхъ и при посольствахъ. По надле жащемъ ихъ пріуготовленіи, они получатъ званіе воспитанника которое будетъ первымъ чиномъ ихъ по службѣ.

«Каждому чину будетъ назначено содержаніе независимо от того, которое предоставлено мѣсту; вызванный обратно агент лишится только того содержанія, которое онъ получалъ по з нимаемой имъ должности, сохранивъ жалованье свое по чин до опредѣленія его вновь къ какому либо мѣсту: его нельзя от ставить и лишить чиновъ безъ повелѣнія Перваго Консула п докладу Коммисіи, составленной изъ чиновниковъ, по одном каждой степени. Чинами будутъ равно пользоваться какъ внѣш ніе агенты такъ и служащіе внутри Государства при Депар таментѣ, такъ что Правители Канцелярій будутъ сравнены с Секретарями Посольства перваго класса; начальники отдѣлен съ Полномочными Министрами; а Министръ Внѣшнихъ Сно шеній будетъ имѣть степень Посланника. Нѣсколько лѣт службы въ каждомъ чинѣ будетъ опредѣлено для достижен высшаго чина. Половина жалованья или полный окладъ опла будутъ предоставлены при отставкѣ чиновнику, прослужившем 20 или 25 лѣтъ; соразмѣрный вычетъ изъ содержанія политиче скихъ агентовъ послужитъ средствомъ къ удовлетворенію издер жекъ по этимъ новымъ распоряженіямъ.

К. ТАЛЕЙРАНЪ.»

СОСТОЯНІИ ФРАНЦІИ съ 18 БРЮМЕРА Соч. РЕНО ДЕ СЕН-ЖАНЪ Д'АНЖЕЛИ.

аринная пословица, что зло приходитъ бѣгомъ а добро ино какъ черепаха, очень можетъ быть сочтена, подобно ъ другимъ, пустымъ возгласомъ и чертою мизантропіи. кова была картина Франціи четыре мѣсяца тому назадъ? Ка- она теперь? Думаю что противоположность, являющаяся при еніи этихъ двухъ, столь близкихъ между собою временъ, ъ служить однимъ изъ лучшихъ опроверженій этой ста- ой поговорки.

ъ отношеніяхъ дипломатическомъ, финансовомъ, обществен- и военномъ, эти двѣ эпохи различествуютъ между собою ко какъ характеры двухъ разныхъ народовъ и исторія ъ, отдаленныхъ между собою вѣковъ.

Изображая Францію въ томъ видѣ, въ которомъ она нынѣ ствуетъ—я естественнымъ образомъ приведу на память черты, рыя еще недавно сообщали ей стѣсненное и бѣдственное женіе, подавляя всѣ пружины ея силы, и дурное направле- которое представляло ее Европѣ въ невыгодномъ видѣ, я совокупности сношеній, связывающихъ ее съ другими ударствами.

До 18 Брюмера, наиболѣе общее мнѣніе во Франціи и внѣ й было то, что главныя препоны къ возстановленію мира, исходили отъ Франціи. Блескъ нашихъ побѣдъ, доставляя ію войны самыя богатыя жатвы славы, которыя когда о были пріобрѣтаемы какимъ либо народомъ, — придавалъ ьшую вѣроподобность этому мнѣнію, а постоянство Фран- овъ послѣ довольно длинной цѣпи неудачъ, также содѣйст- ало къ поддержанію онаго. Одной минуты было достаточно выведенія Европы изъ заблужденія: главою правленія сдѣ- ся мужъ, коего постоянно великодушное расположеніе, и чная умѣренность обнаружили истинную цѣль побѣдъ анціи и коего возвратъ далъ почувствовать что отсутствіе его ло одною изъ главныхъ причинъ нашихъ бѣдствій. Побѣда атилась къ нашимъ знаменамъ и желаніе мира было объ- лено; всѣ Французы одобрили сіе желаніе, ибо голосъ, оное

объявившій, возбуждалъ воспоминанія, которыя представляли миръ сей какъ новую славу къ пріобрѣтенію, какъ прекраснѣйшее завоеваніе къ сохраненію. Вся Европа повѣрила искренности этого желанія, ибо нельзя неповѣрить ручательству великаго характера и нельзя не внять тому, что происходитъ отъ единодушныхъ чувствъ великаго народа.

«Мнѣніе о Франціи столькоже перемѣнилось какъ и мнѣніе самихъ Французовъ: когда послѣднія успокоились и соединились то и первое потеряло свою неопредѣлимость и недоумѣніе; ненависть и недовѣрчивость Европы исчезли при видѣ народа желающаго хорошо жить со своими друзьями, возстановившаго между собою и своими непріятелями великіе законы общественнаго права, безъ которыхъ не существуетъ никакой чести въ войнѣ и никакого обеспеченія въ мирѣ; хотящаго возобновить отношенія добраго согласія и искренняго союза, которыя одни только даютъ жизнь правамъ, обязанностямъ и обоюднымъ выгодамъ; желающаго наконецъ, быть независимымъ, располагать своимъ жребіемъ и не мѣшаться ни въ чью судьбу.

«Таково теперь положеніе Франціи въ политическомъ отношеніи. Финансовое отношеніе представляетъ не менѣе того ощутительное улучшеніе.

«Упадокъ финансовъ есть, изъ всѣхъ безпорядковъ тотъ, который распространяется съ наибольшею быстротою; онъ также есть тотъ, коего наитруднѣе опредѣлить причины и пріискать средства къ исправленію. Но для всѣхъ, хотя и несвѣдущихъ по этой части, существуетъ удобопостижимая истина, что есть степень въ злѣ, на которой, если оное не усиливается, то оно означаетъ уже исцѣленіе. Теперь Франція достигла этой степени. И такъ достаточно будетъ сказать,—что со времени учрежденія новаго Правительства, разстройство не увеличилось—для удостовѣренія что оно достигло или скоро достигнетъ конца своего.

«Есть еще другая истина, не менѣе исполненная надеждъ и состоящая въ томъ что чрезъ учрежденіе порядка въ финансахъ, дается жизнь всѣмъ способамъ и водворяется бережливость во всѣхъ расходахъ. Четыре мѣсяца уже, какъ Правительство неутомимо занимается тѣмъ чтобы все устроить: отсюда проистекаетъ множество послѣдствій, коихъ благодѣяніе уже ощущаемо и

ство другихъ послѣдствій, отъ коихъ люди свѣдущіе въ дѣ-
жидаютъ съ полною увѣренностью возстановленія кредита.
послѣдствія сіи не могутъ быть вполнѣ здѣсь изложены,
таточно вкратцѣ выставить оныя.

Бездна, въ которую Государство едва не низверглось—
ена; причины, которыя своимъ пагубнымъ сцѣпленіемъ,
олѣе чѣмъ своею важностью содѣйствовали бѣдѣ—откры-
узнаны и оцѣнены; научились наконецъ расчислять опа-
и средства спасенія и не отчаяваться въ водвореніи об-
веннаго благосостоянія.

Невѣжество, робость и криводушіе унижали Правитель-
ствѣснили объемъ его видовъ и сферу его дѣйствій; распо-
ія его были только частныя, нерѣшительныя. Оно
дало обеспеченія, которыхъ не могло дать; и отнимало ихъ
того чтобы опять предоставить. Раздраженное чувствомъ
ты и потерявъ стыдъ, оно поставило себя между бичемъ
стоятельности и прекращенія службы; это были два утеса,
торые неизбѣжно бы разбился корабль Государства. Пра-
льство перешло въ лучшія руки; его первыя мѣры озна-
лись мужествомъ и правдолюбіемъ. Успѣхъ этихъ мѣръ по-
килъ доказательствомъ его свѣдѣній, давъ послѣдовательность
щность его дѣйствіямъ. Не стану описывать здѣсь его спосо-
; объ оныхъ можно судить по результатамъ. Подати упла-
, недочеты уменьшились; перестали основывать расчеты
на страхѣ а начали ожидать выгодъ отъ исполненной на-
дъ будущности; курсъ поднялся, должности служащихъ учре-
лись, и проч.

3-е. Уплата нынѣ податей, безъ перемѣны теоріи оныхъ, под-
одила слишкомъ мало извѣстную истину, что погрѣшности вся-
системы налоговъ состоятъ менѣе въ теоріи законовъ о пода-
ть, чѣмъ въ видахъ общественнаго состава и въ обстоятельствахъ
исполненіи сихъ законовъ. Причемъ обнаруживалась еще
ругая истина, что подать, внесенная и употребленная на уплату
лованья за службу Государству, есть одинъ изъ главныхъ
жителей промышлености, одинъ изъ величайшихъ возста-
телей кредита,

Упадокъ общественнаго кредита есть непосредственное слѣд-
е прекращеніе оборота денегъ. Сравните Правительство, по-

лучающее доходы, съ богатымъ частнымъ человѣкомъ, котор отвсюду получаетъ деньги и самъ немедленно уплачиваетъ свонмъ обязательствамъ; это приводитъ въ сильное движе огромную денежную машину; платящіе и получающіе день находящіеся чрезъ сіе въ соприкосновеніи съ Правительство входятъ въ соприкосновеніе между собою. Промышлено оживляется, поощряя повсюду къ работѣ; деньги обращают издѣлія мѣняются и всеобщій кредитъ установляется на ос ваніяхъ, тѣхъ же самыхъ, на которыхъ утвержденъ кредитъ Г сударства.

«Я бы могъ болѣе распространиться объ этомъ предметѣ, перехожу къ виду общественнаго отношенія, въ которомъ пр ставляется нынѣ Франція. Эту обязанность пріятно бы исп нить еслибъ не было столькоже невозможно какъ и излиш все говорить. Кого нужно извѣщать о томъ, что Французы бавлены отъ нестерпимой необходимости взаимно другъ дру ненавидѣть, единственно уже потому что они не подверже болѣе постыдной необходимости другъ друга бояться? Что пріязнь ихъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе переходитъ одни только воспоминанія; что эти воспоминанія нѣкогда п грузятся въ забвеніе; что судя наконецъ здраво о своихъ вы дахъ и о своихъ чувствахъ, они не ошибаются болѣе на счет опасности раздоровъ и на счетъ несовмѣстности духа партій с ихъ характеромъ. Теперь, права, даваемыя свободою и обяза ности, ею предписываемыя—извѣстны; нельзя болѣе употре лять оную во зло для возбужденія къ ней презрѣнія или нен висти. Ее знаютъ потому что ею наслаждаются безъ тревог потому что нельзя и не хотятъ воспрепятствовать другимъ опо наслаждаться. Мнѣнія перемѣнились потому что въ чувствах произошло улучшеніе. Наконецъ просвѣтились потому что стал лучшими.

«Отъ чего произошла такая перемѣна? Отъ одной причины Правительство восприяло всю власть, ему принадлежащую люди потеряли вмѣстѣ съ возможностью дѣлать зло, охоту вре дить другъ другу. Эта охота неестественна; благоволеніе и пра восудіе болѣе свойственны устроенію сердца человѣческаго. Пра вительство явило свое благоволеніе и правосудіе; а Французы естественнымъ образомъ обратились къ прежнимъ своимъ вне-

ніямъ и согласно съ онымъ; они съ удовольствіемъ увидѣли что хорошіе законы исполняются и что никто не рается препятствовать ихъ исполненію или преувеличивать оные: они увидѣли передѣлку дурныхъ законовъ съ одобреніемъ и даже съ признательностью. И могло ли это быть? Развѣ свобода каждаго не выигрываетъ при предоставленіи общей свободы? Какой нибудь пагубный законъ, коему лично не подвергаюсь, развѣ не угрожаетъ мнѣ въ будущемъ? Въ томъ положеніи, изъ котораго мы недавно вышли, какой человѣкъ могъ избѣгнуть опасности законной опалы? Искреннѣйшій другъ свободы, великодушнѣйшій защитникъ земли своей и—въ ту самую минуту какъ одинъ изъ нихъ защищалъ родныя права а другой проливалъ кровь за свободу—увидѣть имена свои внесенными въ тотъ роковой списокъ, который теперь можно назвать безъ ужаса и который въ рукахъ изувѣровъ могъ со временемъ сдѣлаться памятникомъ осужденія всѣхъ добродѣтелей, всѣхъ талантовъ, и всѣхъ услугъ, оказанныхъ отечеству.

Общественное устройство Франціи также представляетъ дѣйствія Правительства къ преобразованію чувствъ Французовъ; а послѣднія производятъ преобразованіе въ общественныхъ мнѣніяхъ. Порядокъ и свобода соединились для произведенія счастливыхъ послѣдствій; частныя предубѣжденія разсѣялись, общественныя страсти угасли и наименованія остались въ нихъ только разсказахъ о прошедшемъ. Клевета, ненависть, и самое междоусобіе, не имѣя болѣе цѣли, сами собою прекратились; Граждане въ лонѣ Франціи, не захотѣли болѣе клинать и сражаться когда увидѣли что они могли проклинать и сражаться только съ Французами.

Мнѣ бы слишкомъ много пришлось говорить о военномъ Франціи; я скажу одно только слово; онъ величественъ, знатенъ и страшенъ. Французскія арміи пополнены наборами и даны безъ отягощеній; междоусобная война на западѣ не уменшила число нашихъ защитниковъ: миръ, оную окончившій, увеличилъ число ихъ. Арміи Республики снабжены продовольствіемъ для похода; мѣры приняты для обеспеченія жребія раненыхъ воиновъ, сражавшихся за свободу. Новые Полки, которые недоброжелательное и неспособное Правительство учредило

вновь для того, чтобы имѣть случай привести въ разстройство управленіе тѣми, которые уже существовали и лишить должностей часть состоящихъ въ службѣ Офицеровъ—уничтожены размѣщены въ старые Полки. Командиръ Бригады, Капитанъ Фельдфебель увѣренъ что онъ будетъ повышенъ соразмѣрно своею службою, талантами и что безъ всякой причины его не понизятъ. Національныя награды будутъ даваемы Офицерамъ, солдатамъ которые отличатся. Тотъ кто служилъ Республикѣ кто былъ раненъ на службѣ ея, пріобрѣтетъ неизмѣнныя права на честь и славу. Общественное мнѣніе, согласно съ воинскими законами, утвердитъ отличія, оными даруемыя. Уваженіе, обрѣтенное вообще солдатами, составляющими армію, отразится на каждомъ изъ нихъ. Уваженіе, которое въ слѣдствіе нашихъ побѣдъ, въ слѣдствіе мира и общественнаго благосостоянія составитъ славу и награду Правительства, достанется по справедливому раздѣлу и всѣмъ гражданамъ, которые содѣйствовали оному своими мнѣніями, желаніями, усиліями или пожертвованіями.

«Во всякомъ событіи, могущемъ считаться результатомъ единодушія общихъ расположеній націи есть та выгода, что тотчасъ видно то что всѣ выигрываютъ и что тщетно стали бы искать основательныхъ причинъ къ безпокойству или къ жалобамъ. Я изложилъ конечно слишкомъ поверхностно, но съ вѣрностью, перемѣны, представляемыя Франціею въ четырехъ главныхъ ея отношеніяхъ; обративъ на этотъ предметъ вниманіе и разсмотрѣвъ разнообразныя выгоды, связывающія различныя сословія гражданъ съ переворотами общественной судьбы не трудно будетъ изъ сего общаго воззрѣнія вывести причины побуждающія каждое сословіе и даже каждаго человѣка, присоединиться чувствами довѣренности и надежды къ настоящему порядку вещей.

«Людямъ, которымъ Революція надоѣла, можно сказать: она кончилась, пружины ея ослабли, страсти ея угасаютъ; не возбуждайте ихъ вновь выставляя ихъ насилія и буйства. Добро, отъ нея оставшееся, есть общее достояніе; самое пагубное зло, ею произведенное, состоитъ въ томъ, что она раздѣлила, ожесточила сердца. Отсюда проистекли всѣ буйства, всѣ волненія, всѣ безпорядки, которые нарушили ваше спокойствіе и утомили

ійствіе терпѣніе. Теперь не существуетъ уже болѣе политической
ожненависти, не существуетъ болѣе причинъ къ раздраженію за
ны нія или противъ оныхъ: всегда будутъ существовать люди
таки брожелательные, ненавистливые и злые; но имъ уже нельзя
но сеть прикрывать свои виды предлогомъ общественной пользы,
не нсвать свою ярость за добродѣтели, а вашу добродѣтель ста-
со ть вамъ въ преступленіе; они отнынѣ будутъ обузданы зако-
ликъ и общественнымъ мнѣніемъ. Вотъ ваши выгоды.

прав Людямъ, которые были увлечены Революціею, можно ска-
ким: обратитесь подобно ей, къ ея цѣли, къ ея духу, къ ея
правиламъ. Вы были возмущены противъ прежняго Правитель-
зите а, болѣе не существующаго, противъ надменности сословія,
ниха уничтоженнаго, противъ нестерпимыхъ злоупотребленій, о
я сахъ едва сохранилось воспоминаніе. Но неужели вы хотите что-
спра отсутствіе или непрочность Правительства возродило опять зло,
ова ило партіи, замѣнило новыми злоупотребленіями старыя? Нѣтъ
ствова таково ваше желаніе, но таково обвиненіе которымъ мирная,
судительная часть народа долго васъ обременяла. Согласіе,
еди ное вами на спасительное возрожденіе 18 Брюмера, велико-
что ная готовность, съ которою вы отказа ись отъ вашего влія-
ми бы , составлявшаго ваши преимущества; отъ вашихъ притязаній,
кало ые иные считали правами; отъ вашихъ умозрѣній о совер-
но сл ствѣ, которыя были предразсудками, хотя и болѣе фило-
прехв ческими, но столь же суетными какъ дворянскими,—сложили
нима васъ вину вашу. Вы вновь вступили въ сословіе гражданъ;
злич пользуетесь равенствомъ. Вотъ ваши выгоды.

дьбы Тѣмъ, которые сами производили Революцію, можно сказать:
цины и всѣ имѣли въ виду одну цѣль и раздѣлились только въ средст-
при хъ къ достиженію оной; вы желаете учредить законную свободу,
щему конное равенство, законный порядокъ; что нужды подъ какими
рмами; болѣе или менѣе демократическими, болѣе или менѣе
она редоточенными. Системы занимаютъ людей праздныхъ, вводятъ
воз заблужденіе легкомысленныхъ; но умные люди знаютъ что
обро, ли и возможно предвидѣть нѣкоторыя обстоятельства, то со-
зло, ршенно нельзя угадать всѣ оныя и что единственно отъ ихъ со-
ожа ченія и совокупности происходятъ учрежденія, основывающіяся
ения, слѣдствіе великихъ политическихъ волненій. Результаты тѣ
мили ные, какихъ вы желали; они удовлетворятъ всѣмъ умозрѣніямъ.

Вы долгое время тщетно искали порядка въ свободѣ и въ равенствѣ; вы наконецъ нашли свободу и равенство въ порядкѣ. Вотъ ваши выгоды.

«Тѣмъ, которые проливали кровь за свободу, можно сказать: Наслаждайтесь вашимъ завоеваніемъ; оно будетъ сіять предъ очами потомства всѣмъ блескомъ вашихъ знаменитыхъ подвиговъ; оно увѣковѣчится чувствами счастія, которыя вы раздѣлите съ народомъ, обязаннымъ вамъ за свою славу и независимость. Остается завоевать миръ; этого послѣдняго благодѣянія недостаетъ къ тѣмъ, которыми вы осыпали вашихъ согражданъ; они ожидаютъ его отъ вашей настойчивости и отъ вашего мужества. Вы возвратитесь тогда въ лоно вашей отчизны и въ почетномъ успокоеніи будете сбирать дань общественнаго удивленія и признательности. Вотъ какія будутъ ваши выгоды.»

ПИСЬМО КЛЕБЕРА, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ЕГИПЕТСКОЮ АРМІЕЮ КЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ДИРЕКТОРІИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

Въ лагерѣ Сальшіскѣ, 10 Плювіоза X года.

»Подписавъ, Граждане Директоры, договоръ касательно выхода изъ Египта, прилагаю присемъ копію съ онаго. Подлинный договоръ за подписью Верховнаго Визиря, можетъ быть мнѣ врученъ не ранѣе какъ чрезъ нѣсколько дней, ибо размѣнъ долженствуетъ произойти въ Эль-Аришѣ.

«Я представилъ вамъ въ моихъ депешахъ отчетъ о положеніи

которомъ находилась армія. Я также увѣдомилъ васъ о переговорахъ, которые Генералъ Бонапарте началъ съ Верховнымъ Визиремъ и которые я долженъ былъ продолжать.

Хотя въ эту эпоху я и мало надѣялся на успѣхъ сихъ переговоровъ, однакожъ полагалъ что они достаточно замедлятъ движенія и военныя приготовленія Верховнаго Визиря для того, чтобы дать вамъ время прислать мнѣ помощь людьми и оружіемъ или по крайней мѣрѣ приказанія о томъ какъ мнѣ поступить въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ я находился. Надежда моя получить помощь основывалась на томъ, что я зналъ что флоты Французскій и Испанскій находятся вмѣстѣ въ Тулонѣ и для выхода оттуда ожидаютъ только попутнаго вѣтра. Они дѣйствительно вышли оттуда, но только вышли проливъ и опять втянулись въ Брестскую гавань. Эта вѣсть сильно огорчила армію, узнавшую въ тоже время о несчастіяхъ нашихъ въ Италіи, въ Германіи, въ Голландіи и даже въ Вандеѣ, между тѣмъ какъ повидимому не принимали никакихъ мѣръ къ остановленію хода несчастій, угрожавшихъ даже прочному существованію Республики.

Между тѣмъ Визирь шелъ отъ Дамаска; съ другой стороны, въ началѣ Брюмера, предъ Даміеттою явился флотъ; сперва онъ высадилъ четыре тысячи Янычаровъ, за которыми долженствовало послѣдовать столькоже. Но имъ не дали къ тому времени; первые были атакованы и, меньше чѣмъ въ полчаса совершенно разбиты. Кровопролитіе было ужасное; мы взяли у нихъ болѣе осми сотъ плѣнныхъ.

Это происшествіе не помогло переговорамъ; Визирь, обнаруживая тѣже намѣренія, останавливался на пути своемъ только для того чтобы устроивать обозъ свой и доставлять своему войску способы къ переходу. Въ арміи его находилось тогда до шестидесяти тысячъ человѣкъ; но другіе Паши слѣдовали за нимъ и сбирали рекрутъ во всѣхъ частяхъ Азіи до Кавказскихъ горъ. Голова сей арміи скоро достигла Яффы.

Командоръ Сиръ Сидней-Смитъ написалъ ко мнѣ около этой эпохи, то есть за нѣсколько дней до Даміетской высадки; и какъ мнѣ извѣстно было вліяніе его на Визиря, то я счелъ обязанностью, не только отвѣчать ему, но даже назначить мѣстомъ переговоровъ корабль, на которомъ онъ находился. Мнѣ

равно не хотѣлось, какъ принять у себя въ Египтѣ Англійскихъ или Турецкихъ уполномоченныхъ, такъ и послать моихъ въ лагерь этихъ послѣднихъ; предложеніе мое было принято и с этой поры переговоры пошли рѣшительнѣе.

«Въ теченіе этого времени, война въ Верхнемъ Египтѣ продолжалась и Бен, до тѣхъ поръ разсѣянные, вознамѣрились присоединиться къ Мураду, который, безпрестанно преслѣдуемый но не предававшійся отчаянію, привлекалъ къ себѣ Арабов и жителей области Беніузефа занимая и тревожа наши войска.

«Чума также угрожала намъ своими опустошеніями похитила у насъ множество людей въ Александріи и въ другихъ мѣстахъ.

«Наконецъ 1 Нивоза, Генералъ Дезе и гражданинъ Пуссіельгъ, коихъ я назначилъ уполномоченными, открыли на кораблѣ Тигрѣ переговоры съ Сиднеемъ-Смитомъ, которому Верховный Визирь предоставилъ полномочіе для веденія оныхъ. Имъ слѣдовало держаться между Даміеттою и Александріею но сильный вѣтръ заставилъ ихъ выйти въ открытое море, гдѣ они пробыли десять дней: а по истеченіи сего времени сошли на берегъ въ лагерь Визиря. Этотъ послѣдній двинулся къ Эль Аришу и овладѣлъ 9 Нивоза сею крѣпостью. Онъ былъ обязанъ за этотъ успѣхъ только неимовѣрной трусости гарнизона который сдался безъ боя на седьмой день осады.

«Это событіе было для насъ тѣмъ несчастнѣе, что Генералъ Ренье шелъ уже для того чтобы заставить снять блокаду до прибытія главнаго отряда Турецкой арміи.

«Съ этой минуты, нельзя было болѣе надѣяться продлить переговоры. Надлежало зрѣло обдумать опасность прерванія оныхъ устранить личное тщеславіе и не подвергать всѣхъ Французовъ коихъ жизнь была мнѣ ввѣрена, ужаснымъ послѣдствіямъ, которыя дальнѣйшая отсрочка сдѣлала бы необходимыми.

«По послѣднимъ извѣстіямъ Оттоманская армія состояла изъ осмидесяти тысячъ человѣкъ и должна была еще болѣе усилиться; въ ней считали двѣнадцать Пашей, изъ коихъ шесть первостепенныхъ; и сорокъ пять тысячъ находилось предъ Эль-Аришемъ съ пятидесятью орудіями и соразмѣрнымъ тому числомъ зарядныхъ ящиковъ. Эту Артиллерію везли на лошакахъ

лать пушекъ было еще въ Газѣ съ Резервнымъ Корпу-
остальныя войска находились въ Яффѣ и въ окрестно-
Рамле. Съ моря дѣятельно подвозили въ лагерь Визиря
льствiе и всѣ Арабскiя племена усердно содѣйствовали
рмiи доставивъ въ оную болѣе пятнадцати тысячъ вер-
ъ. Меня увѣряли что продовольствiе производилось въ
ъ совершенномъ порядкѣ. Всѣ эти войска были руковод-
ы Европейскими Офицерами и съ каждою минутою ожи-
ть пяти до шести тысячъ Русскихъ.

ой армiи я могъ противопоставить восемь тысячъ пять сотъ
ъкъ, находившихся раздѣльно въ трехъ мѣстахъ: въ Каюе,
лагiе и въ Бельбенсѣ. Такое размѣщенiе было необходимо
ого чтобы сдѣлать болѣе удобными сообщенiя наши съ
мъ и быстро двинуться на помощь къ тому изъ
мѣстъ, которое прежде другихъ будетъ атаковано. Дѣйст-
но ихъ можно было всѣ обойти, что недавно и сдѣлалъ
Бей, который въ продолженiе переговоровъ, вошелъ со
Мамелюками въ Шаркiе, дабы соединясь съ Биллнескими
ми итти къ Мураду въ Верхнiй Египетъ. Остатокъ ар-
лъ размѣщенъ слѣдующимъ образомъ: тысяча человѣкъ,
начальствомъ Генерала Вердье находились для составле-
ризона Лесбе, для собранiя податей деньгами и припа-
для удержанiя въ повиновенiи страны между каналами
шскимъ и Моесскимъ, скрытно подстрекаемой къ бунту
комъ Лескама. Тысяча восемь сотъ человѣкъ, подъ предво-
льствомъ Генерала Ланюсса составляя гарнизоны Розетты,
ра и Александрiи, обуздывали Дельту и Вагире; тысяча
человѣкъ остались въ Каирѣ и въ Гизе, давая конвой
мъ армiи; наконецъ двѣ тысячи пять сотъ человѣкъ было
но въ Верхнемъ Египтѣ на чертѣ болѣе ста пятидесяти
они каждый день сражались съ Беями и ихъ сообщни-
всего вмѣстѣ было въ армiи пятнадцать тысячъ чело-
могущихъ быть употребленными въ дѣло.

смотря на такое неравенство силъ, я надѣялся одержать
у и рѣшился бы дать сраженiе, еслибъ былъ увѣренъ въ
лкѣ ко мнѣ помощи прежде сдѣланiя высадки. Но когда
уже сдѣлали а я не получилъ подкрѣпленiй, то я при-
нъ былъ послать покрайней мѣрѣ пять тысячъ человѣкъ

на берега: у меня оставалось еще пять тысячъ для защи страны, со всѣхъ сторонъ открытой отъ вторженія тридца тысячъ всадниковъ, вспомоществуемыхъ Арабами и жителям не имѣя ни укрѣпленныхъ мѣстъ, ни продовольствія, ни денег ни кораблей. Я долженъ былъ предвидѣть эту минуту и спр сить у себя, что я тогда сдѣлаю для спасенія арміи. Не ос валось никакого способа къ избавленію; только съ оружіемъ рукахъ можно вести переговоры съ невѣжественными орда варваровъ изувѣровъ, непризнающихъ никакихъ законовъ вой очевидность этихъ причинъ поразила всѣхъ и заставила ме рѣшиться. Я далъ приказаніе моимъ уполномоченнымъ, въ комъ только случаѣ прекратить перегововоры, еслибы имъ пр ложили условія, посягающія на нашу славу или безопасност

«Въ заключеніе сего донесенія нужнымъ считаю, Гражд Директоры, замѣтить что обстоятельства моего положенія, были предвидѣны въ инструкціи, оставленной мнѣ Генерало Бонапарте. Обѣщая прислать мнѣ скорую помощь, онъ ос вывалъ надежды свои, какъ выше упомянуто, на соедине Французскаго и Испанскаго флотовъ въ Средиземномъ мо тогда вовсе не думали чтобы эти флоты воротились въ Океа чтобы Египетская Экспедиція, совершенно покинутая безъ помо сдѣлалась поводомъ къ обвиненію тѣхъ, которые оную устро

«Впрочемъ Французская армія, во время пребыванія свое въ Египтѣ, запечатлѣла въ умахъ жителей воспоминаніе о побѣдахъ, о справедливости и умѣренности, съ которыми м управляли, равно какъ чувство силы и могущества Государст къ коему она принадлежитъ. Французское имя долго буде уважаемо не только въ этой области Оттоманской Имперіи и на всемъ Востокѣ.

«Я надѣюсь прибыть во Францію съ арміею не позже ка въ концѣ Преріаля.

КЛЕБЕРЪ.

ТА, ВЫШЕДШАЯ ИЗЪ КАБИНЕТА ПЕРВАГО КОНСУЛА.

тырехтысячный отрядъ, составленный изъ 30 Полу-Бри-
изъ Полковъ 19 Драгунскаго и 5 Коннаго выступилъ
тра изъ Парижа въ Дижонъ.

ералъ Бертье, Главнокомандующiй Резервною армiею,
въ Базелѣ свиданiе съ Главнокомандующимъ Моро. Въ
скаду, военныя дѣйствiя должны возобновиться на Рейнѣ.

ералъ Тюро, вышедъ изъ Брiансона двинулся къ Ексилю,
къ Сузѣ и зашедъ чрезъ сiе въ тылъ отряда, посланнаго
телемъ къ горѣ Сенису, онъ не только принудилъ его,
строму отступленiю, но взялъ въ плѣнъ болѣе половины
а.

лавнокомандующiй Массена, особенно уполномоченный
тельствомъ, расположилъ всѣ силы свои около Генуи. 104
-Бригада, бывшая въ 7 Дивизiи, сдалась въ Генуѣ. Система
, принятая Правительствомъ, состоитъ въ томъ чтобы
ль всѣ войска въ сборѣ на какой либо точкѣ, благопрiят-
и для оборонительныхъ и для наступательныхъ дѣйствiй.

ту пограничные Департаменты не должны тревожиться
что многiя мѣста, занятыя войсками въ продолженiе всей
, нынѣ остались безъ оныхъ. Взглянувъ на право и на
они увидятъ что многочисленныя армiи, тѣмъ болѣе грозные
что онѣ сосредоточены—не только угрожаютъ непрiятелю,
ый вздумалъ бы гдѣ либо вторгнуться во Французскiя
нiя, но еще готовятся двинуться для того чтобы блиста-
ными побѣдами отмстить за обиду, нанесенную нашему
нiю въ послѣднюю кампанiю.

глянувъ назадъ, сiи Департаменты увидятъ пятидесятиты-
ю Резервную Армiю, съ каждымъ днемъ усиливающуюся,
ю двинуться на право или на лѣво сообразно съ обстоя-
вами войны и планами Правительства, въ воинскихъ та-
хъ коего никто не сомнѣвается.

торiя замѣтитъ, что если Исполнительная Директорiя и
на два года тому назадъ важную ошибку тѣмъ, что она
рдила чрезъ Расштадтскiй миръ—Кампо-Формiйскаго, по

которому границы Рейна и Италіи находились невозвратно нашей власти, то Вѣнскій кабинетъ сдѣлалъ въ нынѣшнемъ г еще бо́льшую ошибку тѣмъ что, обольстясь успѣхами, пріоб тенными въ Италіи въ послѣднюю кампанію Императорск Арміями,—онъ отказался отъ мира, которой непремѣнно у шилъ бы въ его пользу условія Кампо-Формійскаго договор

«Очень вѣроятно что колесо Фортуны еще разъ совершс оборотится въ эту кампанію. Сановники, руководствующіе перь политикою Французскаго Правительства, будутъ ум воспользоваться благопріятною минутою и утвердить оное.

«Юные Французы, если вы желаете участвовать въ толп славѣ и содѣйствовать успѣхамъ, которые должны пристыд въ одно время и внутреннихъ недоброжелателей и Махіав скую политику Сен-Джемскаго кабинета; если вы жела принадлежать къ арміи, долженствующей окончить войну Р люціи, утвердивъ независимость, свободу и славу великаго рода, то къ оружію! къ оружію! спѣшите въ Дижонъ.

ДОГОВОРЪ, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ ПОСЛѢ МАРЕНГСКАГО СРАЖЕНІЯ МЕЖДУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМИ ФРАНЦУЗСКОЮ И ИМПЕРАТОРСКОЮ АРМІЯМИ ВЪ ИТАЛІИ.

Статья I. Всеобщее прощеніе и прекращеніе непріязненных дѣйствій будутъ между арміями Е. И. В. и Французской Ре публики до полученія отвѣта отъ Вѣнскаго Двора.

II. Армія Е. И. В. займетъ всѣ земли между Минчіо, Фосс Маестрою и По; то есть Пескіеру, Мантуу, Борго-Форте; оттуда лѣвый берегъ По; на правомъ же берегу городъ и Фер рарскую цитадель.

Армія Е. И. В. также займетъ Тоскану и Анкону.
Французская армія займетъ земли между Кіезою, Огліо

страна между Кіезою и По не будетъ занята ни кото-
ъ двухъ армій. Арміи Е. В. предоставится снабжать
ѣстными припасами изъ той части страны сей, которая
лежала къ Герцогству Мантуѣ. Французская армія бу-
олучать себѣ продовольствіе изъ земель, принадлежащихъ
части Бресціи.

Замки Тортона, Александрія, Миланъ, Туринъ, Пичиги-
Аріона и Піачеица, будутъ сданы Французской арміи отъ
ріаля до 1 Мессидора или отъ 16 до 20 Іюня.

Мѣстечко Кони, замки Сева, Савона и городъ Генуа,
сданы Французской арміи отъ 16 до 24 Іюня или отъ
5 Мессидора.

Крѣпость Урбино будетъ сдана 26 Іюня, 7 Мессидора.

Крѣпостная Артиллерія распредѣлится слѣдующимъ обра-
1-е Вся Артиллерія Австрійскаго литья и калибра будетъ
лежать Австрійской Арміи; 2-е Италіянскаго же, Піемонт-
и Французскаго литья и калибра—поступитъ во Фран-
ю Армію; 3-е съѣстные припасы будутъ раздѣлены: по-
оныхъ возьметъ въ свое распоряженіе Провіантмейстеръ
узской Арміи а другую половину, Провіантмейстеръ Авст-
й Арміи.

Гарнизоны выйдутъ съ воинскими почестями и отправят-
оружіемъ и съ багажемъ, ближайшею дорогою въ Мантуу.

Австрійская Армія пойдетъ въ Мантуу чрезъ Піаченцу
колоннами: первая отъ 27 Преріаля до 1 Мессидора
16 до 20 Іюня); 2-я отъ 1 до 5 Мессидора (отъ 20 до 24
а третья отъ 5 до 7 Мессидора (или отъ 24 до 26 Іюня).

Артиллерійскій Генералъ Сен-Жульенъ де Швертингъ;
ерный де Брюнъ; Провіантмейстеръ Тельсіеже, и Граж-
Дежанъ, Государственный Совѣтникъ и Дарю, Инспекторъ
отрахъ; Генералъ-Адъютантъ Леопольдъ Штабенцатъ и
дный Командиръ Артиллеріи Моссе, назначены Комиса-
ля приведенія въ исполненіе настоящаго договора, какъ
тавленію описей, такъ касательно продовольствія, отпра-
и всѣхъ другихъ предметовъ.

XIII. Никто не подвергнется взысканію за услуги, оказанн Австрійской Арміи или за политическія мнѣнія. Главнокомандующій Австрійскою Арміею прикажетъ освободить всѣхъ л дей, взятыхъ подъ стражу въ Цизальпинской Республикѣ за литическія мнѣнія и содержимыхъ въ крѣпостяхъ, ему подвѣд ственныхъ.

XIV. Каковъ бы ни былъ отвѣтъ изъ Вѣны, а ни котор изъ арміи не сдѣлаетъ нападенія на другую, не предупреди оную о томъ за десять дней.

XV. Въ продолженіе перемирія, ни которая изъ армій пошлетъ отрядовъ въ Германію.

Александрія, 26 Преріаля V года Французской Республ (15 Іюня 1800).

АЛЕКСАНДРЪ БЕРТЬ

МЕЛАСЪ, Генералъ отъ Кавалеріи

Съ подлиннымъ вѣрно:

ДЮПОНЪ, Начальникъ Главнаго Штаба.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ,

ПРЕДЛОЖЕННЫЯ ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТОМЪ ГРАФОМЪ ГОГЕНЦОЛЛЕРНОМЪ, ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТУ СІОШЕТУ, ДЛЯ ИСПОЛНЕНІЯ ДОГОВОРА, ЗАКЛЮЧЕННАГО ОБОЮДНО МЕЖДУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМИ АРМІЯМИ АВСТРІЙСКОЮ и ФРАНЦУЗСКОЮ ВЪ ИТАЛІИ.

Статья I. Линія аванпостовъ къ сторонѣ Поцента будет простираться отъ устья Польсеверы до втеченія въ оную Секх и пойдетъ по вышеупомянутой рѣкѣ и Садиселлѣ до хребт

Правые берега будутъ заняты Французами, а лѣвые Авст-
ми.

Никто какъ въ городѣ, такъ и въ деревняхъ, не будетъ
вспяемъ за мнѣнія или за то что носилъ оружіе или слу-
Императорскому Правительству.

твѣтъ. Сіе уже опредѣлено въ XIII статьѣ договора, за-
еннаго между Главнокомандующими Бертье и Меласомъ
Ірреріаля или 15 прошедшаго Іюня.

I. Больные, не отправленные 24 числа, могутъ быть без-
ятственно отправлены и позднѣе сего; въ послѣдствіе чего
ператорской флотиліи будетъ дозволено остаться до тѣхъ
ъ въ Генуезской гавани.

твѣтъ. Касающееся до исполненія сей статьи, должно быть
ѣдѣлено Французскими и Австрійскими Комисарами, назна-
ными въ XII статьѣ вышеупомянутаго договора. Всеконечно
правленіе Австрійскихъ больныхъ и послѣ срока, назначен-
го для сдачи мѣстъ, не будетъ предметомъ спора.

IV. Проѣздъ въ Савону сухимъ путемъ будетъ свободенъ.

Отвѣтъ. Проѣздъ сей будетъ свободенъ равно какъ обоюдно
резъ всѣ прочіе посты Французскіе или Австрійскіе.

V. До тѣхъ поръ, никто изъ Французской Арміи не проѣдетъ
ъ аванпосты въ Генуу не предваривъ о томъ Графа Гоген-
ллерна.

Отвѣтъ. Согласны.

VI. Графъ Гогенцоллернъ извѣщаетъ Французскаго Генерала,
то онъ не принималъ никакого участія въ происшедшемъ ме-
ду Англичанами и городомъ Генуею.

Отвѣтъ. Статья сія подлежитъ разсмотрѣнію Комисаровъ
азначенныхъ договоромъ, упомянутымъ въ отвѣтѣ на II
атью.

VII. Графъ Гогенцоллернъ требуетъ удовлетворенія за про-
шедшее съ Казальскимъ Полкомъ.

Отвѣтъ. Это дѣло будетъ изслѣдовано.

VIII. Если Г. Г. Комисары Императорскіе и Французскіе
е прибудутъ въ Генуу 22 числа къ пяти часамъ вечера, то
удетъ дружески условлено какимъ образомъ Австрійскія войска
ступятъ изъ Генуи сообразно съ приказомъ, полученнымъ на

счетъ сего Графомъ Гогенцоллерномъ который назначилъ вы ступленіе 24 числа сего мѣсяца.

Отвѣтъ. Обѣ стороны сберутся для соглашенія касатель исполненія договора, упомянутаго въ отвѣтѣ на II статью.

Подписано: ГРАФЪ де БІОССИ, *уполномоченный отъ Графа Гогенцоллерна.*
Генералъ-Адъютантъ, Начальникъ Штаба Генералъ-Лейтенанта Сюшета уполномоченный отъ него ПРЕВАЛЬ.
Бригадный Командиръ Инженеровъ уполномоченный отъ Генералъ-Лейтенанта Сюшета Л. МАРЕ.

Съ подлиннымъ вѣрно: Генералъ-Лейтенантъ СЮШЕТЪ.

БІОЛЕТЕНЬ МАРЕНГСКАГО СРАЖЕНІЯ.

Торре де Гарафола, 26 Преріаля VIII года.

«Послѣ Монтебелскаго сраженія, армія двинулась съ тѣмъ чтобы перейти чрезъ Скривію. Авангардъ, подъ предводительствомъ Генерала Гарданна, 24 числа встрѣтилъ непріятеля, защищавшаго путь къ Бормидѣ и три моста, которые онъ имѣлъ близъ Александріи,—опрокинулъ его и взялъ у него двѣ пушки и сто плѣнныхъ.

«Дивизія Генерала Шабрана подходила въ тоже время по берегу рѣки По, противъ Валенціи дабы воспрепятствовать непріятелю перейти чрезъ сію рѣку. Такимъ образомъ Генералъ Меласъ былъ окруженъ между Бормидою и По. Единственный путь отступленія на Генуу, оставшійся ему послѣ Монтебелскаго сраженія былъ отрѣзанъ. Казалось что непріятель не принялъ еще никакого намѣренія и находился въ нерѣшимости касательно своихъ движеній.

«25 числа на разсвѣтѣ, непріятель перешелъ чрезъ Бормиду

ихъ трехъ точкахъ, рѣшась прорваться; двинулся большою
ю, внезапно ударилъ на нашъ авангардъ и съ величайшею
стью началъ Маренгское сраженіе, рѣшившее наконецъ
ій Италіи и Австрійской Арміи.

етыре раза въ продолженіе боя, мы отступали и четыре
опять шли впередъ. Болѣе шестидесяти пушекъ было съ
хъ сторонъ, на разныхъ точкахъ и въ разные часы, взято
ратно отбито. Произведено болѣе двѣнадцати кавалерійскихъ
сковъ съ различнымъ успѣхомъ.

ыло три часа послѣ полудня; десять тысячъ человѣкъ кон-
ы обходили нашъ правый флангъ въ прекрасной Сен-Жю-
кой долинѣ. Они были поддерживаемы кавалерійскою ли-
и многочисленною Артиллеріею. Гвардейскіе Гренадеры
и поставлены какъ гранитный редутъ посреди этой обшир-
долины. Ничто не могло сбить ихъ; Кавалерія, Пѣхота,
иллерія, все было направлено противъ этого баталіона, но
тно. Тогда только дѣйствительно увидѣли, что можетъ сдѣ-
ь горсть храбрыхъ людей.

Чрезъ сіе упорное сопротивленіе, лѣвое крыло непріятеля
ло удержано а нашъ правый флангъ подкрѣпленъ до при-
тія Генерала Моніе, который взялъ штыками деревню Ка-
ль-Каріоло.

Тогда непріятельская Кавалерія быстро ударила на лѣвый
ть флангъ, которой былъ уже разстроенъ. Это движеніе уско-
ло его отступленіе.

Непріятель подвигался впередъ по всей линіи, производя
ртечный огонь болѣе чѣмъ изо ста орудій. Дороги покры-
ь бѣглецами, ранеными, обломками; сраженіе казалось про-
ранным; непріятель былъ допущенъ на ружейный выстрѣлъ
деревни Сен-Жуліена, гдѣ стояла въ боевомъ порядкѣ Ди-
ія Генерала Дезе съ осмью легкими Артиллерійскими ору-
ми предъ оною и съ построенными въ густыя колонны двумя
аліонами на флангахъ. Всѣ бѣглецы собрались за нею; ме-
у тѣмъ непріятель дѣлалъ уже ошибки, предвѣщавшія ему
ду; онъ слишкомъ растянулъ свои крылья.

Присутствіе Перваго Консула одушевляло войска: *Дѣти-*
ворилъ онъ имъ, *вспомните что я привыкъ ночевать на*
ль сраженія.

«Съ кликами: *Да здравствуетъ Республика! да здравствуетъ Первый Консулъ!* Дезе ударилъ на непріятеля, котор въ мигъ былъ опрокинутъ. Генералъ Келлерманъ, цѣлый д прикрывавшій со своею Бригадою тяжелой Кавалеріи, ступленіе нашего лѣваго крыла, сдѣлалъ натискъ съ такою лою и такъ кстати, что шесть тысячъ Гренадеровъ и Генер Цахъ, Начальникъ Штаба, были взяты въ плѣнъ, а многіе пріятельскіе Генералы убиты.

«Вся армія послѣдовала этому движенію: правый флангъ пріятеля былъ отрѣзанъ. Смущеніе и ужасъ распространил въ рядахъ его.

«Австрійская Кавалерія двинулась къ центру дабы прикры отступленіе. Бригадный Командиръ Бессіеръ, предводитель вуя Гвардейскими Гренадерами, пошелъ въ атаку съ так быстротою и храбростью, что прорвался сквозь непріятельску Кавалерію, что довершило пораженіе арміи. Мы взяли пя надцать знаменъ, сорокъ пушекъ, и отъ шести до осьми тыся плѣнныхъ. Болѣе шести тысячъ непріятелей легло на по сраженія.

9-й Легкій Полкъ заслужилъ имя несравненнаго; тяжела Кавалерія и 8 Драгунскій Полкъ покрыли себя славою. Наш потеря также значительна. У насъ убито шесть сотъ человѣк тысяча пять сотъ ранено и девять сотъ взято въ плѣнъ. Ген ралы Буде, Шампо и Менони ранены.

«Одежда Главнокомандующаго Бертье прострѣлена пулями подъ многими изъ его Адъютантовъ убиты лошади; но потеря живо ощущаемая всею арміею и которую раздѣлитъ Респу блика, — не дозволяетъ намъ предаваться радости. Дезе был пораженъ пулею при самомъ началѣ атаки его Дивизіи; он палъ, успѣвъ только вымолвить молодому Лебрёно, бывшему при немъ: *Поѣзжай къ Первому Консулу и скажи ему что я умираю сожалѣя о томъ, что не довольно сдѣлалъ для того чтобы жить въ потомствѣ.*

«Генералъ Дезе, въ продолженіе своей жизни былъ три раза раненъ и подъ нимъ убито четыре лошади. Онъ прибылъ въ Главную квартиру только три дня тому назадъ; онъ горѣлъ желаніемъ сразиться и два или три раза говорилъ наканунѣ своимъ

тантамъ: *Я ужъ давно не дрался въ Европѣ. Ядра насъ ают; съ нами что нибудь случится.* Когда въ пылу Первому Консулу донесли о смерти Дезе, то онъ сказ одно только слово: *Зачѣмъ мнѣ не позволено плакать?* его перевезено на почтовыхъ въ Миланъ, гдѣ оно будетъ мировано.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

и

ВТОРАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Стр.

ГЛАВА I.

ьеры.—Предвидѣніе царскаго сана.—Народъ правъ.— Термометръ мнѣнія.—Прогулка по галереѣ.—Замѣчательное изреченіе.—Дипломатическій Корпусъ.— Торжественное представленіе. — Г-жа Бонапарте и Королева.—Счастливое похищеніе.—Г. Деѣе—Отложеніе суда и спасеніе отъ вѣрной смерти.—Г. Фротте. —Безполезный успѣхъ.—Изученіе Вандейцевъ.—Воспоминаніе о Шареттѣ.— Собственноручное письмо. —Обстоятельныя подробности. — Генералъ Траво и Шареттъ.—Одежда осужденнаго.—Одна минута волненія.—Мужественная смерть.—Боязнь междоусобія. —Жоржъ допущенъ къ частному свиданію.—Осторожность Ранна и довѣрчивость Бонапарте.—Жаркій разговоръ.—Мнѣніе Наполеона о Жоржѣ. . . 1

ГЛАВА II.

стоинство Франціи. — Наперъ-Тенди и Блаквель.— Французскіе и Англійскіе подданные. — Выдача.— Жалоба Французскаго Правительства Гамбургскому Сенату.—Взятка по Египетски.—Четыре съ половиною миліона, непоступившіе въ Государственую казну.—Раздача этой суммы. — Недѣйствительный вексель.—Безполезный подарокъ.—Неблагопріятный отвѣтъ Г. Фермона. — Пятнадцать тысячъ франковъ

Стр.

въ ящичкѣ письменнаго стола. — Долги Іозефины.— Извѣщеніе, сдѣланное Талейраномъ.—Намѣреніе расплатиться.—Затрудненіе Іозефины. — Признаніе въ половинѣ. — Тридцать восемь шляпъ въ мѣсяцъ.— Уплаченные долги.—Прогулки на большой дорогѣ. —Любезность Іозефины.—Квартира, приготовленная для меня въ Мальмезонѣ.—Мой Рюельскій домикъ. —Вѣчные просители. — Образъ жизни въ Парижѣ. —Сѣрый сертукъ.—Вечернія и утреннія прогулки.— Бонапарте бранитъ Перваго Консула. 20

ГЛАВА III.

Война и памятники.—Вліяніе воспоминаній о Египтѣ.— Любовь къ великимъ вещамъ. — Г. Лекоптъ.—Гг. Персье и Фонтенъ.—Первыя украшенія Парижа.— Орсейская набережная. — Неправильности Лувра и Тюлери.—Проэктъ постройки поперечной галереи. —Оставленъ.—Смѣты и отчеты. — Мальмезонъ становится слишкомъ малъ. — Сен-Клу.—25,000 франковъ царедворца.—Мостъ Художествъ.—Совѣтъ Гг. Персье и Фонтена, согласный съ моимъ. — Упрямство Бонапарте.—Счастливое послѣдствіе адской машины.—Колонна. — Набережныя.—Улицы.—Пароеонъ и Биржа.—Памятники.—Проэкты Консульства исполненные по учрежденіи Имперіи.—Дворецъ Короля Римскаго.—Чертоги Посланниковъ.—Храмъ славы. — Постройка *некрополиса* въ Парижѣ.— Любовь къ Франціи и потребность оставить по себѣ память въ потомствѣ.—Присоединенныя области. —Туринскій мостъ.—Внезапно устроенная дорога.— Большой мостъ, воздвигнутый въ слѣдствіе задержки. —Дорога въ Савоію.—Гора Сенисъ и Симплонъ.— Нѣтъ больше Альпъ. 36

ГЛАВА IV.

Моя работа.—Распечатываемыя мною бумаги.—Топогра-

Стр

ническое отдѣленіе.—Списокъ назначеніямъ.—Секретная переписка.—Отвѣтственность. — Рѣдкость выѣздовъ моихъ со двора.—Содержаніе.—Возстановленіе народнаго просвѣщенія.—Французскій Пританей.—Бонапарте посѣщаетъ его. — Вопросы и награды.—Три дипломатическіе воспитанника.—Міакцинскій.—Трагическое происшествіе. — Волонтеры *чижики* и гнѣвъ за шутку.—Совѣтъ ученыхъ наградъ. — Искусныя ограниченія. — Тронше и Тарже.—Щедрость по расчету.—Лоншанъ и духовные концерты.—Два календаря.—Консулъ и танцовщикъ. 54

ГЛАВА V.

йствіе времени на событія. — Дневникъ Острова Св. Елены и истина. — Неполныя воспоминанія Наполеона.—Первое письмо Лудовика XVIII къ Бонапарте.—Женщины и Сен-Жерменское предмѣстіе.—Предсказаніе Г-жи Вильнёвъ Г-жѣ Бонапарте. — Предчувствія. — Второе письмо Лудовика XVIII.—Отвѣтъ черезъ семь мѣсяцевъ.—Перемѣненное выраженіе.—Разговоръ въ Мальмезонѣ. — Сужденіе Наполеона о его положеніи.—Мои замѣчанія. — Предположеніе о призывѣ Лудовика XVIII.—Настоянія Г-жи Бонапарте.—Роль Монка.—Сужденіе Наполеона о Бурбонахъ.—Женскіе толки. 67

ГЛАВА VI.

ръ и война.—Плодовитость генія Бонапарте.—Предварительныя мѣры къ походу.—Булавочная война.—Удивительное предвидѣніе.—Генуа и Меласъ.—Карно.—Военный Министръ.—Насмѣшливое письмо къ Бертье.—Веселость Перваго Консула.—Приглашеніе въ Тюлери Г-на Колло.—Колебанія и убѣжденія.—День наканунѣ отъѣзда. — Наставленія Луціану и Камбасересу. — Іосифъ Государственный Совѣтникъ.

Стр.

—Разговоръ въ дорогѣ.—Сужденіе Наполеона объ Александрѣ и Цесарѣ.—Удивленіе безъ ласкательства. 80

ГЛАВА VII.

Внутреннія и внѣшнія дѣла. — Конскриптъ. — Увѣренность Перваго Консула въ своихъ солдатахъ.—*Моя* прекрасная Франція—Бернардинскій монастырь.—Три дня скуки.—Переходъ чрезъ гору Сен-Бернаръ.—Вопросы Наполеона своему проводнику.—Прибытіе въ Монастырь. — Раздача съѣстныхъ припасовъ солдатамъ.—Умѣренный завтракъ.—Гора Альбаредо.—Снятая съ лафетовъ артиллерія.—Крѣпость Бардъ.—Ночлегъ въ Иврѣ.—Счастливая отвага.—Смѣлость и геній.—Бонапарте и Меласъ.—Ланнъ въ Монтебелло. — Двойной шпіонъ. — Полезныя свѣдѣнія.—Мнѣніе Бонапарте о Неккерѣ. 90

ГЛАВА VIII.

Сдача Генуи.—Курьеръ отъ Мюрата. — Перехваченная депеша.—Ланнъ въ Монтебелло. — Слова Ланна.—Письмо Дезе. — Дезе назначенъ вмѣсто Буде.—Искренняя дружба Наполеона. — Холодность Перваго Консула къ Г. Колло. — Разговоръ и воспоминанія.—Легкомысліе Г-жи Бонапарте.—Рѣшимость разлучиться съ нею. — Приглашеніе къ завтраку.—Трудность прощенія. — Пріемный сынъ Наполеона.—Слезы Гортензіи. — Примиреніе. — Причина холодности Бонапарте.—Ложный доносъ.—Скромность.—Вѣрный расчетъ.—Маренго.—Проигранное сраженіе.—Сужденіе Дезе.—Генералъ Келлерманъ. — Удивительный натискъ. — Услуга, внутренно чувствуемая, явно непризнанная. — Почтъ-Директоръ.—Смерть Дезе.—Сильная горесть Перваго Консула.—Истина о Дезе.—Князь Лихтенштейнъ.—Суровыя условія.—

Стр.

Твердость Наполеона. — Возвращеніе въ Миланъ.— Адъютанты Дезе. 104

ГЛАВА IX.

Прекращеніе непріязненныхъ дѣйствій.—Письмо Консуламъ.—Черта первенства. — Второе пребываніе въ Миланѣ.—Бонапарте и Массена.—Разговоръ съ Г. Колло.—Воспоминаніе о Брюмерѣ.—Нетерпѣливость Наполеона въ Директоріи. — Письмо Реніо де Сен-Жанъ д'Анжели. — Одряхлѣвшее Правительство.— Наемъ дома въ Сен-Клу. — Мои Миланскія замѣчанія.—Себастіани и Жюбе. — Бонапарте и Боттотъ. —Вспышка.—Директорія и позоръ.— Вдохновительный геній.—Надзоръ за Фуше.—Моро и Ланнъ.— Настойчивость Наполеона.—Сен-Клудская оранжерея.—Благоразуміе представителей.—Шумное разногласіе.—Возвращеніе Салисетти.— Вечернее засѣданіе. —Представители и лакеи.—Ужинъ въ Сен-Клу.— Гг. Талейранъ и Семонвиль.—Сіесъ и Рожеръ Дюко. —Фуше.—Причины холодности Перваго Консула. . 125

ГЛАВА X.

Письмо Луціана къ Іосифу Бонапарте. — Молебенъ и фонды.—Страхъ Луціана въ Парижѣ. — Проэктъ праздника.—Расчеты.—Госпожа Мюратъ.—Госпожа Грасини. — Возвращеніе Перваго Консула —Приключенія въ дорогѣ. — Опрокинутая карета —Трудность составить себѣ великое имя.—Дезе и Клеберъ. —Описаніе Египетскаго Дворца.—Клеберъ.—Истина о Бонапарте и Клеберѣ.—Прибытіе курьера.—Торопливость Наполеона. — Ночная сцена.—Сильное огорченіе. 155

ГЛАВА XI.

Попытки къ переговорамъ.—Любопытное письмо одного

Стр

эмигранта. — Двадцать пять луйдоровъ, данные въ долгъ отцу Наполеона. — Уплата долга вдесятеро и исключеніе изъ списка эмигрантовъ.—Домашнія подробности.—Колокольчикъ въ кабинетѣ.—Канцелярскій писецъ.—Заговоръ Церакки и Арены.—Настоящее значеніе нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ на Островѣ Св. Елены.—Шёнбрунскій фанатикъ.—Другой таинственный изувѣръ. — Поощренный заговоръ.—Гаррель.—Доносъ и награда.—Утайка отъ Фуше.—Необходимость ему открыться.—Совѣтъ Консуловъ.—Бонапарте въ Оперѣ съ Дюрокомъ и со мною.—Взятіе подъ стражу многихъ людей и возвращеніе домой.—Гаррель, Венсенскій Комендантъ.—Молочная сестра Герцога Ангенскаго.—Замѣчаніе. . . . 173

ГЛАВА XII.

3 число Нивоза.—Трудная истина.—Невѣдѣніе Полиціи.—Гайденова ораторія.—Адская машина. — Первый Консулъ въ Оперѣ.—Скорое возвращеніе въ Тюлери.—Стеченіе народа.—Гнѣвъ Бонапарте противъ Якобинцевъ.—Хладнокровіе Фуше.—Отзывъ Бонапарте объ этомъ Министрѣ. — Исправленная ошибка.—Странное донесеніе Фуше.—Самовластное осужденіе.—Г. Тиссо, спасенный и признательный.—Составленіе списка осужденныхъ.—Опытъ Трюге.—Упорство Перваго Консула.—Настоящія причины Наполеона. Вина и извиненіе. — Предусмотрительная лесть.—Оправданіе Фуше.—Открытіе настоящихъ виновниковъ.—Фуше въ Мальмезонѣ.—Невинные и виновные одинаковымъ образомъ осуждены.—Казнь. . . 187

ГЛАВА XIII.

Наслѣдственная власть.—Сочиненіе *Цесарь, Кромвель* и *Бонапарте.*—Разговоръ Бонапарте съ Фуше.—Тонкость сего послѣдняго.—Собственноручныя отмѣтки

Стр.

Наполеона. — Притворный гнѣвъ.—Отрѣшеніе Луціана —Выгодное посольство.—Объявленіе Испаніею войны Португаліи.—Толки въ Парижѣ.—Новая династія.—Приглашеніе къ обѣду.—Шпіонство Наполеонова брата.—Разставленныя сѣти.—Лишеніе довѣренности. — Трехдневная размолвка.—Школьничья штука. — Оставленныя безъ отвѣта письма.—Ночное объясненіе —Признаніе въ шпіонствѣ.—Примиреніе. —Доброта Госпожи Бонапарте.—Нескромность Перваго Консула. 203

ГЛАВА XIV.

173 поминанія.—Народные клики и голосъ Іозефины.— Учрежденіе Правительства въ Піемонтѣ.—Французскій языкъ въ Піемонтѣ.—Цизальпинская Консульта. —Правительство вмѣсто Республики.—Дѣятельность Перваго Консула. — Назначеніе Келлермана.—Надпись на почетныхъ саблях. — Награды Рейнской арміи.—Медаль. — Резервная армія и притворная скромность.—Генералъ Цахъ. — Приготовленія къ празднеству.—Година 14 Іюля.—Подписка.—Памятникъ Дезе. — Знамена Маренгскія, Италіянскія и Рейнской арміи.—Рѣчи въ Марсовомъ храмѣ.—Маренгскіе солдаты и картина Жерара.—Празднество столѣтія.—Гробница Тюренна въ Инвалидномъ домѣ. —Счастливая ораторская выходка.—Одинъ изъ лучшихъ дней Наполеона. 214

ГЛАВА XV.

187 рія, связанная Англіею. — Г. Сен-Жюліенъ въ Парижѣ.—Порученіе Дюрока.—Прерванное перемиріе. —Уступка трехъ крѣпостей.—Г. Отто въ Лондонѣ.— Требованіе отдѣльнаго договора.—Обратный взглядъ на Италію.—Лихоимство.—Затрудненія при сдачѣ Генуи.—Умѣренность Перваго Консула.—Переходъ

Стр.

чрезъ Минчіо и чрезъ Дунай.—Перемиріе на сухомъ пути и на морѣ.—Отсроченный миръ.—Гогенлинденская битва. — Радость Наполеона.—Госпожа Моро въ Тюлієри.—Женскіе толки. — Госпожа Гюло въ Мальмезонѣ. — Холодность Наполеона.—Г. Кобенцель въ Парижѣ.—Люневильскій Конгресъ.—Кларкъ. —Искусный отвѣтъ Г-на Маре. 227

ГЛАВА XVI.

Миръ между Франціею и Австріею.—Неудачные обороты Іосифа Бонапарте на Биржѣ.—Счастливый и странный совѣтъ Талейрана.—Пересылка чрезъ почту. —Необходимость имѣть хорошій столъ. — *Эдуардъ въ Шотландіи.* — Вліяніе дѣвицы Конта —Снисходительность Цензуры.—Неудовольствіе Наполеона.— *Передняя.*—Лакейскія ливреи и Гревская площадь. —Исключеніе со сцены нѣсколькихъ піесъ.—Бонапарте въ Сен-Кантенѣ. — Я остаюсь въ Парижѣ.— Возвращеніе Перваго Консула.—Пароходы.—Фультонъ.—Ложное мнѣніе Наполеона. — Смерть Императора Павла I-го.—Уничтоженные замыслы.—Новыя мысли о Польшѣ.—Дюрокъ въ Петербургѣ.— Отвергнутое предложеніе. — Смерть Аберкромбія.— Истина и льстецы 258

ГЛАВА XVII.

Царское дѣйствіе.—Лудовикъ Бурбонъ и Марія-Луиза Испанская.—Основаніе Королевства Этрурскаго.— Графъ Ливорнскій въ Парижѣ.—Данныя Министрами празднества.—Изящный вкусъ Г. Талейрана.— Первый пріѣздъ Графа Ливорнскаго въ Мальмезонъ. —Разборчивая внимательность Наполеона. — Представленіе *Эдипа.*—Сужденіе Наполеона о Королѣ Этрурскомъ.—Жена, вразумляющая своего мужа.— Праздникъ Г-жи Монтессонъ.—Неудовольствіе Пер-

Стр

ваго Консула.—Отъѣздъ Короля и Королевы во Флоренцію.—Дурной пріемъ.—Переговоры съ Папою.—Мнѣніе Бонапарте о вѣрѣ.—Кардиналъ Гонзальви.—Молебенъ въ Соборѣ Богородицы.—Неприличія въ церкви.—Безвѣріе Консульскаго двора.—Отзывъ Ожеро — Первая обѣдня въ Сен-Клу.—Обѣдня во внутреннихъ покояхъ.—Г. Талейранъ разрѣшенъ отъ духовнаго обѣта.—Назначеніе меня въ Государственный Совѣтъ. 252

ГЛАВА XVIII.

Послѣдняя глава о Египтѣ.—Обращеніе къ прошедшему.—Адмиралъ Гантомъ.—Нерѣшительность.—Гг. Пуссіельгъ и Доръ. — Средство угодить Наполеону.—Лесть Генерала Менуа.—Письмо его къ Бонапарте.—Египетъ, замѣняющій Антильскіе острова.—Размышленія о торговлѣ.—Награды, данныя Менуа.—Даву.—Причины непріязни его ко мнѣ.—Новая нескромность Наполеона. — Сажалѣніе Перваго Консула о томъ что онъ ввѣрилъ Менуа главное начальство.—Аберкромбій.—Брестскій флотъ.—Время, потерянное въ Средиземномъ морѣ.—Возвращеніе въ Тулонъ. — Упрямство Гантома.—Неспособность Менуа.—Французъ-Турокъ.—Обманчивыя надежды Наполеона.—Выходъ изъ Египта, предвидѣнный Первымъ Консуломъ.—Суета завоеваній. — Г. Отто въ Лондонѣ.—Отсутствіе Талейрана.—Вовремя подписанныя предварительныя условія. 267

ГЛАВА XIX.

Самая достославная эпоха Франціи.—Пожертвованія Перваго Консула для заключенія мира.—Скрытные помыслы Англіи.—Мальта уступленная и удержанная.—Бонапарте и Англійскіе журналы. — Ненависть Перваго Консула къ свободѣ тисненія. — Жалобы

Стр.

Британскому Правительству на Англійскіе журналы. —Пельтье и журналъ *Двусмысленный* (l'Ambigu). —Письмо Г. Аддингтона къ Первому Консулу.— Равнодушіе Англійскихъ Министровъ къ журнальной брани.—Тяжба Наполеона съ Пельтье.—Безполезное осужденіе.—Генералъ Леклеркъ.—Сен-Доминго-ская экспедиція.—Тщетная попытка противъ независимости Негровъ.—Туссенъ-Лувертюръ.—Смерть его. —Ложные слухи.—Смерть Леклерка.—Суровость Генерала Рошамбо. 282

ГЛАВА XX.

Первые признаки болѣзни Наполеона.—Внезапная встрѣча въ коридорѣ.—Любовное свиданіе.—Бракъ Гортензіи.—Тайное свершеніе онаго.—Равнодушіе Перваго Консула къ обрядамъ вѣры.—Предпочтеніе къ Дюроку.—Переписка, въ коей я былъ посредникомъ — Происки Іозефины.—Рѣшеніе Наполеона въ пользу Дюрока. — Перемѣна положенія. — Утѣшеніе Дюрока. — Новая ошибка острова Св. Элены. — Тюлерійскій кабинетъ и будуаръ. — Ложь и явное опроверженіе.—Могущество клеветы. 294

ГЛАВА XXI.

Два президентства, возвѣщающія два престола.—Цизальпинская Консульта, собранная въ Ліонѣ.—Путешествіе безъ всякихъ предосторожностей. — Невѣжливость Кларка и неудовольствіе Перваго Консула.— Мальта и Англичане.—Мое безсмертіе по мнѣнію Наполеона. — Позволительная лесть. — Праздникъ Г-жи Мюратъ.—Бонапарте, царь празднества и обхожденіе его съ дамами.—Наполеонъ беретъ къ себѣ въ кабинетъ дѣла о исключеніи изъ списка эмигрантовъ.—Жаркое преніе въ совѣтѣ объ имуществѣ эмигрантовъ.—Торжество Революціи. — Доказательство, взятое съ острова Св. Элены. 304

Стр.

ГЛАВА XXII.

ученіе Генерала Себастіани.—Любопытныя свѣдѣнія. —Недостатокъ способовъ.—Непріязненныя выраженія Себастіани противъ Англіи.—Лордъ Витвортъ.— Страданія Наполеона. — Предчувствіе.—Корвизаръ, врачъ Бонапарте и главный Императорскій Медикъ. —Вліяніе физическихъ болей на характеръ Бонапарте.—Изорваніе статьи, приготовленной для *Монитёра*.—Посольство въ Лондонъ.—Генералъ Андреосси.—Каламбуръ Г. Талейрана въ кабинетѣ Перваго Консула. — Расточительность Іеронима Бонапарте. — Строгое письмо его брата.—Письмо Іеронима.—Геліогабалъ въ маломъ видѣ.—Ненасытность братьевъ Наполеона. — Г. Колло. — Поставки для флота.—Финансовыя правила Перваго Консула. . . 316

ГЛАВА XXIII.

шедшая въ пословицу лживость бюлетеней.—Исторія по Монитёру. — Несправедливости Наполеона противъ славы.—Защита и сдача Мальты Генераломъ Вобуа.—Г. Дубле.—Поддѣльное письмо.—Безполезныя требованія и дѣйствія.—Учрежденіе Почетнаго Легіона.—Мое одобреніе.—Затрудненія въ Совѣтѣ и въ Правительственныхъ мѣстахъ.—Слабый перевѣсъ голосовъ. — Монархическія мысли Г. Талейрана.— Приверженцы наслѣдственнаго правленія.—Странная угрюмость Луціана.—Зародышъ пожизненнаго Консульства.—Предпочтеніе самовластія свободнымъ постановленіямъ.—Притворное смиреніе.—Ограниченія Сената.—Чрезвычайная щедрость Государственнаго Совѣта.—Принятіе одного изъ двухъ предложеній.— Запоздавшія Присутственныя Мѣста.—Г. де Лафайетъ послѣ Маренго въ Тюлери. — Праздникъ данный Американцамъ. — Письмо Г. Лафайета къ Первому Консулу.—Голосъ, поданный условно и съ оговоркою. 328

Ст

ПРИЛОЖЕНІЯ

къ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ И ОБЪЯСНЕНІЯ.

Адресъ вольнаго Имперскаго города Гамбурга Консуламъ Французской Республики. 35

Докладъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ о Французскомъ Пританеѣ. 357

Докладъ Г. Талейрана о преобразованіи Дипломатіи во Франціи. 360

О состояніи Франціи съ 18 Брюмера. 365

Письмо Клебера, Главнокомандующаго Египетскою Арміею къ Исполнительной Директоріи Французской Республики. 372

Нота, вышедшая изъ кабинета Перваго Консула. . . . 377

Договоръ, заключенный послѣ Маренгскаго сраженія между Главнокомандующими: Французскою и Императорскою арміями въ Италіи. 378

Предварительныя статьи, предложенныя Генералъ-Лейтенантомъ Графомъ Гогенцоллерномъ Генералъ-Лейтенанту Сюшету. 380

Бюлетень Маренгскаго сраженія. 382

Уральский Индустриальн. Ин-тут
имени С. М. Кирова
Научная библиотека

Cm

Я.

354

357

360

365

372

377

378

380

382